

ГАНИ ДЖАМАЛЗАДЕ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

15 томов

VII том

**РОМАН
«ЗОЛОТОЙ ОСЛЕНOK»
и
РАССКАЗЫ**

ЗОЛОТОЙ ОСЛЕНОК

РОМАН

Гани Джамалзаде. ЗОЛОТОЙ ОСЛЕНОК (роман). VII том
Баку, Издательство «Qanun», 2022, 368 səh.

В VII том Избранных произведений писателя вошел увидевший свет в 2007 году роман «Золотой осленок». Роман был напечатан в VI и VII номерах журнала «Азербайджан» за 2007 год. Роман можно назвать кратким путешествием в столетнюю историю нашего народа. Писатель доносит до читателей жизненную правду, пропустив ее через сито своеобразного юмора. Увидев здесь недавнее прошлое и настоящее, мы понимаем разницу между тем, что мы потеряли, и тем, что обрели. Верится, что читатель прочтет роман с улыбкой на устах.

ISBN 978-9952-38-

© Гани Джамалзаде, 2022

© Издательство «Qanun», 2022

Книга отпечатана в издательстве Ганун

Баку, AZ 1102, пр. Тбилиси, 76

Тел: (+994 12) 431-16-62; 431-38-18

Моб: (+994 55) 212 42 37

e-mail: info@qanun.az

www.qanun.az

[www.fb.com/Qanunpublishing](https://www.facebook.com/Qanunpublishing)

www.instagram.com/Qanunpublishing

ПУТЬ ОТ РАССКАЗОВ К РОМАНУ

О писательском воображении, фантазии, о труде и удаче написано много. Сочетание первых трех качеств плюс талант (или дар Божий), казалось бы, должны обеспечить творческую удачу, успех. Но это не так. Необходимы еще и терпение, настойчивость, труд без усталости. И долг критика – разобраться в этом феномене – творчестве.

Гани Джамалзаде – писатель со своим самобытным почерком. Он живет как бы в стороне от литературной среды, не втираясь активно в литературный процесс, а наблюдая за ним. Тянет свой, как говорится, крест, не стараясь «мозолить глаза». Не бьет себя в грудь, напоминая, что участвовал в карабахской войне. Эта скромная самоустраненность от суеты и тщеты ощущаются в его творчестве. Джамалзаде в постоянных поисках нового слова, избегает самоповторов, пересказа уже сказанного. Тому свидетельство – его рассказы. Хотя, может, не все они в равной степени удались, но самобытность налицо. Гани Джамалзаде начал литературный путь как рассказчик; издал несколько сборников; его проза советского пери-

ода совершенно чужда стереотипам тех лет, затронутые темы поныне сохраняют актуальность, остроту, в том числе критическое начало, сатирическую заряженность, сочетающуюся с юмором.

Очевидно, короткий жанр – рассказ – подготовил почву к более широким, объемным воплощениям, и Гани Джамалзаде уже в пятидесятилетнем возрасте обратился к роману. Его роман «Золотой осленок» опубликован в журнале «Азербайджан», затем в переводе Надир-а Агасиева увидел свет на страницах «Литературного Азербайджана».

В центре романа – аксакал Эхсан-баба – воплощение высоких нравственных устоев, традиций национальной духовной памяти; он – как бы на одном полюсе извечной проблемы «отцы и дети», а «дети» здесь – представители нового поколения, на котором сказался, увы, захлестнувший современный мир дух прагматизма, вещиизма, меркантилизма. Эхсан-баба, разумеется, не приемлет эту духовную деградацию, жажду наживы, разрушающую личность, ему больно видеть «достоинство, что просит подаянья», «ничтожество в роскошном одеянии» (Шекспир, 66-й сонет). Даже борьба этого мудрого, во многом символического старца за жизнь – это не столько биологическая жажда за продолжение физического существования, а стремление завершить незаконные дела. «Все мерзостно, что вижу я вокруг, но как тебя покинуть, милый друг!» – горестно восклицал Шекспир в упомянутом сонете, а для героя романа Джамалзаде «милый друг» –

это неоконченный труд на этой бренной земле...

Эхсан-баба – как бы подвневременная твердыня народного духа, нравственного постоянства.

Взлелеянные и возвращенные им в праведных уставах дети, не утратившие уроки добра и справедливости, вновь обретают их в ауре отчего очага. Далее у нахрапистого репортера, прибывшего из Франции, в образе мышления и представлениях здесь происходит перелом и прозрение. Младший сын Эхсан-баба – Аби – как бы связующее звено между поколениями, между двумя нравственно-духовными поколениями, – на одном, современном полюсе – мир чистогана, международных, вернее, межклановых, геополитических распрей, на другом – мир крепких, корневых устоев, противостоящий ничемной и антигуманной суете сует.

Феномен Эхсан-бабы – противовес духовному разрушению человека. Еще одно достоинство романа – живописное, рельефное воплощение людей села (в отличие от иных верхоглядских сочинений), – эти персонажи – полнокровные, колоритные характеры, даже стоящие на втором плане.

Гарди-ами, Хазар, Асвар...

Возвращаясь к рассказам Джамалзаде, уместно напомнить умение автора одной метафорой охарактеризовать мировидение, уровень мышления персонажа. Как в рассказе «Зимний сон», когда слесарю во сне является Муза, а он принимает ее за муху... Это, конечно, сатира, за которой серьезная мишень – бездуховность, бескрылость отношения к жизни. Еще пример сатирического

дара Джамалзаде в аллегорическом рассказе «Белоухий ослик меняет ремесло» ослик заявляет: «Вот когда я вырасту, изменю профессию. Не буду ишачить!» А длинноухий родитель вразумляет: «Детка, ишачество – наше родовое ремесло. С такой башкой и копытами мы больше ни на что не годимся...» Емкая метафора и в рассказе «Ничто не пропадает», – здесь в противоборстве с «железными дверьми» автор на стороне тех, у кого «дощатые двери». Сатира и юмор имеют градации – у Джамалзаде смех может доходить и до саркастических нот, может перейти в иронию, сочувственно-грустную улыбку.

Гани Джамалзаде не склонен вешать ярлыки на персонажей, однозначно «ставить на них крест». Их слабости с ущербностью, быть может, не чужды и каждому из нас, и излечение их – в исцеляющем, а не уничижительном смехе. Как говорится, клин клином вышибают. Гани Джамазаде это умеет. Его рассказы убеждают в этом. Его роман, в свою очередь, говорит об уверенном творческом освоении новых, глубоких пластов жизни, современного бытия.

**Мамед ОРУДЖ,
Сиявуш МАМЕДЗАДЕ**

A decorative rectangular border with ornate, symmetrical floral and scrollwork patterns on all four sides, framing the central text.

ЗОЛОТОЙ ОСЛЕНОК
(р о м а н)

I

Когда исполнилось Эхсан-баба сто тридцать лет, так было по паспорту, прижала смерть его, не желая больше давать ему отсрочки. Одолевший старика недуг впился в него пиявкой и никак не отпускал. С самой весны проводил он дни свои в постели лицом на восток. Однако аксакалы и седовласые старушки, стекавшиеся со всего села, едва у него сбивалось дыхание, уже чуть ли не на помины его, так и расходились ни с чем. Эхсан-баба вновь оживал и приходил в себя. Хриплым со времен дервишества голосом призывал Всевышнего: «Йа Ху! Йа Хагг! Йа Мадат!» и, открыв глаза, кричал:

– Хочу видеть сыновей своих!

Смерть, немало на своем веку повидавшая, поражалась этому старику. Испокон века отбирала она жизни у людей, но такого еще не встречала. После восьмидесяти обычно все принимают смерть, как великий дар Божий. А этот старик умирал и вновь оживал, умирал и снова возвращался ... ну никак не

хотел отдавать Богу душу. Дело же, которому вышел срок, должно быть сделано. Вот почему смерть больше не намерена была давать отсрочки и никак не могла уже мириться с желанием Эхсан-баба жить и жить. Она понимала, что не сможет сразить его при сыновьях. А как же тогда? Она хорошо знала этого человека. Пятьдесят лет уж ходит за ним по пятам. Как ни бьется, как ни старается, никак не может положить его на лопатки. Честно говоря, поначалу старик ей даже нравился. И она не очень давила на него. Бывало, мимо проходила, но едва задев и не цепляясь крепко. Поражена была желанием семидесятилетнего старика иметь детей. Забавляясь, ждала, когда исполнится оно, чтобы не было у него больше причины оттягивать срок. Так старик почтенных лет стал отцом троих сыновей и дочери. Однако все ему было мало. Он их вырастил, отправил в город, дал образование, женил. И опять не успокоился. Внуков получил! И снова хватался за жизнь. Смерть решила, что этот старик, похоже, никогда не насытится. Он по-прежнему хотел жить дальше. Смерть бесновалась. Она уже готова была умолять Эхсан-баба не мучить ее, не цепляться за этот никчемный мир обеими руками, – пусть сердце живо, но кости ведь уже гниют, смирись же с тем, что человеческий сын не вечен, так не воюй, ложись, и я возьму, наконец, твою жизнь. Но она не могла сказать ему этого. Смерть не вправе нарушать неизменные правила вечной

игры, затеянной со времен сотворения человека. И вот теперь она нашла момент, уже почти настигла увертливую дичь, но тут объявились все три сына Эхсан-баба. И, ворча, смерть вновь вынуждена была отступить.

Приезд сыновей, наведывавшихся в село раз в год по обещанию, стал настоящим праздником. Старик вновь был полон сил, энергии, куда там! Он глубоко вздохнул и сел в постели. Как будто и не умирал во все.

Джамо и Джуму у родителей пробыли недолго. Подробно расспросили, отведа в сторонку, мать Гиля-нене. Как всегда, поспорили между собой. Близнецы не ладили с детства. Видя, что отцу полегчало, наутро вернулись в Баку.

Аби же, который всегда держался в стороне от старших братьев, возвращаться не спешил. Говорил он всегда мало, не слышно было его и сейчас. Гиля-нене не любила этого сына, считая его мямлей и недотепой. Рассердилась на бесцельно слонявшегося по двору Аби:

– Ну что бездельничаешь?! Пошел бы с отцом по-сидел! – и дальше продолжала ворчать. – В братьев своих не пошел. Они, вон, выучились, учеными стали, а ты, кроме как рабочим быть, в таком большом городе другой работы себе не нашел...

Аби улыбнулся:

– Что поделаешь, мама, такая уж у меня судьба, – и достал из кармана метр.

Гиля-нене подозрительно спросила:

– Что ты собираешься делать?

– Хочу дом отремонтировать, – буркнул Аби. – Не дай Бог, умрет отец, станут люди приходить, а дом в таком виде. Надо здесь все привести в порядок. Сначала заменю гнилые балки, потом черепицу на крыше.

Гиля-нене удивилась:

– Откуда ж у тебя столько денег?

Аби с усмешкой отвечал:

– Я, мама, больше твоих любимых близнецов зарабатываю. Если захочу, десяток таких ученых, как Джуму и Джамо, за пояс заткну...

Утром он отправился в райцентр, вернулся днем с полным грузовиком стройматериалов. Подобрал в селе двух помощников, и через десять-пятнадцать дней старый двор преобразился. Обновили стены, железом покрыли кровлю, выкрасили полы и потолки. Рядом с тендиром выросла баня. На каменных столбах установили большой бак. Ручным насосом, поставленным у родника, стали качать в него воду.

Такая бурная деятельность Аби совсем не трогала Эхсан-баба. Иногда он вставал на ноги, но боль была такая, что становился не мил белый свет. Обновленные дом и двор его раздражали. Полулежа на ковре

на веранде, облокотившись на подушку-мутакке, он выговаривал сидящему напротив Аби:

– Ну, что ты убиваешься, недотепа? Себя не жалко, так хоть денег своих пожалей. Что это ты здесь затеял?

Аби по-доброму пояснял:

– Хочу, баба, чтобы вы жили с городскими удобствами. А из-за денег не беспокойся, у меня они есть. Живи в свое удовольствие, баба!

Эхсан-баба застонал. Повернувшись к сидевшему рядом Гарди-ами, что каждый день приходил его проводить, сказал:

– О каком таком удовольствии говорит этот негодник, а? Я ведь одной ногой в могиле...

Гарди-ами был одним из тех сельчан, что тоже играли со смертью в палочки-догонялочки. Ему тоже перевалило за восемьдесят, но он так крепко уперся ногами в землю, что даже трактор «ЧТЗ», наверное, не смог бы вырвать его из этого светлого мира.

– Да речь не о том, что ты одной ногой в могиле, – сказал он. – Мне кажется, у него другое на уме... В село он хочет вернуться...

Баба недоверчиво посмотрел на сына.

– Есть такая мысль, – смущенно сознался Аби. – Но я еще не решил, баба!

Гарди-ами с гордостью взглянул на него:

– Если так, то ты, сынок, не даром ел отцовский хлеб, конечно, отчий дом не должен пустовать...

Эхсан-баба махнул рукой:

– Не болтай попусту, Гарди. Ты не смотри, что он так говорит летом, вот придет зима, он и сбежит. Увидит грязь, слякоть, вспомнит город, и ищи ветра в поле.

Аби возразил:

– Причем тут грязь и слякоть, баба!

Гарди-ами поддержал баба:

– Он верно говорит, сынок, пока зима в ворота не постучала, возвращайся в город! А то потом здесь и через реку не переберешься. Мост у нас хлипкий, идешь по нему и дрожмя дрожишь. Доски гнилые скрипят. Да и зайцев в этом году много, – поддел он его.

– Гарди-ами, не надо пугать меня, – уверенно ответил Аби. – Я давно уже не тот, кого знал ты в детстве, чтобы зайцев бояться! И дорога меня не страшит, а будет нужно, и мост построю...

Гарди-ами хотел сказать что-то еще, но тут Эхсан-баба стало плохо. Вместе они отвели его в комнату и уложили в постель.

Аби остался еще на пару дней. Удостоверившись, что отцу стало лучше, он вернулся в город.

II

После холодной, дождливой осени наступила зима. Суровая пора началась с буранов-ураганов. Снега навалило столько, что он сравнял горы и завалил дороги. Молчал в селе телефон. Ураган повалил столбы. Прекратилась подача электроэнергии, которую включали на один час в день. Теперь не то что в райцентр, в соседнее село невозможно было съездить.

Насчет провизии старики не беспокоились. Сыновья навезли столько продуктов, что впору было прокормить в течение года большую семью. Аби же, уезжая, положил в карман фартука Гиля-нене пачку пятидесятитысячных купюр. Не знавшая таких денег старуха решила, что это тысячные, и ничего не сказала. Ошибку свою поняла позднее, не то ни за что не взяла бы их.

За Эхсан-баба, то помиравшим, то вновь оживавшим, было кому ухаживать. Внучка от дочки Гюльназ всегда готова была помочь Гиля-нене. И двое других помощников, собеседники старика, тоже почти не отходили от больного. Одним из них был известный Гарди-ами, не оставлявший сводного брата своего покойного отца в тяжелое для него время. Дни напролет проводил он с ним рядом, из чего было ясно, что Гарди-ами – крепкий в дружбе человек.

Другим помощником был хромой мужчина, при-

ехавший в эти края из Ирана. В селе он объявился летом. Вообще-то чужаком он не был. Родом был с другой стороны горы Гызюрду. Их разделила советская власть, а когда-то они были одной землей, одним народом. Стали чужими после того, как закрыли границу. Теперь та сторона была Ираном, эта – Азербайджаном. Мужчина хорошо читал Коран, пять раз в день совершал намаз. Когда начался траурный месяц «магеррам», село было покорено приятным голосом иранского гостя. Его розеханы и марсии украсили дни «ашуры». Звали его Баламирза, но с легкой руки Гарди-ами все называли его молла Бала. Поначалу он смущенно возражал:

– Я, аксакал, этого звания принять не могу! Если в Тавризе узнают, забросают меня камнями.

Старый большевик Гарди-ами на такие вещи внимания не обращал. Посмеиваясь, успокаивал его:

– Не трусь, молла Бала! Приди в себя, здесь не Иран, здесь Азербайджан! У нас еще есть такие моллы, что на кириллице читают «Ясин»! Так по сравнению с ними ты вообще улем!

И молла Бала вынужден был принять новое имя.

После того, как оставил его в покое ангел смерти Азраил, Эхсан-баба стал интересоваться теми, кто к нему приходит. Спросил, кто такой молла Бала. Узнав, что он внук дервиша Пишана, подивился превратностям мира сего. Долго расспрашивал его, чтобы удостовериться.

После отъезда Аби молла Бала стал правой рукой Гиля-нене. Купал Эхсан-баба, следил за чистотой его и опрятностью. Готовил лекарства из трав. Он разбирался в народной медицине, целительстве. Лечение его хорошо действовало на старика. Эхсан-баба удивляла его услужливостью, и как-то, когда стало ему полегче, он спросил:

– Послушай, молла Бала, с какой целью ты так выкладываешься?

В тот день Гарди-ами еще не приходил. И молла Бала, видя, что никто им не мешает, выложил все, как на духу:

– Есть, конечно, причина моего приезда сюда из Ирана, баба-дервиш!

Эхсан-баба, месяцами бьющийся за жизнь, не смог скрыть своего интереса. Постанывая от боли, пошутил:

– Оно и видно, говори уже...

– Может, потом?... Когда окончательно выздоровеешь... – нерешительно сказал молла Бала.

Эхсан-баба перебил:

– Неразумно ждать окончательного выздоровления человека в моем возрасте, сынок! Ты же не похож на сумасшедшего. Говори, как есть!

И молла Бала решился:

– Ладно, баба-дервиш, я приехал сюда по наказу деда своего – дервиша Пишана. Мне, баба-дервиш, помощь твоя нужна...

Эхсан-баба приподнялся в постели:

– Так бы и сказал сразу! Сделаю все, что смогу, сынок. Правда, Пишан оказался неважным другом, но я не забываю тех, кто помог мне.

Молла Бала начал так:

– Слава Аллаху, баба-дервиш, что ты жив-здоров сейчас! Я очень рад видеть тебя в добром здравии. Ведь я приехал именно к тебе. По воле Аллаха в Тавризе познакомился я с племянником Гарди-ами. Ты ведь знаешь, он занимается торговлей. Здесь покупает, там продает, там покупает, здесь продает. Слово за слово, и, узнав, что он из Талышского магала, я очень обрадовался. Спросил, не знает ли он дервиша по имени Эхсан-баба? Внук Гарди-ами был очень удивлен, где ты, мол, где Эхсан-баба? Я удовлетворил его любопытство, сам же был рад тому, что ты еще жив. Мы подружились с внуком Гарди-ами. Когда, покончив с делами, он возвращался в Баку, я присоединился к нему и прибыл в Азербайджан. Внук Гарди-ами сказал, что очень занят и поехать в село не сможет. Написал записку для меня. Сказал, что если буду в селе, могу жить у дедушки его Гарди...

Эхсан-баба нетерпеливо:

– Ах ты злодей, да знаю я все это... переходи к делу! А то вдруг мне опять станет плохо. Рассказывай о дервише Пишане...

Молла Бала, довольный проявляемым собеседником интересом, продолжал:

– Дед мне рассказывал: «После конституции бродяжничали мы с тремя друзьями. Были близки с Саттар-ханом. Враги повсюду нас искали. Со страху мы переоделись в дервишей, став скитальцами. То переходили на ту сторону Талышских гор, то возвращались на эту. Прятались в одной из пещер на скло-не горы Гызюрду. Однажды послал я товарищей своих в нижние села. Кончалась у нас еда. Остался я в пещере один. Беспокойно ходил по ней, меряя пустое пространство. В центре пещеры попал мне под ноги камень. Он заинтересовал меня. Решил я вытащить его. Стал откапывать и увидел, что это высеченные из камня два барана. И написано еще что-то непонятное. Все это напоминало гробницу. Сдвинул я надгробную плиту. В ногах увидел фаянсовую лошадь. С трудом отодвинул в сторону плиту. И что я увидел? О Аллах, я онемел. Чего только там не было! Щиты, мечи, налокотники полководца, кольчуга, украшения, посуда, пиалы, графины, кувшины, афтофа, щипцы, подносы, тазы... И все из золота! Жадность одолела меня, сынок, и я быстро все прикрыл. Скоро пришли мои товарищи с плохими вестями. Оказывается, место наше было обнаружено. Нужно было бежать, спастись. Нас могли повесить... Мы быстро убрались отсюда. На лесной тропе встретили мальчишку. Он захотел присоединиться к нам.

Мы не стали возражать. Его звали Эхсан. В короткое время я понял, что мальчишка этот многое знает, всем интересуется. Куда только ни забрасывал нас случай, мы не знали покоя. Избавившись от друзей, я хотел вернуться назад. Одного из них я продал разбойникам в Афганистане, другого англичане повесили в Индии, третьего своими руками утопил в Индийском океане. Эхсана трогать не стал, по молодости его лет пожалел. Он был преданным, как собака. Когда заболел я тифом, все отвернулись от меня, только Эхсан не испугался, ухаживал за мной, от смерти спас. Целую неделю горел я, жар у меня был, терял сознание, бился в бреду. Если бы не Эхсан, умер бы. Но мне не нужен был свидетель. И я бросил его по дороге. Сам же вернулся обратно. Пошел в горы. К сожалению, власть Советов перекрыла границы, невозможно было пройти. Если будешь в тех краях, найди Эхсана. Жив будет, от моего имени откроешь ему тайну. Пусть отведет тебя на Гызюрду. Сокровищ там и на двоих хватит. Станете самыми богатыми людьми в мире. Меня помянете, молитву «Ясин» за упокой души моей прочитаете. Если же Эхсан нашел клад, забереешь себе мою долю. Боюсь, что в бреду мог выдать ему тайну. Но Эхсан – честный человек, тебя он не обманет...»

Здесь Эхсан-баба удержаться уже не смог, рассмеялся. Насмешливо сказал:

– Да чтоб издох петух твоей бабки, молла Бала! Развеселил ты меня.

Молла Бала с неожиданной для него дерзостью отвечал:

– Что смешного в завещании моего деда, баба-дервиш?

Эхсан-баба вытер глаза тыльной стороной ладони и сказал:

– Сынок, этот врун Пишан пошутил! Я знаю все пещеры в этих горах, как свои пять пальцев. И захоронение с двумя баранами, о котором ты говоришь, я тоже нашел. Верно, было там и оружие, и еще что-то, но все из железа, бронзы, но не из золота.

Молла Бала изменился в лице, спросил подозрительно:

– Говоришь, что дед мой лгал на смертном одре? Не может быть!

Старик задумался, но потом вышел из себя:

– Ты что, будешь рассказывать мне, каким был Пишан? Я с покойным десять лет дервишествовал. О его таланте сказочника ничего не скажешь! Только жаден он был. А то как же! В пещере золото, и он его там оставил! Кто бы поверил! Ни одно его слово не было правдой. Даже дыхание его было лживым. Суди сам, если скажу тебе, что ни в Афганистане никого из нас не убили, ни в Индии не повесили. Все мы живые-здоровые повернули назад. Еще скажу тебе, что в Индии, в городе Гейдарабаде, Пишан та-

кое нам устроил! Посетили мы храм Будды. Так руки его покоя не знали, стащил ожерелье с шеи статуи. Стекланные бусы принял он за драгоценные камни. Пропажу заметили, и такое тут началось! Нас схватили, хотели бросить в костер, потом пожалели, хорошенько поколотили и отпустили. Вырвавшись на свободу, мы прогнали от себя Пишана. Из рассказанного тобой правда лишь то, что он болел тифом. Товарищи наши хотели бросить его и уйти. Я же не смог, пожалел. Возился с ним до самого выздоровления. А он все бредил: «Гызюрду! Гызюрду! Пещера! Все мое! Сокровища мои!» Но я не поверил, потому что хорошо его знал. Вот это есть правда, молла Бала!

Молла Бала, отведя глаза, тихо сказал:

– Баба-дервиш, может, ты нашел какую-то другую пещеру? Не ту, о которой говорил мой дедушка Пишан?

Эхсан-баба какое-то время молчал и, наконец, прошептал:

– Возможно! Но два барана на надгробии, фаянсовая лошадь в ногах говорят о том, что Пишан был именно в этой пещере.

– Может быть...

Эхсан-баба перебил собеседника:

– Ничего не может быть, сынок! Не было там золота! А если и было, унесли до меня. По тому, как вещи в гробнице были раскиданы, я понял, что здесь

многие уже побывали, все в могиле перевернули. Меня расстроило, что она была в таком виде...

Вздохнув, молла Бала пошутил:

– Баба-дервиш расстроился, что золото не тебе досталось?

Старик приподнялся в постели, посмотрел с укоризной.

– Я думал, ты умный человек, молла Бала, – сказал он. – Подумай сам, нужно ли мне что-то в таком возрасте? Нет, сынок, нет! Я и в молодости бежал от богатства. Золото всегда приносит несчастье... Причина моей печали в другом. Скажу тебе... Честно говоря, пещеру я нашел вот как... Я искал камень для огранки. Стучал молотком по скале и наткнулся на искусно замаскированный вход. С помощью нескольких факелов обследовал пещеру и увидел сокровищницу. Рассказал обо всем руководящим лицам. Никто и не шевельнулся. Обратился к Джуда Баги. Он с отцом и я сговорились. Пригласили двоих из района. Выслушав меня, они согласились подняться на Гызюрду. Но на полпути изменили решение. Не смогли ступить на тропу над обрывом. Пошли мы вдвоем с Джуда Баги. Спустили из пещеры вниз все, что смогли. Погрузили на ослов и сдали тем двоим из района. Они сказали, что вернутся через пару дней и заберут остальное. Но никто не приехал. Времена были плохие, сынок, никого не инте-

ресовало прошлое. Всех волновали только деньги и золото. Вот причина моей печали, сынок.

Молла Бала с неподдельным интересом:

– А что было потом?

– Потом, видя, что никто не проявляет интереса, отправился я туда один. Все, на что сил хватило, навьючил на осла, отвез в район и сдал в музей. Еще раз поехал, сложил в мешок фаянсовые фигурки, мечи, кинжалы и тоже сдал. В райцентре надо мной посмеялись, сказали: ты, мол, баба, наверное, золото прибрал, а нам голову морочишь этими безделушками. Напраслина больно задевает человека. Сказав: «Ланатуллахи ала-ал гёвми-каферие», я ушел. Я бы не оставил это дело. Но в последний раз, едва я отошел от пещеры, как дрогнула земля, и горы заплясали, как игрушечные. Пещера оказалась засыпанной камнями. Найти-то пещеру я найду, но чтобы попасть в нее, надо будет разобрать кучу камней и гору земли.

– Баба-дервиш, а почему в могилу положили все это? – спросил молла Бала.

– Я, сынок, где только ни побывал, мир посмотрел. Видел я такие вещи. Наверное, в древности обычай был делать фигурки слуг, вещей, предметов обихода, животных и хоронить их вместе с хозяином. Получается, они верили в мир иной. Так вот, я рассказал тебе все, что знал...

Молла Бала уже ни в чем не сомневался.

– Я тебе верю, баба-дервиш, – сказал он. – Наверное, статуи баранов, что у ворот, ты из пещеры той принес?

– Да нет, сынок, я сам их вытесал. Чтобы привезти тех баранов, сила нужна, тяжелые очень. А вот фаянсовую лошадь привез в хурджуне. Особой красоты в ней нет, но мастерство старинное, решил я. Если хочешь посмотреть, она в сарае...

Молла Бала безразлично:

– На древних могилах много таких памятников. Зачем она тебе?

– Не знаю, сынок, думал, сделаю такую же из камня, – так же нехотя ответил старик. – Она в сарае, в яслях, хочешь, взгляни.

Молла Бала по-прежнему безразлично отвечал.

– Да зачем мне, баба-дервиш! – он улыбнулся. – Но как выздоровеешь, отведишь меня в те горы. Пусть порадуетса дух моего деда.

Прислонившись к холодной печи, молла говорил, как человек, надежды которого не оправдались. Для Эхсан-баба он был как открытая книга. Губы его тронула улыбка:

– Если только смерть позволит, – сказал он и, чтобы положить конец разговору, прикрыл глаза.

III

– Спишь, баба-дервиш? – спросил молла Бала.

Старик не ответил. Гость посидел еще немного, потом вышел из комнаты. Эхсан-баба открыл глаза, приподнялся и сел. Набил табаком трубку, закурил и выпустил пару клубов дыма. Вздуродраженные мысли его постепенно упорядочились.

Открыв пять-шесть лет назад захоронение в пещере, Эхсан-баба и сам удивился. Он готовился несколько дней. В свете факелов пядь за пядью обследовал гробницу. Все предметы аккуратно были разложены, очищены от земли и пыли, сложены у входа. Он просто опешил от скудости гробницы. Как видно, кто-то давно уже растащил убранство дома покойного в потустороннем мире. Ничего ценного не оставили.

Кроме Эхсан-баба, эти горы хорошо знали всего несколько человек. В живых из них осталось и того меньше. Если старика тогда и беспокоили подозрения, ни о ком конкретно он не думал. Появление потомка дервиша Пишана все расставило по местам. Эхсан-баба задымил трубкой, вспоминая события пятидесятилетней давности. Тогда он женился во второй раз. Этот странный брак был бы у всех на устах, если бы в Талышский махал не пришла беда похуже второй мировой войны. Каждый был озабо-

чен собственной судьбой. Власть Советов одно за другим освобождала приграничные села, переселяя жителей в другие районы. Народ пешим ходом приводили в райцентр и там грузили на телеги и грузовые машины. Ничего, кроме одежды и постели, брать не разрешали. Все остальное, включая скотину, птицу, хозяйство, отбиралось. Тех, кто покорно подчинялся приказам власти, переселяли в жаркую Муганскую степь, тех, кто проявлял недовольство, как врагов народа, – в Казахстан. Таким образом Советская власть хотела перекрыть пути империалистическим агентам, пытавшимся проникнуть в страну из Ирана.

В тот год район заполонили солдаты, милиция. Это нашествие военных навело ужас на махал, недалеко ушедший от патриархального уклада жизни. Люди больше, чем милиции, боялись русских солдат, не понимавших и не принимавших никаких просьб и жалоб. Сыны неверных поджигали освобожденные дома на глазах у хозяев. Надежды на возвращение не оставалось.

В горах появились гачаги. Чтобы справиться с этими смельчаками, не терпящими гнета, из соседних районов были призваны милицейские отряды.

Гарди, вернувшись с войны, работал в милиции. Командовал одним из небольших отрядов. Хорошо знал горы. В детстве он часто ходил туда с Эхсан-баба. Многому у него научился. В подчинении у Гарди

были два солдата и один милиционер. Его конный отряд носился по всему району. В короткое время они арестовали двух гачагов, отправили в Ленкоранскую тюрьму. Он стал правой рукой пограничников. Крепко подружился с командиром заставы. Этот русский офицер и шагу не делал, не посоветовавшись с Гарди. Иногда он присоединялся к отряду Гарди, спускавшемуся отдохнуть в село, где был уважаемым гостем в доме Гарди. Хозяин дома, умевший вразумительно говорить по-русски, был человеком верным.

Тогда же Эхсан-баба как-то отправился в соседнее село, находившееся повыше через лесок. Погрузил на осла мешок пшеницы, чтобы обменять ее на картофель. Отчего-то этот овощ приносил хороший урожай в Зуване. А что за вкус! Невозможно было насытиться. Эхсан-баба стал гостем внука покойного друга. Собрались мужчины, и стар, и млад, чтобы поприветствовать знаменитого аксакала магала. Всем было не до веселья, народ беспокоился. Знали, что переселение их не обойдет. Село было у границы. Не успели они и словом перемолвиться, как село окружили солдаты, милиция. На скрип четырех-пяти запряженных волами телег народ высыпал из домов. Эту беду они ждали давно. Село оживилось. Солдаты с автоматами заходили в дома и гнали всех к телегам.

Эхсан-баба, видя, как милиционер силком сажает в телегу старуху своего друга, разозлился:

– Кто ж так делает, сынок! Даже немцы такого не вытворяли...

Но старик не договорил, тут же два солдата наставили ему в спину автоматы. Подталкивая, повели к другой телеге. Он услышал, как за спиной старуха громким голосом проклиняет их:

– Да чтоб рухнули дома ваши, да вам на головы! За что очаги наши разрушаете? Чем виноваты мы? Аллах ведь не примет такого злодеяния, не простит!

Милиционер пытался успокоить ее:

– Не проклинай, бабушка, приказ властей! Честное слово, вас переселяют в лучшее, чем это, место.

Старуха плаксиво:

– Где то лучшее место?

– Вас отправляют на Мугань, в Пушкинский район.

Неграмотная женщина не разобрала названия района и, царапая себе лицо, запричитала:

– Пусть накажет вас Аллах! Что мы сделали этой власти, что отправляет нас, обрекает на дни черные в «недобрый день» (пис гюн)?

Эхсан-баба уже увозили с переселенцами, но тут оказался Гарди в гуще событий. Сказал пару слов солдатам, и его отпустили. Гарди посадил Эхсан-баба на его осла и проводил до окраины села. Потрясенный старик, расставаясь, пробормотал:

– Ты почему, сынок, вместе с русскими рушишь дома талышей? Ведь ты не был таким?

Выговор Эхсан-баба расстроил Гарди, огрубевшего от тягот войны, от контузии.

– Не бей по больному, баба! Я не могу играть в государство с государством! Сил не хватит. А хватило их лишь на то, чтобы с помощью моего русского друга из списка переселенцев вычеркнули несколько сел, в том числе и наше, – сказал он и повернул обратно.

Прошло несколько месяцев, переселение было завершено. И однажды пришло известие, что Гарди арестовали. Стало известно, что членов его отряда убили гачаги. Начальник не мог простить ему этого. Долго мучили Гарди, но конец оказался хорошим. С помощью командира заставы дело закрыли, а ему самому присвоили офицерское звание. События, произошедшие после этого, не вмещались в сознание. Повысили в звании и русского друга Гарди, а вскоре вообще перевели его в Баку. Он забрал с собой и Гарди. Прошло пять-шесть лет. Гарди вернулся в район в чине майора, стал начальником милиции. Долго проработал на этом посту. В селе построил себе целое имение. Гостей бывало у него много, так что столы всегда были накрыты. Но жизнь этого человека была за семью печатями. То, как безземельный крестьянин, крутивший быкам хвосты, стремительно возвысился, стал в районе хозяином положения,

было тайной из тайн. Земляков его умиляло то, что знавшийся с высокопоставленными людьми Гарди по-прежнему живет в селе. Несколько раз в год из Баку приезжал к нему его русский друг, в его честь устраивались застолье, охота. Дела Гарди стали плохи после того, как дослужившийся до генерала друг попал в аварию и погиб. Гарди вышел в отставку. Ушел в себя, стал домоседом. И из села не уехал.

Семья у Гарди была большая. Жена родила ему целый выводок дочерей. Будучи на высоком посту, он не перевез свою семью ни в Баку, ни в районный центр. Держал их в селе. Дочерям его лучше было не показываться на люди. Все были страшненькими, да и со своими недостатками, так что сидели они дома в старых девах. Только младшая, что была чуть покрасивее остальных, вышла замуж за вдовца. Но и то ненадолго. После смерти мужа она вернулась к отцу с его сыном от первой жены. Гарди прикипел к этому смышленому мальчику. Мальчик выучился, вырос, ушел в армию и больше в село не вернулся. Обосновался в Баку. После развала Советов при помощи Гарди занялся бизнесом, в короткое время разбогател. Теперь говорили, что он то в Иране, то в Турции, то в Арабских Эмиратах. За все это время всего один раз приезжал в село. Проведал мачеху, но долго не пробыл. Чужая кровь не прикипала. Однако от увесистого узелка Гарди не отказался. Охотно пересыпал золото себе в карман и уехал.

Единственный человек, с которым дружил Гарди, был Эхсан-баба. Правда, вел он себя спокойно, делил вместе со всеми и горе, и радости, но сельчане по-прежнему его сторонились. Слово его всегда было крепко. Гордец Гарди порой жаловался Эхсан-баба:

– Живу под одной крышей с целым табуном женщин. Так вот наказал меня Аллах. Некому осветить мой дом.

Эхсан-баба всегда удивлялся достатку Гарди. У человека, вначале жившего на зарплату, теперь – на пенсию, деньги не переводились. Работая начальником милиции, он и взятки не брал. Гарди был известен своим бескорыстием.

Эхсан-баба его успокаивал:

– Не говори так, Аллах вместо сына послал тебе такого внука.

Гарди не соглашался:

– Ты не знаешь, я расплачиваюсь за свои грехи. Ты не знаешь...

...Вспомнив все это, Эхсан-баба глубоко вздохнул, бурча, прикрыл глаза.

– Не умер вот, узнал и это! – пробормотал он и спокойно уснул.

IV

Такой зимы не мог припомнить и Эхсан-баба. Снега навалило выше головы. Люди попрятались в домах. Аксакалы, вспомнив Эхсан-баба, иногда приходили его навестить. Чувствовал он себя хорошо, но порой ему нездоровилось. Как-то стало ему плохо, лицо почернело, как уголь. Гиля-нене, ухаживавшая за ним, как молодая невестка, забеспокоилась. Читавший Коран молла Бала замолчал.

– Как же сообщить в Баку? А, Гарди? – волновалась она.

Эхсан-баба открыл глаза, с трудом приподнялся в постели и протянул к ней руку:

– Сиди спокойно, Гиля! Не дергай детей, не собирай опять сюда народ! Сколько тебе это повторять? Даже увидишь, что испустил я дух, и тогда не торопись! Потерпи пару часов, потом уж шум поднимай, мол, умер Эхсан-баба!

– Послушай, баба, – взмолилась Гиля, – хорошо бы приехать сыновьям, о завещании скажешь...

Тяжело дыша, Эхсан-баба перебил ее:

– Не говори глупостей! Как стукнуло мне семьдесят, каждый день завещаю. Оставь детей в покое...

– Не говори так, – сказала Гиля-нене, поправляя одеяло, – ухаживать за родителями – долг детей...

Тут белая борода Эхсан-баба встала дыбом.

– Так и станут они ухаживать! – сказал он. – Эх, ты, сиротина, ну нет такого великодушия в рожденных тобою детях, что я-то поделаться могу?! Едва приедут, не успеешь оглянуться, а их уже и след простыл...

Сидевшей в ногах кровати Гиля-нене совсем не понравилось обращение «сиротина». Оно напомнило ей горестное прошлое. И она резко ответила:

– Твои же дети, за что меня корить-то?! – И с болью добавила. – А что им остается? Не сам ли виноват?

Эхсан-баба строго спросил:

– Какая же вина на мне, Гиля?

Гиля-нене вскинулась:

– Не можешь умереть, как человек! Вот твоя вина! Ровесников твоих уже и кости сгнили, а ты все дышишь! И когда ты уже помрешь?..

Молла Бала растерялся от такой грубости женщины, обычно мягкой, как шелк. Однако Гарди-ами и Худу-киши совсем не удивились. Пожилые люди хорошо знали Гиля-нене. Она с молодости была такой. На нее что-то такое находило, и она становилась сама не своя, выходила из себя, говорила, что попало, кричала, а потом успокаивалась и опять становилась прежней. Теперь она постарела. Наверное, потеряла и остатки бывшего ума. Гарди-ами, перемигнувшись с Худу-киши, мягко сказал:

– Не говори так, старостина дочь, грех это! Кто, кроме Аллаха, может знать, кому какой положен срок?

Гарди-ами нашел ее слабое место. Гиля-нене, вспомнив своего отца, одно время действительно бывшего старостой в селе, всплакнула, размякла и тихо пробормотала:

– Разве я хочу его смерти? Пусть живет, сколько душе его угодно...

Эхсан-баба вдруг покрылся испариной, ему полегчало и, возблагодарив Аллаха, он сказал:

– А я и не думал умирать!

Сидевший справа от печи Гарди-ами хоть и был по сравнению с Эхсан-баба мальчишкой, но иногда пошучивал с ним. Вот и сейчас, перебирая четки, сказал:

– А кто же хочет твоей смерти, баба?! Живи, сколько хочешь! Но когда придет время, уже не шали! Аллаху не понравится. Дай возможность бедняге Азраилу сделать свое дело...

Эхсан-баба погладил бороду и выговорил улыбающемуся Гарди:

– Гарди, сынок, ты такой же ябеда, как твой покойный отец! – он улыбнулся. – Да упокоит Аллах его душу, но было время, таскал он то и дело в село чекистов. Каждый день расправлялся с кем-нибудь из богачей. И ты идешь его дорогой, сдаешь теперь меня Азраилу?

Молла Бала закрыл Коран, поцеловал и отложил в сторону.

Довольный перепалкой аксакалов, он прокашлялся, прося слова. Эхсан-баба насмешливо:

– Пожалуйста, молла, пожалуйста! Конечно, тебе слово и до того, как придет Азраил, и после его прихода...

Молла Бала, не обращая внимания на подколы, мягко проговорил:

– Баба-дервиш, в эти несколько месяцев стало ясно, что Азраил не по твою душу приходил. Он ошибся! Но посланника Аллаха нельзя отпускать с пустыми руками, грех это. И если Гарди-ами такой хороший друг...

Гарди-ами прервал его:

– Предположим, я согласен, и Азраил забрал мою жизнь! И тогда такой человек, как Эхсан-баба, вынужден будет оставаться здесь с такими вот несмышленишками, как ты, согласен?

Эхсан-баба улыбнулся. А Худу-киши, не удержавшись, расхохотался.

– Ха, ха, ха! Молла Бала, Гарди-ами – старый чекист! Тебе с ним в разговоре не тягаться! – сказал он и покраснел, как ребенок, и, несмотря на то, что было ему семьдесят, попросил прощения у старших – Прости, баба, как-то нехорошо я рассмеялся при вас, старших...

Гарди-ами, усмехаясь, успокоил его:

– Ничего, не горюй, вот повзрослеешь, тогда и не станешь делать ошибок...

Эхсан-баба поднял палец, Гарди-ами умолк на полуслове. Послышались стук, топот под полом. Баба, обращаясь к старухе:

– Гиля, чего длинноухая наша так беспокоится? Разнесет сарай, чего доброго... Накормила, напоила ты ее?

Молчавшая до того Гиля предположила:

– На сносях она. С осленком она, может, оттого и беспокойная такая? Утром кормила ее. Сейчас спущусь, посмотрю.

После того, как вышла Гиля-нене, все свободно вздохнули. Она давила на всех своим присутствием. Гарди сказал:

– Ай, баба, при смерти уже, а осла своего не забываешь, – и добавил, удивляясь. – Ведь эта старая ослица бесплодна! Чего это она вдруг вздумала плодиться?

Просторный сарай Эхсан-баба уже много лет пустовал. Он не держал ни скотины, ни овец. Напуган был коллективизацией тридцатых годов. Но всегда держал одного осла. Это животное было помощником ему во всех делах по хозяйству. Он и ездил на нем, и дрова возил, и на мельницу снаряжал, и даже камни с гор на нем привозил во двор. Много ослов перебивало у Эхсан-баба, но нынешнюю ослицу он не променял бы и на табун лошадей. Животное понимало язык. И теперь эта старая бесплодная ослица со стертыми зубами была с приплодом.

Эхсан-баба разозлился на Гарди-ами:

– Не говори ерунды! – потом рассмеялся. – Это все дело ослов Ходжата. Осенью Аби посылал Ходжата в лес. Два дня он возил нам дрова. Ходжат брал по дрова вместе со своими и мою ослицу. Тогда, наверное, она и понесла.

Гарди-ами все не унимался, продолжал шутить, пользуясь тем, что Гиля-нене далеко:

– Э, Эхсан-баба, с Ходжатам тебе не следовало соглашаться даже на ослиное родство, – потом, что-то вспомнив, с деланной серьезностью сказал Худу-киши. – Чем все это кончится, а, Худу? Что ты думаешь?

Лицо Худу-киши с редкой растительностью было красным. В свои семьдесят лет он был похож на молодого парня. В селе все от мала до велика потешались над этим простодушным, наивным человеком. Не разобрав насмешки в словах Гарди-ами, он сказал:

– Баба, Гарди-ами прав! Этот Ходжат – очень плохой человек. Когда-то и со мной приключилась такая история. Моя ослица снюхалась с его ослами. И когда родился осленок, он заявил, что ему с этого причитается.

Эхсан-баба еле сдерживался. Молла Бала прикусил губу. А Гарди-ами очень серьезно сказал:

– И что было потом, а Худу?

Худу-киши вздохнул:

– Ну, вижу, что не отстает, я и отдал ему осленка!

Сказал: забирай, да не впрок тебе он пойдет! Так что теперь, баба, берегись, Ходжат – очень злонамеренный человек. Если узнает, силой отберет у тебя осла-ленка!

После этих слов никто уже не в силах был сдерживаться. Посмеялись вволю. Недоуменно хлопавший глазами Худу-киши переводил взгляд с одного на другого. Больной же вдруг с улыбкой на губах обессиленно прикрыл глаза, Гарди-ами встревоженно произнес:

– А Эхсан-баба-то, кажется, смеясь, и помер?

Молла Бала склонился над больным, прислушался к дыханию и сказал замершим в ожидании аксакалам:

– Нет, не умер! Это просто сон! Пускай поспит...

V

За месяц до наступления праздника Ид, называемого Новрузом, малый Буг пришел в движение, разбудил землю, прошелся по снежному покрову, отводя его от села. До победного бега большого Буга оставалось всего ничего. Весна уверенно стучалась в двери.

Эхсан-баба к празднику Ид оказался жив-здоров. Стало ясно, что старик уже не думает умирать. Он взбодрился, без разрешения старухи спустился во

двор. Был полдень. Возвращавшаяся от соседей Гиля-нене, увидев, что Эхсан-баба обтесывает один из сложенных у ворот камней, приладив его в деревянные тиски, рассердилась:

– Что за дела? Сам болеешь и работать вздумал? Что ты опять взялся за эти камни?! Не они ли довели тебя до такого состояния?

Эхсан-баба, не оборачиваясь:

– Дай отвлечься!

Но Гиля-нене отставать не думала:

– Ты же одной ногой в могиле, брось ты этот топор! Вернись в дом, ложись в постель, что за важность такая?!

– Дай закончить...

– Что ты делаешь?

Эхсан-баба бросил топор на землю, вытер пот со лба, поправил куртку на плечах и сказал:

– Надгробный камень готовлю, Гиля! Не мешай...

Гиля-нене не расслышала, подошла поближе, приставила к уху ладонь и переспросила:

– А? Не поняла!

Эхсан-баба не отмахнулся от нее, громко повторил свои слова. Гиля-нене вздрогнула. Старуха сильно боялась смерти. Она и на поминках ни у кого долго не засиживалась. И теперь, дрожа, спросила:

– И кому же это?

– Тебе, Гиля, тебе!

Гиля никогда так не сердилась.

– Себе надгробие готовь! – закричала она. – Или, может, ты у нас пока еще ребенок малый!

Эхсан-баба пренебрежительно:

– Я, конечно, не ребенок, но и помирать желания не имею! Это ты недовольна жизнью, все ворчишь.

Беременная ослица, привязанная к дереву, на шум наострила уши. Она жевала покрывшиеся почками ветви тутового дерева. Что там ей пришло в голову, неизвестно, но она вдруг подняла свою большую голову и закричала. Гиля-нене от слов баба стало так плохо, что у нее отнялся язык, и она зло молчала. От крика ослицы она вздрогнула и тут же снова обрела дар речи. Глухим голосом заговорила:

– Клянусь, баба, у тебя ума осталось не больше, чем у этой рыжей ослицы! Сколько раз на день можно хоронить меня, убивать человека! Да разве потерпит Аллах такое, чтобы тебя в сто тридцать лет оставить в живых, а меня, семидесятилетнюю, убить?

Баба получал удовольствие от того, как старуха его выходила из себя.

– Эх, Гиля, Гиля, Азраил на года не смотрит, забирает и молодых, и даже детей малых! – сказал он и ласково добавил. – И потом, где же это ты молодая?

Гиля-нене совсем распалилась, голос ее зазвенел:

– Что? Это я старуха? Теперь значит так, да? Или, может, похоронив меня, молодую жену взять хочешь? Постыдился бы седой бороды своей! Я же го-

ворю, вон, в прошлом году интересовался ты вдовой дочкой Худу! Слышала я, дрова колол для нее! В тот день и домой вернулся затемно! Думал, не узнаю, да?

Эхсан-баба решил уже не связываться с разошедшейся не на шутку старухой, достал и раскурил трубку. Присел на один из больших пней, подставив спину весеннему солнцу.

Гиля-нене, продолжая говорить, посматривала на камень в тисках. Разобрав, наконец, что похож он на лошадь, успокоилась, смягчилась:

– Это же лошадиная статуя, баба, не надгробие совсем... Чего ж ты меня путаешь? Разве не знаешь, что, услышав о смерти, я теряю голову? – спросила она.

Эхсан-баба, не глядя на нее:

– Думаешь, статую лошади нельзя поставить вместо надгробия?

Гиля-нене посмотрела-посмотрела и так оценила его мастерство:

– Лошадь, которую ты сделал, похожа на осла! – она рассмеялась. – Она такая же, как та фаянсовая в сарае...

Эхсан-баба обиделся на старуху, смеющуюся над его работой:

– Много ты понимаешь! Вот закончу, тогда посмотришь.

Гиля-нене покачала головой:

– Ты вытесал двух баранов, теперь коня мастеришь! Ох-ох-ох! Двор наш превратишь в зверинец. Честное слово, с тех пор, как заболел ты, растерял остатки ума.

Баба и вправду разозлился, схватил с головы шапку и запустил ею в старуху:

– Молчи! Не зли меня! Убью!

Гиля-нене, слышав в голосе мужа прежние суровые нотки, притихла, как ягненок. Подняла его шапку из-под ног, отряхнула и надела ему на голову.

Плаксиво сказала:

– Пожалей ты бесноватую Гиля... ради сыновей.

Смягчившись от слез старухи, Эхсан-баба вздохнул:

– Ладно, старостина дочь, завари чаю, посидим, поговорим.

Гиля-нене поспешила исполнить его просьбу. Во дворе воцарился мир.

VI

Дом, в котором жили старики, с одной стороны был двухэтажным, с другой – одноэтажным. Каменщик, сообразуясь с имеющимся пространством, соорудил из речного камня на спуске аккуратное строе-

ние. Один конец длинной веранды упирался в холм, другой конец находился над сараем. В горных селах часто можно встретить такие дома. Удивительно было другое. Возраст дома перевалил за сто пятьдесят. Эхсан-баба родился в этом доме. Он был последним ребенком в богатой семье. У отца его было много скота, овец. Жили широко. Старшие братья Эхсан-баба вывозили на большой Базар в Ленкорани масло, сыр, в Астраханбазар – овец и ягнят. На вырученные от торговли деньги покупалось все необходимое в дом и по хозяйству. А Эхсана они отдали учиться. Ребенок был умным. В короткое время освоил Коран, но он разбил надежды семьи. Однажды Эхсан, ходивший к молле в соседнее село, домой не вернулся. Говорили, что связался с заплутавшими здесь дервишами. Отец и братья долго его искали, но не нашли. Пятнадцатилетний мальчик просто исчез.

Все решили, что Эхсан умер. Мать от горя по последышу своему слегла и больше не встала. Двадцать лет не было от него вестей. Но в год советизации он вдруг объявился. Родные узнали его с трудом. Голова и борода его побелели, от пережитых тягот огрубело лицо, длинные волосы рассыпаны по плечам – приход этого чужого человека взволновал село, все еще живущее патриархальным укладом. Все, кто видел его дервишеское одеяние, чашку из черепашьей ко-

сти на плече, большую узловатую палку, приходили в ужас. Когда же он выкрикивал: «Йа Ху», «Йа Мадат», «Йа Хагт»», маленькие дети начинали плакать, а у беременных женщин начинались боли.

После прихода советской власти дела семьи пошли хуже. Один из братьев Эхсана умер от опухоли на ноге, другой умер, возвращаясь с охоты. Их дети тоже поумирали от неизвестной болезни. Зажиточная семья обеднела на глазах. Отец Эхсана совсем потерял голову от жестоких ударов судьбы. Хоть он и терпеть не мог сына-дервиша, но пришлось все надежды возложить на него. Эхсан же не был охоч до мирского добра. Чего же еще ждать от человека, годами водившего дружбу с дервишами? Целые дни проводивший в горах, Эхсан не интересовался ни посевами, ни хозяйством. Больной отец выходил из себя.

В тридцатые годы Эхсан вообще оставил семью ни с чем. По селу разнеслась весть, что создается колхоз. Эхсан, вернувшийся из нижних сел, сразу собрал всю скотину, овец, коней, ослов. Отец с трясущейся головой, охая, спросил:

– Куда ведешь животных, сынок?

Эхсан спокойно ответил:

– Сдам в колхоз...

Старик взволнованно:

– Но я ведь не хочу быть в колхозе! Разве колхоз – не добровольное дело?

Эхсан, не повышая голоса, объяснил:

– Какое там добровольное, отец?! Лучше помалкивай.

Старик поднял шум:

– Я зубами и когтями наживал эту скотину, зарабатывал... я не желаю...

Эхсан снова попытался уговорить его:

– Ты не слышал отец, там, в нижних селах богачей к стенке ставят? Расстреливают! Не слышал?

Старик в отчаянии произнес:

– А что проку жить мне, если заберут мою скотину? Пусть расстреливают!

– Если не отдадим по-хорошему, все равно отберут. С этим ничего не поделаешь, отец...

Старик совсем разошелся, рванул на груди рубашку:

– Не тронь мое добро, ты, что ли, наживал его, чтобы хозяйничать тут?!

Эхсан не стал больше обращать внимания на крики отца и повел свое стадо на площадь. Там сдал представителям власти, сидевшим за крытым красным сукном столом.

– Это все, что есть у нас, принимайте! Дервиш я, богатство мне ни к чему. Все отдаю в колхоз...

Его грязная одежда, узловатая палка понравились товарищам из центра. Такому человеку можно было верить. Они долго хвалили Эхсана. Вдобавок еще и осла дали из им же приведенных животных, чтобы

не ходил пешком. Председатель колхоза Агабала, работавший раньше рабочим на нефтяных промыслах в Баку, встал, поправил на боку наган и обнял его:

– Эхсан-киши, ты настоящий пролетарий! На здоровье! Раз у тебя такая щедрая душа, пылинке на тебя сесть не позволю.

Этот эпизод избавил семью от многих бед. Не прошло и года, как советской власти надоело играть с богатеями в кошки-мышки. По селам пошли аресты. В одну ночь собрали всех богачей села. Кого расстреляли, кого в Ленкоранскую тюрьму посадили, кого выслали.

Эхсан-баба опять вовремя принял меры, обратился к председателю колхоза:

– Мой дом просторен, председатель, слышал я, ищешь место под школу...

Председатель Агабала, поражаясь его сознательности:

– Отлично, дервиш! А где сам жить будешь? Куда денешь вдов братьев?

– Не беспокойся. Найдем место. У нас и сарай большой. Как-нибудь проживем, лишь бы дети учились.

И председатель совета, и Агабала удивлялись политической грамотности Эхсана. Всюду ставили его в пример. Правда, под школу взяли дом другого богача, но имя Эхсана из списка кулаков было вычеркнуто навсегда.

Одно лишь беспокоило Эхсана, наладившего таким образом отношения с советской властью. Отец его никак не желал примириться с новой властью. То, что богатство уплыло из рук, не давало ему покоя. Сердце его было переполнено. Колхозное стадо каждый день проходило мимо их двора. Старик издалека узнавал своих отборных животных.

Эхсан насмешливо смотрел на охающего отца. Тот же не устал проклинать сына-дервиша. Так и не помирился с ним до самой смерти. От злости и завещания не сделал. Не сказал сыну, где спрятал золото. Унес эту тайну с собой в могилу... Эхсан знал, что у отца было золото. Но что поделаешь? Все пропало.

VII

После того, как отдал Эхсан государству землю, скотину, овец, занялся он камнями. Днем и ночью пропадал в горах. Поднаторел в обтесывании камня. Однажды по просьбе председателя колхоза вытесал камень для мельницы и поставил взамен сломавшегося. Это была первая его большая работа, но получилось неплохо. В селе все обходили стороной малоразговорчивого Эхсана. Да и вдовы братьев Эхсана побаивались жить под одной крышей с таким деве-рем. Собрали они все, что оставалось в доме, и ушли.

Одна вернулась в дом отца, другая ушла с торговцем из нижнего села. Остался Эхсан один в доме, напоминавшем теперь мельницу с пересохшей водой. Пришлось жениться от одиночества. Привел себя в порядок, но жизнь бродяги не оставил. Целые дни проводил в лесу, в горах. Всякий раз возвращался домой с нагруженным ослом. Эхсан возил камни. Сельчане, привыкшие к его странностям, не обращали на это внимания.

Ходил Эхсан и на колхозные работы, которые терпеть не мог. А свободное время посвящал своему новому занятию каменотеса. Суровые камни в его руках становились послушными, как воск. Закреплял их в деревянных тисках, обтачивал, придавая нужную форму. Сначала камнем покрыл дом, потом весь двор. Этим дело не кончилось. Эхсан вышел за ворота. Выложил камнем дорожки, идущие к дому. Теперь не страшна ему была грязь после ливней и снегов. Вода, пройдя меж камней, стекала в овраг за домом. Все дивились его умению. Из соседнего села приехали председатель колхоза с председателем сельсовета. Долго разглядывая дело рук его, Агабала сказал:

– Отлично, дервиш! Даже в Баку нет такой мостовой! Да, настоящее советское село должно быть именно таким. Хороший пример.

Председатель сельсовета подошел к делу с другой стороны.

– Работа аккуратная, слов нет! – сказал он и скривился. – Но отдает духом собственничества! А болезнь эта опасная...

Эхсан-баба понял, куда клонит сельсовет, тотчас возразил:

– Не говори так, все, что имею, пожертвую советской власти.

Председатель сельсовета перебил его:

– Это все слова! В голове у тебя прежний ветер! Если бы не так, поначалу бы колхозную площадь вымостил, а потом свой двор.

Эхсан сокрушенно:

– Такая работа одному не по силам, власть!

Агабале стало жалко дервиша. Чтобы избавить его от председателя сельсовета, он предложил:

– Возьми-ка ты, дервиш, эту работу на себя! Не бойся, дам тебе помощника. Сам видишь, это дело политическое.

Эхсану ничего не оставалось, как согласиться.

– Ладно, только не торопите меня...

Председатель совета никак не унимался:

– Не торопим тебя, но приближается пятнадцатилетие советской власти в Азербайджане. К тому времени площадь должна быть готова, не то плохи дела твои будут.

Эхсан смирился перед силой. Он жил во времена царя Николая. Был в Иране во время конституционных волнений. Был свидетелем феодализма

ханов. Видел войну племен в Афганистане. В Индии столкнулся с английским владычеством. Но нигде не видел такой власти, как власть Советов. Последний кусок у человека из глотки вырывают, собирают все в кучу, а потом начинают ее делить. Невозможно было понять эту власть.

Весть о работе Эхсана на площади разнеслась по селу. Народ брал с него пример. Дворы и дороги покрылись камнем. Через несколько лет село было не узнать. До самого моста через Алашу можно было пройти, не запачкав ног.

Советская власть проводила перепись населения. Эхсану исполнилось тогда пятьдесят. Но ни на лице, ни на голове не осталось у него ни одного черного волоса. Даже брови его поседели. Две женщины, ходившие по дворам, спросили его возраст, на это он улыбнулся:

– Кто его знает, сколько мне лет?

Женщины посоветовались, одна другой сказала:

– Семьдесят будет ему или нет? – она достала список. – Будет, дедушка?

Вот так Эхсан стал дедушкой да еще старше на двадцать лет. В паспорте тоже отметили, что ему семьдесят лет. Эхсан возражать не стал. Теперь он был знаменитым колхозником. К нему ходили за советом. В колхозе слово его имело вес. Да и семьдесят лет давали такую возможность. Имя Эхсана не

сходило с уст председателя Агабалы. Он влюбился в дервиша. Однажды вызвал его к себе.

Понизив голос, сказал:

– Дервиш-баба, время такое, что головы поднимать не надо. Я знаю, ты человек мужественный. Но найдутся такие, что вспомнят твое прошлое. Будь осторожен! – А потом добавил. – Я скоро возвращаюсь в Баку. На мое место назначают председателя сельсовета. Береги себя.

Так оно и случилось. После отъезда Агабалы настали для Эхсана черные дни. Председатель сельсовета, новый председатель колхоза, не оставлял его в покое. Придирался и участковый уполномоченный. Требовали золото его отца. Как-то даже, связав руки, отвезли его в районный центр. Начальник милиции, старый чекист, сказал:

– Не прикидывайся дураком, старик! – и, не слушая клятв и уверений его, закричал. – Не посмотрю, что борода седая. В Сибирь сошлю! Говори, где золото! Отдашь по-хорошему, отпущу...

Целый день с утра и до вечера били Эхсан-баба. Тело его хоть и закалено было трудами и невзгодами, однако пришлось ему тяжело. Но утром все пошло кувырком, его отпустили. Началась война. Немцы поменяли направление мировой войны. Потерявший от страха голову, Эхсан-баба вместе с мобилизованными пришел в военкомат. Что там пришлось ему в голову, но он решил идти на фронт. Подошел

к какому-то мужчине в пиджаке. Вне себя от бесчисленных указаний районный комиссар не понял, о чем говорит Эхсан-баба. Глухим голосом он отдавал приказы. Он пытался научить хотя бы «право-лево» сотни мобилизованных и ничего не понимающих пастухов. И злился оттого, что ничего не получалось. Посмотрел на часы, подходило время отправки. Рассердился на ходившего за ним по пятам Эхсан-баба:

– Не путайся под ногами, аксакал!

Эхсан-баба не отставал:

– Я хочу на войну.

Комиссар долго смеялся. Расспросив, кто он, мягко сказал:

– Дервиш-баба, занимайся своими делами! Сейчас черед молодых! Если не совладаем с немцем, позovem тебя! – Потом, подумав, взял Эхсан-баба под руку и вышел с ним на веранду. – Как аксакал, согласишь молодых...

Комиссар хотел выступить коротко, но у него не получилось:

– Времени у нас нет, враг напал на нашу Родину! Нарушил наши священные границы! Он должен быть наказан! Это не просто война, это война не на жизнь, а на смерть... – Он долго говорил и, устав, дал слово Эхсан-баба. – Пожалуйста, баба, напутствуй молодых!

Помолчав, Эхсан-баба вдруг закричал:

– Йа Ху! Йа Хагг! Йа Мадат! Поручаю вас Аллаху единственному! Счастливого похода, счастливого возвращения! Да будет проклят немец Аллахом! Не бойтесь, дети мои, такую молитву прочитаю, что ни одного из вас беда не коснется.

Эхсан-баба, бормоча себе что-то под нос, обошел вокруг своего посоха. Белая борода его развевалась и сияла. Комиссар этого не ожидал. Оттолкнув Эхсан-баба в сторону, зычным голосом приказал:

– За Родину становись! Смирно! Шагом марш...

Комиссар хоть и помешал молитве, но Эхсан-баба дело свое сделал. Говорят, больше сотни молодых людей, отправленных в тот день на фронт, благополучно вернулись домой, даже носа не разбив. Участник той мобилизации Гарди-ами всякий раз, когда об этом заходит разговор, воздевает руки к небу:

– Аллах – свидетель, пять лет пули обходили меня стороной. Погибали и слева от меня, и справа, один я оставался в живых...

VIII

Выступление Эхсан-баба стало легендой. На мероприятия такого рода его, правда, больше не приглашали, но польза от этого была явная. Эхсан-баба оставили в покое. А война все не кончалась. Народ мучился. Советская власть, не различая ни бедных,

ни богатых, врывалась в дома, забирая ковры, паласы, медную посуду, шерстяные одеяла. Каждая горсть пшеницы была на учете. Люди питались травой. Мужчин в селе почти не осталось. Дома были в трауре. Окончание войны не обрадовало Эхсан-баба. Умерла жена. Теперь за ним одиноким смотрела Гиля.

Отец этой девушки был одним из богачей села. Вообще-то и богатства такого у него не было. Во время коллективизации болтал много, и имя его попало в черный список. В тридцать седьмом году семью Гили, как кулаков, выслали в Сибирь. Стояла зима. Приболевшую Гилю мать поручила Эхсан-баба. «Во всем селе не нашла мужчины приютить умирающего ребенка. Вся надежда на тебя», – сказала и жалобно посмотрела на него. Эхсан-баба ребенка взял, но в дом принести побоялся. Какое-то время держал ее в сеннике. Прознавшие об этом власти грозили Эхсан-баба наказать за то, что укрывает ребенка врага народа... Председатель колхоза Агабала заступился за него.

– Оставьте его! – сказал он. – Советская власть воюет с мужчинами, а не с девочками!

Во время войны ситуация изменилась. Эхсан-баба оставили в покое. Он поселил Гилю в доме. Девочка оказалась преданной, как собака. Во всем помогала семье. Усталости не знала. Но был у нее один недостаток, иногда на нее что-то накатывало, и она

начинала говорить, что придется. В селе из-за этого называли ее бесноватой Гилей.

Прошло несколько лет после смерти жены Эхсан-баба. Однажды Гиля вернулась из соседнего села с моллой. Показала на растерявшегося Эхсан-баба и сказала:

– Молла, этот мужчина спас меня от смерти! Последний кусок хлеба отдал мне! Пожени нас! Хочу ухаживать за ним до конца дней своих.

Эхсан-баба будто молнией ударило. Задрожали губы:

– Гиля, детка, не делай меня посмешищем перед людьми! Я не могу на тебе жениться...

На Гилю опять нашло, она подняла крик. В суматохе молла хотел уйти. Гиля сердито схватила его за бороду.

– Куда уходишь? Пожени нас! – закричала она. – А не то убью себя и кровью тебя залью...

Эхсан-баба пришлось согласиться. Молла скрепил их брак.

После очередной женитьбы Эхсан помолодел, распрямил спину. Гиля в сравнении с ним была ребенком. Эхсан-баба с молодой женой и обращался, как с ребенком. От первой жены детей у него не было. Она оказалась бесплодной. Эхсан же считал бесплодным себя, но после женитьбы на Гиле мнение его изменилось. Эхсан в пожилом возрасте всех удивил. Всех заставил умолкнуть. Гиля родила под-

ряд трех сыновей и дочь. Этот странный брак у всех был на устах. Невиданное дело.

Двое мальчиков-близнецов. Третий сын на год младше старших братьев, слабенький. Но в школу пошел вместе с ними. Дети, как и отец, были не от мира сего. Необщительные, только и знали, что учились. Баба ни в чем им не отказывал. Ту малость, что припрятал, израсходовал на детей.

В их селе не было средней школы. Кто хотел учиться, ходил в райцентр. Там была средняя школа. Сыновья Эхсан-баба в дождь, снег, жару каждый день преодолевали этот долгий путь, не пропускали ни дня. Выносливыми были, как верблюды. Эхсан-баба же не уставал их поучать. Повторял каждый день: «Дети мои, советская власть – враг богатству, ненадежна она, полагайтесь только на себя. Учитесь хорошо, набирайтесь знаний, чтобы занять хороший пост!» Потом добавлял: «Бегите из этого забытого Аллахом и людьми села! Как повзрослеете, не возвращайтесь сюда, живите в больших городах! Я свое пожил, меня не жалейте! Мне достаточно вашего счастья!» И еще говорил: «Посмотрите мир, получайте удовольствие от жизни! Сочтя меня беспомощным, не сидите у ног моих! Из домашнего бычка не получится бугая!» И последнее его слово было: «Как услышите, что умер я, приезжайте! Как положено, тело предайте земле! Я бы и этого труда вам

не доставил, но иначе люди станут плохо говорить о вас, а потому делайте, как я говорю!»

Сыновья оправдали его надежды. Все трое уехали в Баку, поступили в институты. Хорошо учились. Ни разу не побеспокоили старика. Один из близнецов стал большим ученым. Как говорят, то и дело ездит во Францию. Второй из близнецов тоже был неплох. Занимал в Баку небольшую должность, от учености своей тоже пользу имел. Младший Аби хоть и бросил институт, но жил в достатке, работал на стройке.

IX

Эхсан-баба высыпал пепел из трубки под камень рядом с собой. Взял чай с подноса. Подошла Гиля, ворчавшая все это время, жаловавшаяся на разъехавшихся детей и все время ждущая их приезда. Тихонько заговорила:

– Ты прости меня, баба, погорячилась я, разозлилась...

Эхсан-баба недовольно:

– Я-то простил, пусть Аллах простит тебе! У тебя это вошло уже в привычку, пришло с молоком, уйдет с костями.

Гиля-нене опять застонала:

– Детей вспоминаю, баба, места себе не нахожу. Во всем ты виноват. Заморочил им головы, разлете-

лись кто куда. В детстве они такими не были. Теперь вот мы остались одни, как совы...

Эхсан-баба насмешливо:

– Что ж им на ногах твоих повиснуть! – и добродушно добавил. – Ах, Гиля, сыновья твои, слава Аллаху, живут хорошо! Чем плоха их жизнь?

Гиля-нене согласилась:

– Так-то оно так, баба! Но не могу я больше выносить одиночества...

Эхсан-баба стало жаль ее, он попытался утешить ее:

– Аллах милостив! Аби говорил, что хочет приехать сюда жить насовсем.

Гиля-нене не поверила:

– Это только разговоры! Они город не бросят...

Разговор стариков прервал жалобный крик ослицы. Гиля-нене понимающе посмотрела на нее, подошла и отвязала от дерева. Проводила ее взглядом, пока та не вошла в сарай, потом, смеясь, сказала:

– Скоро уже...

Баба промолчал. Гиля-нене продолжила:

– Просто удивительно, баба, и как это пришло на ум ослице с изъеденными зубами осленка народить?

Баба нехотя улыбнулся:

– Говоришь, старому коню овса не есть?

Гиля-нене громко рассмеялась:

– Верно говорят: если скотина не похожа на хозяина, толку с нее не будет...

Баба взглянул на это иначе, сказал с намеком:

– Гиля, не надсмехаются над делом, которое следует брать за образец.

Гиля-нене вытерла уголком платка выступившие на глазах от смеха слезы:

– Упрек твой поняла, баба. Но если б ты ухаживал за мной так же, как за этой длинноухой, я бы тебе еще троих сыновей родила.

Эхсан-баба и вправду хорошо смотрел за ослицей. Прошлой весной, до болезни, с большим трудом привел он в порядок сарай. Вычистил затвердевший навоз, починил ясли. С горы Гызюрду привез мешок глины. Когда Гиля-нене ворчала, что во дворе полно такой же глины, Эхсан-баба отвечал: «Эту глину, Гиля, не заменит никакая другая, она крепкая. По весне видно, что зима будет суровая. У нас одна ослица, во всем помогает нам, пусть же ей будет удобно!» Той же весной Эхсан-баба и двор привел в порядок. Обновил забор. Без устали работал в саду, спускавшемся до самого оврага. Такая деятельность оказалась старику не по силам. Он сильно заболел. Глина так и осталась в мешке, а сарай – неоштукатуренным.

В начале весны погода стояла холодная. После захода солнца холод пробирал до мозга костей. Эхсан-баба, которому надоел свет лампы, подбросил в печь пенок и лег в постель. Не успев толком задремать, проснулся. Отрывистые крики ослицы, топот ее неслись из сарая. Баба накинул на плечи куртку. Гиля-нене, дремавшая по ту сторону печи, сонно проговорила:

– Что такое, баба, болит что-то?

– Нет, не болит. Хочу проведать ослицу...

– Да спи ты! Простынешь на холоде после теплой постели! Сама схожу...

Терпение Эхсан-баба лопнуло:

– Ах ты, старостина дочь, дай хоть с места сдвинуться! Холодно, простудишься... Других слов будто не знаешь!

Гиля-нене помягчала:

– Не сердись, баба... Я просто хочу сказать, стоит ли из-за старой ослицы так беспокоиться?

Эхсан-баба раздражало то, что в последнее время Гиля вмешивалась во все дела. После болезни его старуха осмелела, уже не так побаивалась его. Проклиная черта, он надел туфли и вышел из дома. Неторопливо спустился по лестнице, вошел в сарай. Лунный свет падал вовнутрь через открытую дверь. Ослица вертелась волчком, билась головой об ясли,

тело дрожало. Спавшая в яслях собака на крики ослицы проснулась, тявкнула, лениво поднялась и прошла по яслям. При виде баба радостно взвизгнула, но потом, как неопытная повитуха, вернулась на место. Эхсан-баба постоял немного, закутался поплотнее в куртку от пробиравшего холода и, не зная, чем помочь мучающейся ослице, вернулся обратно.

Гиля-нене снова проснулась и сонно спросила:

– Что случилось, баба? Родила ослица?

Баба проворчал:

– Тужится пока... Но ничего не получается. Так тужится дурное животное, будто собирается родить мне златоглавого осленка. От слов «златоглавый осленок» у Гиля-нене пропал сон. Она села и глупо засмеялась:

– А вдруг и правда родит, что тогда делать станешь?

Эхсан-баба растерялся, ему не понравилось, как заблестели глаза старухи.

– Что ты несешь?

Но Гиля-нене не отставала:

– А вдруг?! Ну? Что делать станешь?

Баба не знал, что сказать, задумчиво проговорил:

– Если случится такое чудо, нужно будет сообщить государству, – он разозлился, что задумался над глупыми словами старухи. – Притуши лампу и спи, сирота несчастная, а то несешь невесть что...

Гиля-нене опять вспыхнула было от слова «сирота», но, будучи сонной, погасила лампу, легла и удовольствовалась лишь ворчанием:

– Если не заденет моего отца-старосту, не успокоится. Что такого дал, что взять теперь не может, ума не приложу...

Эхсан-баба порадовался, что разозлил старуху. Только после этого опустил голову на подушку и глубоко заснул. Теперь его и пушкой было не разбудить. А Гиля-нене поворочалась, сна не было, она села. По-прежнему слышался крик ослицы. Старуха поднялась, накинула на плечи платок. Не доверяя немевшим во время сна ногам, держась за стену, вышла на веранду, а оттуда во двор. Привыкшая к красоте лунной ночи, не поднимая головы, прошла она в сарай, открыла двери. От увиденной картины ее бросило в дрожь.

– О, Аллах, что это? – вскрикнула она.

Под ногами ослицы поблескивали два осленка. Один шевелился, другой нет. Шевелившийся отличал серебром, неподвижный – золотом. Перепуганная Гиля наклонилась вперед, подойти ближе она боялась. Собака опять выпрыгнула из яслей, но ослица не собиралась подпускать ее к себе, била копытом. Собака отпрянула. Гиля-нене с трудом сделала шаг отяжелевшими ногами. Шевелившийся осленок пытался встать на ноги. Другой же так и лежал на боку. Старуха со страхом дотронулась до шевеля-

щегося осленка и тут же отдернула руку. В темноте рука ее тоже блестела. Опешив от такого чуда, старуха пинком вытолкала из сарая лынущую к ногам собаку. Протянула руку к другому осленку. Он был холодным. Вышла, осторожно прикрыла за собой двери. Из сарая слышались фыркание ослицы и чмокание осленка. Вероятно, успокоившееся животное уже не мешало детенышу сосать молоко. Решив что-то, Гиля-нене заложила камнем двери сарая, чтобы не вошла собака. Все смешалось у нее в голове. Она тяжело опустилась на землю. Собака заскулила. Перепуганная, она привалилась к жавшейся к ней собаке.

– О господи! Что это такое? Что за чудеса? – заговорила она, наконец. – Неужели у ослицы и вправду один осленок золотой, а другой серебряный? Или я тронулась умом? Слышала, что курица золотое яйцо снесла, но чтобы ослица золотого осленка родила, не слышала...

Старуха не сдвинулась с места, пока не пробрал ее холод. Потом нетвердой походкой обошла двор. Как заблудившийся человек, тенью поднялась на веранду. Вошла в дом, постояла немного, глядя на слабый свет лампы, взяла из ниши замок. Чтобы не разбудить Эхсан-баба, ходила на цыпочках. Но задела подолом сложенные у печи поленья. Баба приподнялся на шум, рассердился:

– Что ты, Гиля, бродишь, как привидение! Ложись спать!

Гиля-нене тупо ответила:

– Замок беру для сарая...

Эхсан-баба сел в постели, удивленно спросил:

– Зачем тебе замок?

– Сарай запру!

Эхсан-баба, зная, что старуха порой блажит, мягко проговорил:

– Тебе что, делать нечего? Что там у нас в сарае? Нашей беззубой ослице только замка и не хватает. Кончай, старуха! Сама же говорила: даже если и денег в придачу дать, и то никому она не нужна...

Гиля-нене наклонилась, шепотом произнесла:

– Говори потише, баба, ослица двойню родила... У нас теперь двое ослят. Ослята, ослята эти...

У старухи заплетался язык, Эхсан-баба в шутку сказал:

– Что, ослята златоглавые? – он рассмеялся. – Ха, ха, ха! Ну?!

Гиля-нене не смеялась, совсем тихо проговорила:

– Ну, да, баба, один осленок золотой, другой – серебряный. Клянусь, один отливает золотом, другой – серебром.

Эхсан-баба совсем развеселился:

– Ха, ха, ха! Ну и заливаешь ты, сиротинушка! В последнее время ты тоже на шутки стала горазда! –

он опустил голову на подушку. – Делай, что хочешь. Но меня больше не буди. Дай поспать...

Гиля-нене облегченно перевела дух, поспешила в сарай. Не обращая внимания на свернувшуюся калачиком у сарая собаку, заперла дверь на замок. Ключ положила в кошелёк, висевший у нее на шее. Потом долго ходила по двору, пока не устала. Когда вернулась в дом, постель ее была уже, как лед. Сон не шел. Прислушиваясь к дыханию сладко похрапывающего Эхсан-баба, встретила утро. С первым же криком петухов встала на ноги. Скотину в это время вели на выпас. Со вторым криком петухов старуха была уже у ворот. В темноте подозвала к себе соседского мальчика. Ребенок, погоняя коров и буйволов, подбежал к ней.

– Гиля-нене, что это ты встала в такую рань? – он рассмеялся. – Неужели рыжую ослицу Эхсан-баба отправляешь пастись?

– И в кого ты такой языкатый? – ответила она ему и попросила. – Передай, сынок, чтобы Гюльзар заглянула к нам! Важное дело у меня...

Мальчик кивнул головой и, отгоняя от забора буйвола, побежал дальше.

Гюльзар и после того, как деду стало лучше, проводывала их несколько раз в день. Она не забывала наказа покойной матери. «Дяди твои далеко, доченька, так ты не забывай стариков. Я их поручаю тебе!» – это были ее последние слова. И теперь де-

вочку беспокоило то, что ее вызвали с утра пораньше. Не умывшись, не причесавшись, она примчалась. Поздоровалась от ворот, подошла к Гиля-нене и торопливо спросила:

– Дедушке плохо?

Гиля-нене покачала головой, взяла внучку под руку, провела через веранду в гостиную.

Отодвинула занавеску с окна, смотревшего во двор. Утренний свет залил комнату. Это была очень просторная комната. После ремонта Аби старая гостиная смотрелась по-новому. Пол и стены увешаны коврами. За дверью стоял холодильник, напротив двери на придвинутом к стене столе – телевизор. Все это было для вида, потому как с подачей электроэнергии всегда были проблемы. В стенном шкафу сложена была постель. Сиротливо смотрелся письменный стол рядом с окном. Он был пуст.

Гиля-нене шепотом спросила:

– Крепка ли ты на язык, доченька? – и повела Гюльзар к табурету у письменного стола. – Садись! Спрашиваю, как насчет болтливости?

Гюльзар было пятнадцать лет. Хотя и привыкла она к странностям стареющей бабки, но все же побаивалась ее.

– А зачем тебе? – с улыбкой спросила она.

Гиля-нене спросила глухим голосом:

– Можешь ли ты хранить тайны, детка?

– Конечно! Я же не маленькая!

Гиля-нене недоверчиво посмотрела на внучку и решила ее проверить еще раз:

– Ты должна поклясться! Поклянись, что никому не скажешь того, что здесь услышишь...

Гюльзар поправила платочек на голове. Она никогда не видела старуху такой серьезной.

– Если хоть кому-то скажу, пусть Аллах заберет мою жизнь...

– Если так, возьми в ящике бумагу и ручку, будем писать письма твоим дядям. Но смотри, – она округлила глаза, – чтобы ни одной живой душе... Поклянись еще раз...

Девочка испуганно посмотрела на старуху и послушно проговорила:

– Клянусь жизнями моих дядей...

– Тогда пиши! – сказала старуха и положила руку ей на плечо.

Из опыта девочка знала, что писем будет три. Два отправятся в Баку, одно – в Сумгаит. Содержание писем обычно повторялось. Гюльзар наизусть знала, что будет ей диктовать бабушка. Не дожидаясь Гиля-нене, она написала один абзац. Старуха вышла из себя:

– Я не успела и рта раскрыть, а ты уже что-то там пишешь?!

– Я, бабушка, здороваюсь просто, передаю приветы, – успокоила она ее.

– Да?

– Да, бабушка, а теперь диктуй...

Гиля-нене начала так: «...сынок, свет моих очей! Уж сколько времени я жду тебя! Уж сколько месяцев ты не приезжаешь, совсем позабыл нас! Ведь ты таким не был! Остались мы с отцом твоим одни-одинешеньки. За хозяйством смотреть некому. Совсем мы состарились. Отец и вовсе сдал, после болезни никак не поправляется... Сообщу тебе радостную весть, рыжая ослица принесла двух ослят. Если скажу, не поверишь, клянусь памятью своего отца-старосты, один осленок золотой, другой – серебряный. Видела своими глазами, ослята так и блестят. Приезжай поскорее, боюсь, как бы не забрали их у нас. Эхсан-баба доверять нельзя. Ты же знаешь, он – дервиш, земных благ ему не надо. И то, что имеет, удержать не может. Если кто-то попросит у него последнюю рубашку, и ту отдаст. Не отдал ли он в свое время стада и отары в советский колхоз? Оставил семью ни с чем. Об ослятах он пока не знает, не то давно бы уже общился властям и собрал здесь народ. Одним словом, сынок, приезжай... Желающая тебе всего хорошего мама твоя Гиля!»

После третьего письма из глаз Гюльзар покатились слезы. От улыбки на лице не осталось и следа. Думала она вот о чем: «Бедная Гиля-нене! Совсем умом тронулась!» Она положила письма в конверты, надписала их и шмыгнула носом.

– Ты чего плачешь? – спросила Гиля-нене.

– Вспомнила Додо...

Гюльзар называла маму Додо. Чтобы отвести от себя разговор, спросила:

– Бабушка, а как письма пошлем?

– По дороге в школу бросишь в ящик у сельсовета...

– Ты разве не знаешь, бабушка, мы уже месяц в школу не ходим? Мост совсем перекосило, никто не решается ступить на него. Река вышла из берегов, все затопила вокруг.

Зимой снега и метели повредили мост через Алашу, а с приходом весны он стал совсем плох. Вода поднялась и билась о доски моста. Если рухнет этот пешеходный мост, то село останется в плену у природы, связь его с миром будет перекрыта. Уже сейчас мало кто решался встать на его расшатанные доски.

Гиля-нене совсем забыла об этом. Она вздохнула:

– Что делать, детка, Аллах милостив... Положи письма в ящик и иди, а то в школу опоздаешь...

Гюльзар тихо пояснила:

– Я же сказала, уже неделю мы в школу не ходим...

В среднюю школу дети ходили в соседнее село. Гюльзар испугалась застывшего взгляда Гиля-нене и молча вышла. После ухода внучки Гиля накинула на плечи платок и вышла со двора. Сторонний наблюдатель тотчас заметил бы в поведении Гиля-нене что-то странное. И мысли у нее тоже были сбивчивыми.

«На все воля Аллаха, если он захочет, и реку остановит! Если сочтет он нужным, то найдется и едущий в город человек. Клянусь могилой отца-старосты, это так », – повторила она несколько раз.

XI

Эхсан-баба проснулся поздно. Буйствовало весеннее солнце, по-новому раскрашивая зеленый наряд деревьев, трав. Баба прищурился. Спустился к роднику. Умылся. Родник был выложен камнем. Вода держалась на одном уровне. Хоть и била ключом, но не уменьшалась и не прибавлялась. И это тоже было тайной. Баба обошел двор, спустился по саду до оврага, но старухи своей не встретил. Ворча, поднялся в дом, поел горячего хашила, оставленного на печи. Зубы совсем уже пришли в негодность, поэтому он ел только мягкие блюда. После набил трубку и, дымя, спустился во двор. Он решил проведать ослицу, но опешил при виде замка на сарае.

– Эта наша сиротинушка совсем плоха стала! – пробурчал он.

Собака, лежавшая у забора, глухо заворчала. На знакомых людей она не лаяла. Эхсан-баба поднял голову и, увидев у ворот молла Бала, пошел к нему. Поздоровались, справились о делах, и гость сказал:

– Я, баба-дервиш, пришел попрощаться! В Баку собираюсь...

Эхсан-баба покачал головой:

– Так и стоишь на своем, молла Бала. Вчера и Гарди-ами, и я растолковывали тебе, что сейчас переходить реку опасно, рухнет мост, тебя селом унесет... Подожди, вот вода спадет, по мелководью и переправишься.

Молла Бала неохотно снова пояснил:

– Это невозможно, баба-дервиш! Срок визы заканчивается, в Иранское консульство мне нужно. Не могу закон нарушать...

Эхсан-баба нетерпеливо закричал:

– Не знаю я никакой такой визы! Я говорю, пропадешь ты...

Молла Бала улыбнулся.

– Аллах милостив! – сказал он и добавил. – Вчера был я на берегу. Кое-как перебраться можно. Мост пока стоит...Если сель унесет мост, боюсь застрять здесь среди гор на несколько месяцев.

Эхсан-баба насмешливо:

– Ох! Что же тут страшного! Женим тебя на одной из засидевшихся дочерей Гарди-ами и будешь себе жить!

Молла Бала покачал головой:

– А что делать с женой и детьми в Тавризе, дервиш-баба? Ты с прошлыми временами не равняй, две жены, две семьи содержать тяжело...

– Что же делать, сынок, счастливого тебе пути! Раз уж и женщиной тебя не отговорить, значит, дело твое и впрямь важное...

Молла Бала глубоко вздохнул и вдруг засмеялся:

– Баба-дервиш, есть у меня одна просьба, если позволишь, скажу...

Эхсан-баба заинтересовался:

– И что это такое?

– Не вздумай умирать до моего приезда! – молла Бала тронул его за рукав. – Ты обещал подняться со мною в горы...

Эхсан-баба его успокоил:

– Можешь не волноваться! Мы с Азраилом договор заключили. На несколько лет он оставляет меня в покое... Ты себя побереги!

Молла Бала, прихрамывая, пошел к воротам. Там столкнулся с Гиля-нене, которая была не в духе и на приветствие его ответила кивком. Она поспешно шла к веранде. Молла Бала побаивался этой бесноватой женщины.

– Гиля-нене, в Баку еду! Может, что передать?

Гиля-нене словно молнией ударило. Она замерла на месте. Потом несвойственным пожилым людям резвым шагом вернулась к молла Бала.

– В Баку едешь? Аллах настолько милосерден, что услышал мою просьбу! Я письма детям написала. Отвезешь ли их, сынок?

Молла Бала приложил ладонь к глазам:

– Конечно, нене, давай их сюда.

Старуха, не обращая внимания на удивленно смотревшего на нее издалека Эхсан-баба, достала из-за пазухи конверты и передала их гостю. Крепко наказала:

– Доставь непременно, дело очень важное...

Молла Бала качнул головой:

– Можешь быть спокойна, нене! Если других наказов нет, я пойду. Надо успеть на автобус, идущий в город.

Как только он вышел со двора, Гиля-нене кинулась к веранде. Взяла ковшик воды на кухне и плеснула вслед ушедшему гостю. Эхсан-баба был поражен всеми этими ее действиями:

– Что это ты дала молле, Гиля?

Не глядя на него, Гиля-нене выкрикнула:

– А тебе-то что, баба? – и ушла на кухню.

По всему ее виду Эхсан-баба понял, что лучше с ней сейчас не разговаривать.

XII

Асвар пустил свою скотину, овец в общее стадо на выпас. Сцепился с Ходжатом, гнавшим сегодня стадо на пастбище. Сосед вовсю колотил скотину палкой. Ведя на поводу осла, с испорченным настроением Асвар вышел на свой участок. Пшеница толь-

ко взошла. Заметив на поле следы скотины, совсем помрачнел, поковырялся неохотно в земле и к обеду пошел домой.

Гюльзар о чем-то шепталась во дворе с дочкой Хезера, своей ровесницей. Асвар искал человека, чтобы излить свое плохое настроение, но сдержался. Снял обувь, прошел в дом. Все опостылело после смерти жены. С этой некрасивой, горбатой женщиной из дома ушел и достаток. Рассердился на девочек-близняшек, поднявших шум в доме. Те попрятались за постелью. Жене больше нельзя было рожать. И эти близняшки свели ее счеты с жизнью. А Асвар хотел сына.

Гюльзар торопливо вошла в дом. Утирая концом платка глаза, приготовила отцу поесть. Асвар сидел, поджав ноги, и сердито смотрел на нее. Тихо спросил:

– Что случилось?

Гюльзар, накрывая на стол, ответила:

– Ничего!

Асвар вышел из себя:

– А почему плакала?

Гюльзар потупилась:

– Утром бабушка за мной присылала...

Асвар успокоился, насмешливо сказал:

– Не стоит из-за этого устраивать поминальный плач! Пошла и что?

– Пошла... – Гюльзар всхлипнула.

– Да погоди ты! – Асвар перестал есть. – Кто умер? Дед или бабка?

– Никто...

– Очень хорошо. Чего тогда убиваешься?

– Кажется, бабушка сошла с ума.

Асвар рассмеялся:

– Скажи что-нибудь новенькое, детка! Твоя бабка всегда была сумасшедшей. А чего еще ждать, когда двадцатилетняя выходит замуж за старика?! Не напрасно же ее называют бесноватая Гиля! И что она сотворила на этот раз?

Полные щеки Гюльзар побледнели. Она прошептала:

– Она уже заговаривается, папа. Говорит, что ослица Эхсан-баба родила двух ослят, одного – золотого, другого – серебряного. Так жалко ее, папа...

Асвар от души рассмеялся:

– Ха, ха, ха! Бабка твоя совсем того! Золотой осленок! Серебряный! Да разве такое бывает?!

Гюльзар обидела радость на лице отца цвета меди.

– Разве это смешно, папа? – выговорила она ему.

Асвар так развеселился, что не обратил внимания на то, что дочь много себе позволяет.

– Ладно, ладно, не вешай нос, – сказал он и с любопытством спросил. – Что еще говорит твоя бабушка?

– Продиктовала письма дядям моим, зовет их приехать.

Улыбка пропала на лице Асвара, мозг запаниковал: «Ого! Золото! Серебро! Написала письма сыновьям! Нет, дело обстоит по-другому. Наверное, мой тесть-дервиш нашел золото своего отца. Ослята – это пустое. А как же?! Сколько уж лет двор перекапывает. Не напрасно ведь... И этими письмами дает понять сыновьям, чтобы поскорее приезжали...»

Он резко встал, перешагнул через скатерть на полу и надел обувь у порога. Сделал страшные глаза выглянувшим близняшкам. Гюльзар строго-настро-го наказал:

– Больше об этом никому не говори! Люди станут смеяться над нами. Старая женщина! Разве бывают ослята из золота или серебра?!

XIII

Асвар, которого в селе все знали, как Ниниоглу, на жизнь был обижен. Родом-семьей не вышел. Ни отец его Мами, ни мать Нини не сделали в жизни ничего, заслуживающего внимания. Трудяга Асвар всю жизнь не мог избавиться от этого клейма. Взять хотя бы отца его Мами. Все считали его мямлей, человеком без принципов, ни к чему не годным. Но это было не так. Рога свои он прятал внутри. Незадолго до последней мировой войны бежал он от голода в степных районах и поселился в этом селе. Вид его

оставлял желать лучшего, но голова работала, как часы. Он быстро сообразил, какие времена настали. Перед начальством стоял, как раб со связанными руками, делал все, что прикажут. И так усердствовал в этом, что поражался даже издававший виды председатель сельсовета. Власть Советов поддерживала таких безликих людей. Отрезав кусок от большого двора Эхсан-баба, отдала его Мами, чтобы не скитался сирота по чужим сенникам, а зажил бы своим домом. Сельчане ему в этом помогли. Собравшись, построили для Мами лачугу. Заимев дом, оставалось только жениться. Но в селе не нашлось никого, кто бы отдал за Мами дочь. Началась война. Как ни старался Мами, как ни упрашивал власть имущих, на фронт его все же послали. Шесть-семь лет о Мами никто не слышал. Его отсутствие никого не опечалило, возвращение никого не обрадовало, но удивило. Недотепа Мами вернулся в село с женой. Красавица эта была беременна. Несмотря на положение, глаза ее так и горели. Сельчане отчего-то называли ее Нини. Жена Мами вела себя беспокойно, так и кипела. Родила мальчика. Назвали Асвар. Но радость Мами была недолгой. Власть имущие зачастили к ним в хибару. Через полгода-год имя Нини было уже у всех на устах.

Черные дни Асвара, всегда стыдившегося своих родителей, были еще впереди. От ран, полученных на войне, Мами скоро скончался. Маленький Асвар

знал, что отца убила не война и не раны. Его погубила Нини. Смерть мужа и вовсе развязала ей руки. Война оставила в селе немного мужчин. Нини ни от кого не отказывалась. Только таких, как Эхсан-баба и Гарди-ами, трудно было сбить с толку. Нини отправилась в нижние села, забрав с собой двух прижитых малышей. Подросток Асвар с матерью не пошел. Остался один в лачуге Мами. Поначалу еще доходили до него какие-то вести о Нини, а после и их не стало. Кажется, она отправилась в большие города.

Асвар был старательным юношей. Работал в колхозе. Отслужив в армии, вернулся в село. Жениться не спешил. Нравилась ему с детства дочка Эхсан-баба Додо. Братья с детства называли ее Додо, то есть «сестра», так за ней это имя и закрепилось. Девочка была некрасивой и горбатой. Ей уже было двадцать пять. Но ни Эхсан-баба, ни Гиля-нене выдавать ее за Асвара не хотели. Родство с ним семью не устраивало. И все же ни он, ни она друг от друга не отставали. Додо можно было понять. С таким-то лицом не за сына же падишаха ей выходить! Эхсан-баба, наконец, согласился.

Асвар очень любил свою некрасивую жену. Он видеть не мог красивых женщин. Они напоминали ему мать Нини. После первого ребенка стало ясно, что у Додо неизлечимая болезнь. Но женщина продолжала заниматься хозяйством. Первенцем была Гюль-

зар. Асвар мечтал о сыне. Додо опять забеременела. Родила девочек-близняшек, при родах скончалась.

Гиля-нене считала Асвара виновником смерти дочери. На порог не пускала.

После смерти Додо изменилось и отношение к нему ее братьев. Поначалу Асвар всегда возвращался из города с полными сумками. И Гиля-нене все таскала в дом дочери. Вместо лачуги Асвар построил небольшой домик. После смерти жены все стало по-другому. Его теперь и близко не подпускали. Асвар выходил из себя: «Я женился на их никому не нужной дочери, заботился о ней, ухаживал, а они вон что вытворяют! Как будто Додо убил я!»

Асвар перестал ходить к тестю. Один растил оставшихся без матери детей. Больше не женился. Гиля-нене немного смягчилась, пустила к себе внуков. Когда заболел Эхсан-баба, Асвар пришел вместе с остальными. Если тесть и стал разговаривать с зятем, Гиля-нене по-прежнему знать его не желала.

XIV

Асвар никак не мог упорядочить мысли. Ругал себя за то, что до сих пор в ссоре с родственниками: «Идиот, стоило ли обижаться? Говорили же, что у дервиша полные кувшины золота. Так спрятал, что чекисты власти Советов найти не смогли. Не верил!

Теперь вот лопни от злости! Отдаст все сыновьям. Зятя и не вспомнит. Конечно! Пока жива была их дочь, угождали мне. Теперь померла, меня и за собаку не держат! Разве дадут они мне золото? Как бы не так! Но если бы дали пять-десять золотых, я привел бы свои дела в порядок. Провел бы на участок воду, купил бы маленький трактор...»

Легенда о золоте Эхсан-баба, ходившая по селу, многих лишала сна. Кто-то верил этому, кто-то не верил. Легенда же, как снежный ком, увеличивалась, обрастая подробностями. Переходя из уст в уста, росли сокровища Эхсан-баба. Пять-десять золотых уже превратились в целый кувшин. А таинственная улыбка Эхсан-баба только подстегивала.

Асвар неуверенно вошел во двор, где давно уже не был. Увидев Эхсан-баба одного, осмелел:

– Здравствуй, Эхсан-баба!

Эхсан-баба сидел под тутовым деревом, покрывшимся почками. Он выбивал выкуренную трубку об пень, на котором сидел. Не поднимая головы, ответил:

– И ты здравствуй!

Старик до этого рубил дрова. Перед ним уже было достаточно поленьев. В последний раз он так ударил топором по старому пню, что топор там застрял. «Вот старость проклятая», – подумал он, оставив работу недоделанной, и обиженно закурил

трубку. Подняв голову и увидев перед собой зятя, он издал странный горловой звук:

– Иххи!

Глаза Асвара Ниниоглу так и бегали, оглядывая двор. Кепка торчала на макушке. Туфли были в грязи, тогда как обычно он одевался аккуратно. Не обращая внимания на удивление баба, он сладко заговорил:

– Это что за дела такие, баба? Зачем ставишь меня в неловкое положение? Что люди скажут?

Эхсан-баба забеспокоился:

– Что такого я сделал, сынок?

Асвар подошел еще на шаг:

– Разве я умер, что ты сам дрова колешь? Не мог мне сказать? Есть друзья, есть и враги? Что ж ты делаешь? Что люди скажут? Сыновья твои далеко, их народ поймет, а что отвечу людям я? Я ведь тоже твой сын!

Брови Эхсан-баба сошлись на переносице, шапку сдвинул он на затылок. «Ты гляди! – подумал он. – Точь-в-точь отец его Мами! Один к одному! И нос большой взял у Мими, и глаза голубые, и поступь осторожную. Вай, вай, вай! Да можно ли было такому отдавать дочь?! Во всем виновата была сама покойница. Свела род наш с собачьим родом. Зачем, интересно, теперь пришел? Не похоже, что просто так. А как заливает! Как поет!»

Асвар сел неподалеку от Эхсан-баба на один из пеньков у тендира, уставился на Эхсан-баба глазами голодной кошки.

– Это правда? – спросил он.

Эхсан-баба только опустил руку в кисет с табаком.

– Ты о чем, сынок? – удивился он, придерживая руку.

Асвар сделал неопределенный жест рукой:

– Ну, я об этом...

Эхсан-баба ничего не понял, сказал:

– Говори прямо! О чем это ты?

Асвар воровато оглянулся, не знал, как начать.

Понизил дрожащий от волнения голос:

– Не бойся, баба, я же не чужой!

Эхсан-баба не любил долгих разговоров и разозлился на Асвара:

– Не тyani, говори, что хочешь! Что ты, как осел, попавший в грязь, все поднимаешь и ставишь ногу обратно...

Асвар, не обижаясь на сравнение Эхсан-баба, радостно отозвался:

– Так я и говорю... об ослице и речь...

– О чьей ослице речь-то, сынок?

– О твоей...

– А что такое с моей ослицей? – растерялся баба.

Асвар что-то прохрипел, потом глухо зашептал:

– Поздравляю, баба! Наконец-то нашел! Не могу прийти в себя от радости...

Асвара немного обидело, что Эхсан-баба утаил это от него, он почесал нос:

– Что толку было скрывать от меня? Я человек смышленный. Услышав об ослице, я сразу понял, о чем речь... И сразу пришел, чтобы...

Эхсан-баба гневно прервал его:

– Что? Значит, поздравляешь меня с осленком? Тьфу на тебя! Ты такой же бесстыжий, как твой отец Маами! – он повысил голос. – Верно говорят, груша от дерева далеко не упадет! Тьфу!

Асвар побледнел:

– Что я такого сказал, баба?

Старика уже было не остановить:

– Ты издеваешься надо мной? Может, еще с хончой придешь, с подарками? Вон со двора! – и, взяв топор, пошел на него.

Асвар отступил, но не побежал. Рванул ворот рубашки, бросился на кучу золы у тендира. Пепел взвился столбом.

– Бей, убивай меня, баба, – плаксивым голосом сказал Асвар, – но дай слово сказать...

Все закружилось перед глазами Эхсан-баба, опешив, он выронил топор и растерянно проговорил:

– Не делай так, сынок! Не надо! Когда я запрещал тебе говорить? – и боязливо добавил. – Говори, не копошись больше в золе...

Асвар будто бредил:

– Да буду я жертвой твоей, баба, все для тебя сделаю, баба! Пожалей внушек своих, баба! Они ведь дети твоей дочери! Не лишай их доли! Когда придут твои сыновья, знаю, мне ничего не достанется. Молю тебя, баба, дай мне пять-десять золотых! Услышь мою просьбу...

Состояние зятя, на коленях копошившегося в золе, ввело Эхсан-баба в дрожь, он сотворил молитву.

Асвар же продолжал умолять его:

– Знаю, баба, не считался я с тобой! Прости мне грехи мои! Раб бывает грешен, а хозяин великодушен!

Эхсан-баба съежился от пробиравшей его дрожи. Завернулся поплотнее в куртку, с трудом присел. Ноги не слушались. Оглядев серое от золы лицо Асвара, он слабо проговорил:

– Не сходи с ума, сынок, откуда у меня золото? Хочешь осла моего, отдам, хочешь осленка, забирай. Но золота у меня нет...

Асвар же продолжал свое:

– Баба, тебе ведь ничего не нужно. Ты – дервиш, зачем тебе столько золота? А мне пятьдесят лет, хорошей жизни не видел, и дом не достроен. Клянусь, десять лет строю, никак не закончу. Конца не видно. Если умру, что дети мои делать будут? Не говорю уже о Гюльзар. Большая девочка... А тут и колхозы распустили, при них-то кое-как перебивался. Те-

перь дали землю, как будто благодетельствовали. Да чтоб глаза давшего мне ее землей прикрыло. Чем ее засеять, чем убрать урожай? Дети совсем обносились, даже резиновую обувь купить не на что. Мне хватит и горстки того золота, остальное раздашь сыновьям. Мне много не надо, буду жить потихоньку. Прощу тебя, баба...

Раскинув руки, Асвар поднялся на ноги. Пошел к Эхсан-баба. Старик вскочил с места и, отступая, вымолвил: «Клянусь Аллахом, он сошел с ума! И так был ни на что не гош, если же умом тронется, дети совсем одни останутся!»

– Стой! Близко не подходи! – сказал он Асвару.

Асвар остановился:

– Дай слово, баба, что отдашь мою долю!

Эхсан-баба стал задыхаться:

– Мне плохо! Я не понимаю тебя! Придешь потом...

Асвар не осмелился подойти к опустившемуся на пенек старику.

– Ухожу, – сказал он, – но о внуках не забывай...

– Уходи!

– Слушаюсь, баба!

Асвар, пятясь, вышел со двора. Баба прошиб холодный пот, он совсем ослабел. Гиля-нене, которая терпеть не могла зятя, при появлении его во дворе сразу ушла на веранду, занялась готовкой. С веранды невозможно было увидеть происходящее у тендира.

После ухода Асвара Гиля-нене поспешила к сидевшему согнувшись Эхсан-баба. При виде побледневшего лица его закричала:

– Вай, баба, баба...

Эхсан-баба поднял голову и сердито сказал:

– Тебе нравится собственный крик? Чего орешь?

Гиля-нене взволнованно:

– Я думала, ты умер...

– Нет, не умер, но полуживой...

Старуха, видя, что он шутит, немного успокоилась.

– Что хотело это создание Маами?

– Золота хотел, – просто ответил Эхсан-баба.

Гиля-нене вздрогнула:

– Откуда у тебя золото?

Эхсан-баба согнулся от боли:

– Я то же самое сказал ему. Откуда у меня золото?

Гиля-нене подозрительно спросила:

– Может, скрываешь от меня? Отцовское золото нашел?

Старик с трудом поднялся на ноги и, направляясь к дому, промолвил:

– Ума у тебя, как у Асвара... Кому нужен разговор о том, чего я за семьдесят лет найти не смог! Иди, постели мне постель, плохо мне опять.

Чем больше Асвар думал, тем больше злился: «Ты посмотри, как старик тайну бережет! Нашел золото, очень хорошо, давай мой пай! В город письма отправляет, а меня здесь за забором не вспоминает... Разве так делают? Распорядился бы золотом, как надо... А то, какой там ум в сто тридцать лет! Все пропадет! Говорят, он и в молодости таким был. Все добро отца отдал в колхоз. Хорошо, если и с золотом того же не сделает. Отдаст государству! Ума же нет! От такого же свихнуться можно! Нет, он хитрый старик! Не сделает этого! Не позволю! Пока своего не получу, не отстану!»

Он не помнил, как добрался до дома. При виде привязанной к забору лошади у него упало сердце. Во рту разлилась горечь. Это была лошадь Хезера. Вероятно, хозяин ждал его во дворе. Он стал пятиться, чтобы сбежать, но Хезер увидел его через дыру в заборе и, не поднимаясь с места, громко рассмеялся:

– Ну, сосед, заходи давай. Смыться не получится!

Асвар подчинился, вошел во двор. Поздоровавшись, растерянный хозяин дома опустил голову:

– Я, сосед, виноват перед тобой, знаю...

Хезер передразнил его:

– Сосед! Сосед! Ты только на соседа посмотри! До каких пор ты будешь от меня бегать? Время возвращать долг проходит. Я устал уже ждать.

Не поднимая головы, Асвар проямлил:

– Прав ты, сосед, даже убить меня вправе...

Хезер взъярился:

– Замолчи! Убийца я, что ли? И потом смертью со мной не расплатишься! Деньги мои верни! Почему из-за них мы должны ссориться?

Асвар попросил:

– Подожди еще немного, клянусь, отдам! Пшеницу посеял, продам и долг твой верну.

Хезер помедлил немного и вдруг предложил:

– Может, часть земли своей отдашь?

Асвар от такого предложения чуть не заплакал:

– А как мне потом кормить детей? Совесть имей, сосед.

Хезер смягчился:

– А что от золотых ослят тестя тебе ничего не причитается?

Асвар так и застыл на месте, потом, наконец, заплетающимся языком пробормотал:

– Откуда ты об этом знаешь? А-а, наверное, негодница Гюльзар рассказала твоей дочери. Утром они тут шептались. – Он покачал головой. – Детские выдумки повторяешь, сосед, ничего этого нет. Старуха болтает, что в голову придет, пустое все...

Хезер молча вышел за ворота, отвязал лошадь. Как парень молодой вскочил в седло.

– Знай, Ниниоглу, не вернешь долг, заберу землю. Соседи-то мы соседи, но табачок врозь.

Асвар поежился от этой угрозы. А Хезер тронул коня. Потом ослабил поводья и, покачиваясь на лошади, размышлял: «Ты смотри, как сын беспутной женщины тайны хранит! Если все это пустой разговор, чего тогда побежал в дом, куда годами не ходил? Нет, тут надо разобраться. Поеду-ка я к Гарди, поспрошу его, как он на это смотрит...»

XVI

Гарди-ами оставил отцовский участок брату, сам же поселился на возвышенности села. С трех сторон двор окружали отвесные скалы, а с четвертой он был огорожен стеной из речного камня. Со стороны дом напоминал небольшую крепость. Уйдя с работы, он купил несколько злых пастушьих собак и пустил во двор. Не удовлетворившись этим, всегда держал наготове ружье, смазывал и протирал его каждый день. Гарди не напрасно так беспокоился. Двадцать пять лет он проработал в милиции. Верой и правдой служил советской власти, стрелял во врагов ее, арестованных не жалел, со связанными руками отправлял в Ленкоранскую тюрьму. Во время переселения вы провоживал людей с родных мест, разрушал места поклонения верующих. Не просто так дошел он до чина майора милиции! Хорошего тоже сделал он немало, но сам знал, что плохого было больше. Один

такой грех был на нем со времен конца переселения. Они гонялись за гачагами. Отряд его вышел к пещере, покрытой мхом. Золото той гробницы ослепило Гарди. Он не стал мешать командиру заставы, хладнокровно убравшему всех свидетелей этого дела. «За это и карает меня Всевышний», – думал Гарди-ами, вспоминая об этом, но ни о чем не жалел. С веранды просторного дома его все дворы села видны были, как на ладони. Можно было различить даже тех, кто приходил и уходил. Гарди-ами с профессиональной бдительностью держал под наблюдением все село. Правда, в последнее время стали глаза сдавать, прежней остроты зрения уже не было. Теперь на помощь ему приходил подаренный русским другом армейский бинокль, так что он тут же узнавал о происходящем в селе. А люди, не знавшие о бинокле, просто диву давались осведомленности Гарди-ами обо всем.

Как всегда, он встал спозаранку. Все равно у него была бессонница. Немного повозился по хозяйству, вывел скотину на выпас. Посадил на цепь собак, которых отвязывал по ночам, наполнил кормушки. Когда рассеялись утренние сумерки, поднялся на веранду и стал направлять укрепленный на штативе бинокль то на один двор, то на другой. Долго удивлялся Гиля-нене, мечущейся по двору. Пусть он не слышал, что старуха сказала соседскому ребенку, но то, что мальчик задержался во дворе Асвара, его заинтересовало. Через некоторое время он уже наблю-

дал за тем, как Гюльзар побежала к Эхсан-баба. Он уже от бинокля не отрывался. «Интересно, что там случилось?» – думал он.

Дочки его, вставшие утром вместе с ним, заняты были своими делами. Кто кормил птицу, кто на кухне готовил обед, кто стирал, кто в огороде копался, – всеми ими руководила пятидесятипятилетняя старшая дочь Гарди-ами. Лицо этой женщины напоминало древесную кору, и даже дома она ходила с прикрытым лицом.

Младшая дочь молча накрыла на стол. Гарди-ами оторвался от бинокля, накрыл его и прошел к столу. В этом доме никто не старался поговорить друг с другом. Без надобности никто не раскрывал рта, ни у кого не было желания спросить о чем-то. Одна радость была у все еще крепкого, как дуб, Гарди-ами после смерти жены – сидеть за столом. Больше, чем от еды, Гарди-ами получал удовольствие от самого процесса накрывания на стол. Годами скрываемые от дурных глаз ритуалы эти были настоящим представлением. Всякий раз, когда он протягивал руку к еде, подаваемой в золотой тарелке на золотом подносе, сердце его становилось с гору, и продлевалась жизнь. И сегодня он золотой ложечкой брал из золотых пиал масло с медом. Скатал трубочку из лаваша с сыром-моталом. Насыпал сахару в золотую чашку с чаем. Маленьким кинжальчиком с золотой ручкой разрезал трубочку на несколько частей. После этого

отправил кусочек в рот. Позабыты были все грехи. Он не видел нанесенных на эти антикварные вещи древними мастерами военных, любовных и бытовых сцен, растительных и геометрических орнаментов.

Бинокль тоже не оставался без дела, хозяин то и дело обозревал село. Вдруг Гарди сказал:

– Быстро убирайте посуду.

Младшая дочь прибрала со стола. Приход Хезера не был неожиданным. В другое время его отправили бы от ворот, но сейчас брат был ему нужен. Ему хотелось знать, что произошло во дворе Эхсан-баба. Подождав, пока Хезер спешится, привяжет к дереву лошадь, Гарди-ами спустился во двор. Хезер сначала поздоровался со своими некрасивыми племянницами, которые не очень были рады приходу дяди, но разговаривать с ними не стал, зная, что ответа все равно не дождется.

Гарди-ами знал, что собою представляет его брат. Знал, что Хезер поклоняется ему, как идолу. Знал и то, что беспомощным ребенком стоящий сейчас перед ним брат завидует ему, его достатку. Также знал он и то, что Хезер с нетерпением ждет его смерти. Зная все это, Гарди, тем не менее, всегда помогал брату, однако держал на расстоянии и дальше порога в дом не пускал. В последнее время при виде Хезера он с каким-то азартом думал: «Ну, посмотрим, кто кому горло перегрызет».

И сейчас он не пригласил его в дом, встретил стоя. Хезер, привычный к негостеприимству брата, поздоровавшись, завел разговор о том о сем. Гарди-ами слушал молча, потом перебил его:

– О чем толковал с Асваром с утра пораньше?

Хезер тоже не знал о бинокле Гарди. Со страхом посмотрел на брата:

– Откуда знаешь об этом?

Гарди-ами поправил на плечах пограничную куртку и молча стал перебирать четки. Хезер, не дождавшись ответа, перешел к сути. Гарди-ами не выказал удивления, просто спросил:

– И ты поверил?

– Нет, ами, не поверил. Но я подумал о другом.

На немой вопрос брата Хезер ответил:

– Думаю, может, Эхсан нашел золото отца? Говорят, у него кувшинами было золото!

Гарди-ами скривил губы:

– Не болтай попусту. Во-первых, отец Эхсан-баба был не таким уж богатым человеком. Продажей овец, масла и сыра кувшинами золота не наберешь. Если и было, то пять-десять золотых, а может, и того не было...

Хезер не сдавался:

– А зачем тогда зовет сыновей в письмах?

Гарди-ами брился каждый день, а голову раз в неделю брил наголо. По сравнению с вечно заросшим

Хезером походил на молодого парня. Больше он ничего не сказал. Хезер снова предположил:

– Говорю, может, сейчас обнаружилось сокровище, найденное им в пещере?

Гарди-ами поднял брови, морщин на лбу стало больше, он промолвил:

– Пустое это...

Хезер не поверил. То, что Гарди-ами вздрогнул при упоминании пещеры, заставило его задуматься. Он больше ничего не смог спросить. Гарди-ами повернулся к нему спиной. Это означало, что разговор окончен. Уходя, Хезер не нашел в себе сил попроситься с уродливыми дочерьми брата.

XVII

Не прошло и часа, как прилегший отдохнуть Эхсан-баба снова вышел во двор. Заправил широкие штанины брюк на резинке в шерстяные носки, повязал тонким ремешком рубашку без ворота. Надел шапку на бритую голову, накинул куртку и вышел. Кормившая за домом кур Гиля-нене, закончив с этим, несла из родника воду. Она не разбиралась в насосе, поставленном Аби, поэтому бак давно опустел. И воду на кухню опять носила дедовским способом. Увидев прохаживающегося по двору баба, стала ворчать:

– Ну, куда ты опять собрался?! Сидел бы уже на месте! Вечером опять болеть станешь, жаловаться будешь...

Эхсан-баба, направляясь к сараю:

– Нет, Гиля, сегодня мне лучше. Иди, открой замок, посмотрю на осят новорожденных...

Гиля-нене, неожиданно изменившись в лице, закричала:

– Так я и позволила! Не подходи к сараю! Я сама буду ухаживать за животными...

Эхсан-баба застыл на месте, боязливо оглянулся, глаза старухи блеснули, как стекла. Приступы Гиля-нене так и начинались. Баба сразу согласился:

– Успокойся, старостина дочь, не злись! Будь по-твоему. Пусть сгинет тот, кто подойдет к сараю...

Скандала было не миновать, если б с улицы не слышалось лошадиное ржание. Оба оглянулись. Это был Хезер...

XVIII

Хезер тридцать лет был бригадиром, знал всю подноготную села. Несмотря на четыре класса образования, голова его на многое стодила бы. Но ему не повезло. Хотя и бригадирство – пост немалый. Все преграды и препоны Хезер преодолевал умом и сообразительностью. За эти годы не раз сменили

председателя колхоза, но он по-прежнему оставался на своем посту. Никто не мог сдвинуть его с этого места. Руководство редко появлялось в этом горном селе, грязь, снег, дождь, плохие дороги не давали возможности. Одним словом, советскую власть в селе представлял Хезер. Он хорошо управлял своим именем.

Не остался Хезер без дела и после ликвидации колхоза, стал председателем муниципалитета. Никто против этого не возражал. Среднего роста, коренастый Хезер был трудягой, работал без устали. В селе относились к нему с опаской. И черт бы не разобрался в проделках его. Во время раздела земли люди были обеспокоены. На жеребьевку из района приехала группа людей. Некоторые из оставшихся без работы людей из кожи лезли, но без толку, заливные земли достались Хезеру. Так оно и должно было быть вообще-то. Лучше Хезера земли никто не знал. Он получал хорошую прибыль от хозяйства. Прошло немного времени, и большинство сельчан стали его должниками. Одному семян ссудил, другому собственным трактором землю вспахал, третьему в долг денег дал... Одним словом, зажил он лучше прежнего. Была еще черта у него одна: никогда не торопил он должников, не давил на них, не брал за горло. Однако все знали, что Хезер не трогает их до поры, а как время придет, ужалит, как змея, противоядия от которой нет.

Положения своего он достиг благодаря Эхсан-баба. Дело было так.

Эхсан-баба, который опекал детей незадолго до войны скончавшегося друга, нравился этот младший брат Гарди-ами. Его поражала осведомленность Хезера во всем. Гарди, и до войны, и теперь работавший в милиции, тогда еще не был почитаемым сельчанином. Прославился он после. Однажды поговорил он с Эхсан-баба о брате и получил его согласие на поддержку. Гарди пригласил в гости председателя колхоза, в год раз появлявшегося в селе. Помимо Эхсан-баба, были приглашены еще несколько аксакалов. После плова с фазанами подали чай, разговор разгорелся.

– Я приехал с определенной целью, – сказал председатель колхоза. – Думаю, хорошо, если бригадир ваш будет из вашего же села. Кого вы посоветуете?

Все молчали. Они хорошо знали председателя. Он не любил советов.

Обведя всех взглядом, он остановился на Эхсан-баба:

– Твое слово, дервиш-баба. Кого предложишь?

Эхсан-баба хотел уйти от ответа:

– Тебе лучше знать...

Председатель колхоза согласился:

– Так-то оно так! Но теперь время другое. К примеру, Гарди-киши хотел бы видеть бригадиром своего брата Хезера... Как думаешь, справится?

Эхсан-баба вздохнул. Обращаясь к хозяину дома:

– Гарди, сынок, ты потрудился, стол накрыл! Плов с фазанами – слов нет! Дай Бог здоровья! Но не обижайся, из брата твоего бригадира не получится...

Председатель колхоза нарочно сказал:

– Не говори так, дервиш-баба! Молод он, отслужил, сколько лет уже в колхозе трудится... Отчего же не получится?!

– Хезер – парень бездушный, председатель, такому нельзя доверять колхоз, всех замучает. Нам нужен человек, который болел бы за общее дело...

Председатель колхоза задумался, потом сменил разговор. И скоро ускакал в сельсовет.

Разошлись и аксакалы. Гарди-ами стал возмущаться:

– Баба, что плохого сделал тебе Хезер, что ты так о нем отзывался? Разве я тебя сюда за этим звал? Разве ж так делаются дела аксакалами?

Эхсан-баба улыбнулся:

– С таким умом ты еще в милиции работаешь... Думаю, дело сладится.

Гарди-ами вышел из себя:

– После всего, что было?

Эхсан-баба уверенно:

– Так и надо было вести разговор, сынок. Председатель наш такой сукин сын, что никогда не назначит на пост человека, которого хвалят. Ему нужен человек, чтобы был еще хуже него. Старый волк. Ты же

не знаешь, на войне был. Тогда он, отнимая последний кусок хлеба, посылал людей на фронт, чтобы ему медаль повесили и самого на фронт не забрали. Подменял документы пятнадцатилетних мальчиков, прибавлял им годы и отсылал туда, откуда не возвращаются. Вот какой человек наш председатель. Не переживай, Хезер будет бригадиром!!!

Гарди не поверил. Но Эхсан-баба оказался прав. Хезер стал бригадиром. Сельчане вздохнули свободно. Доволен выбором был и Эхсан-баба. Прошло пять-десять лет. Хезер, который во всем советовался с Эхсан-баба, в последнее время не появлялся. Зачастил в сельсовет, оттуда – в районный центр. Нервировал Эхсан-баба: интересовался то возрастом его, то прошлым, то тем, где был он до советской власти.

И как-то Эхсан-баба узнал, что его исключают из колхоза. Оказывается, на колхозном собрании в сельсовете Хезер предложить выгнать из колхоза тех, кто не заработал трудодней. Правление вынесло решение, отправило в районный центр. Имя Эхсан-баба в списке было одним из первых.

Все говорили о таком бессовестном поведении Хезера. А Эхсан-баба места себе не находил. Сердце разрывалось. Через несколько дней Хезер навестил его. Как ни в чем не бывало, поприветствовал старика, от злости жуящего губы.

– Посоветоваться пришел, – сказал он.

Пораженный такой наглостью Эхсан-баба закричал:

– Чтоб не впрок тебе пошла моя доброта! Что это ты надо мной вытворяешь? Сыновья мои далеко, поэтому, что ли?

Но Хезер преспокойно уселся, поджав под себя ноги:

– Не выходи из себя, баба! Я иду твоим путем...
– и, не обращая внимания на неприветливость старика, продолжал. – Мы с тобой дело одно сделать должны, объединившись, а этот новый председатель совсем негод. Ничего не может.

Эхсан-баба слегка растерялся от этих слов, но нетерпеливо сказал:

– Председателем колхоза стать хочешь?

Хезер не обратил внимания на его издевку:

– Было бы неплохо! Но я пришел по другому делу...

Баба что-то почувствовал и заинтересованно спросил:

– Говори! Накажу потом...

Последние слова его Хезер пропустил мимо ушей.

– Баба, мне жаль наше село, – сказал он. – Все в город бегут. Света нет, телефона нет, мост в таком виде. Устал латать его. Надо навести порядок...

– Наводи! За руки тебя держат, что ли?

– Нужна твоя помощь, баба.

– Да иди ты! Кто я такой, чтобы свет проводить, мост строить...

Хезер поднял руку:

– Ты, баба, большой человек, просто цены себе не знаешь! Известно, что Талышский магал – родина долгожителей. Знаешь, что после смерти Махмуд-баба в пятьдесят девятом на круг вышел Ширали-баба. Уже десять лет, как умер и Ширали-баба...

Эхсан-баба вздрогнул:

– Молчи, негодник! Я не собираюсь умирать... Жить хочу...

Хезер воодушевился:

– Так мне и нужно, чтобы ты жил. Теперь в нашей округе ты самый взрослый человек! Все это нужно было для того, чтобы руководство узнало о твоём существовании. Теперь надо действовать, медлить нельзя.

Поняв, в чем дело, Эхсан-баба успокоился. Вдруг с хитрецей:

– Ты и вправду идешь моей дорогой! Но ты поспешил...

Хезер почесал затылок:

– Что значит поспешил, самое время.

Эхсан-баба покачал головой:

– Сынок, Махмуду Эйвазову было сто пятьдесят лет, Ширали Муслюмову – сто шестьдесят пять. Я еще не дожил до такого возраста. Всего-то мне сто

двадцать лет. Придется тебе подождать. Когда доживу до их возраста, тогда и поговорим...

Хезер от души рассмеялся:

– Баба, брось свои дервишские шутки. Село наше столько ждать не может. Завтра тебя вызывают в район. Оттуда, может, и в Баку отправишься. Готовься! Я тоже пойду приведу себя в порядок, с тобой поеду.

У Эхсан-баба улучшилось настроение, он развеселился:

– А на что ты мне нужен? Я сам поеду...

Хезер в тон ему:

– Нет, баба, тебя одного отпускать нельзя...

– Отчего же?

– Выкинешь там что-нибудь...

Эхсан-баба не понял:

– Я же не ребенок! Весь мир повидал!

Хезер расхохотался:

– Ты думаешь, Ширали Муслюмов был ребенком? С ним носились даже секретари Центрального Комитета. Когда у него спросили, мол, чего ты хочешь, баба, Ширали-баба им ответил, что хочу папаху, как у покойного Махмуда Эйвазова, ничего другого мне не надо! Секретарь тотчас же исполнил его просьбу. Люди, видевшие, слышавшие, рассказывали, что через несколько дней рев секретаря райкома разносился по всему району. Он, как ребенка, распекал вернувшегося из Баку Ширали Муслюмова. Говорил ему: нужна была тебе шапка, сказал бы мне, я

бы тебе целую машину таких привез. Разве для этого мы тебя торжественно проводили в Баку? Разве не объяснил я тебе, что району нужны завод, фабрика, дороги... а ты с одной папахой вернулся к нам.

Эхсан-баба знал эту историю, но Хезера не перебивал. Молчал. Когда Хезер устал говорить, вставил слово:

– Ширали-баба, попросив папаху, не ошибся... Ошибка его была в другом.

Хезер не понял:

– Не понял я, баба!

– Он должен был попросить шапку не только для себя, но и для всех мужчин района. А то привыкли помощи ждать откуда-то и от кого-то! Что Баку для тебя должен сделать?! Нужно построить фабрику – строй! Нужен завод – строй! Дорогу надо проложить – прокладывай! Кто тебя не пускает, кто за руки держит? Каждый, у кого папаха на голове, должен радеть за свое село, за свой район! А работа и не сладится, если от нее бежать!

Хезер не стал возражать против такого подхода к делу.

Прошло немного времени, и Эхсан-баба стал выезжать. Его теперь в селе было не найти. Часто получал он приглашения в районный центр на торжественные собрания. Пару раз, приодев, возили его и в Баку. Ходил на встречи со школьниками. Приезжали за ним и из близлежащих районов. О нем

писали газеты. Эхсан-баба утомляли эти никчемные поездки и разговоры. Правда, в село провели свет, телефон, но строительство моста все откладывали. Зато в районном центре построили винный завод. Тем самым они хотели попридержать в районе молодежь, но ничего не вышло. По-прежнему часть молодых ребят, едва начинали пробиваться у них усы, рвалась в большие города, а остальные пристрастились к вину.

После каждой встречи Эхсан-баба провожали домой с полными руками. Руководство района по указанию секретаря давало ему денег на расходы. Возражения баба даже слушать не хотели.

Хезер за счет баба вышел тоже в люди, стал пользоваться уважением. Повсюду сопровождал он баба. Тенью его стал. Но продолжалось это недолго. Близился закат советской власти. Старые советские руководители умирали, будто состязались, кто раньше. Все смешалось. Ни у кого уже не было охоты слушать stodwadcatилетнего аксакала. Приглашения прекратились.

Хезера это опечалило, но Эхсан-баба был доволен. Надоели ему глупые вопросы и расспросы. Все стало раздражать его. Хезера, пытавшегося поучать его, он выгнал из дома. Эхсан-баба звала природа. Он снова на своем осле ездил по горам.

Хезер на него обиделся и уже не беспокоил. И совсем уже разобиделся он на Эхсан-баба, когда тот

нашел древнее захоронение в одной из пещер Гы-зюрдугу. А как же?! Выходка старика, одной ногой стоящего в могиле, выводила его из себя. Эхсан-баба, не посоветовавшись с ним, тайком возил на своем осле прямиком в районный центр оружие и доспехи из пещеры, сдавал в музей. С тех пор сердце Хезера полно было черной злобы. Если и виделись они на свадьбах и поминках, сидели врозь. Уже сколько лет не открывал он дверей его дома. Даже когда Эхсан-баба стало плохо, он и тогда не пришел. Говорил, что старик этот все равно не собирается пока умирать, крепок, как железное дерево, не верил, что отдаст он душу Азраилу.

Теперь Хезер приехал, слез с лошади, подошел не спеша.

– Здравствуй, баба! – поздоровался он с вызовом.
– Как чувствуешь себя?

Эхсан-баба осторожно ответил:

– Ну, здравствуй, неплохо, если спрашиваешь...

– Ты сам все это сделал, я не при чем! Все мои надежды разрушил...

Эхсан-баба сменил разговор:

– Откуда едешь? – и не смог удержаться. – Или опять что надумал?

Хезер вздохнул, не ответил на вопрос, начал изда-лека:

– В низину спускался. Проведал свой участок. Вода смыла весь посев. Надо снова трактор заводить.

– Мост на месте? – торопливо спросил баба.

Хезер покачал головой:

– Какой там мост, баба, сель у меня на глазах унес его, как щепку.

Гиля-нене взволнованно спросила:

– Молла Бала утром в Баку поехал. Успел ли переправиться?

Хезер, как и все село, слегка побаивался Гиля-нене. Тотчас ответил:

– Так после него и стала подниматься вода, старостина дочь! – И, повернувшись к Эхсан-баба. – Клянись, баба, у этого моллы нога тяжелая! Как только появился в селе, все пошло не так. Зимой – снега да метели, весной – сели да разливы...

Эхсан-баба перебил его:

– Причем здесь молла, если мост ветхий и хлипкий?! Стоит со времен Ноя, должен же был, наконец, развалиться...

Хезер примирительно:

– Я пошутил, – и чтобы избавиться от Гиля-нене, сказал. – Может, старостина дочь, чаю нальешь?

Смуглое еще с молодых лет лицо Гиля-нене теперь совсем почернело. Когда она злилась и выходила из себя, зрачки ее закатывались, и белки глаз наводили ужас на людей. Но просьбу Хезера без ответа она не оставила, пошла к веранде, продолжая прислушиваться к разговору.

Эхсан-баба понял по лицу Хезера, что тот пришел не просто так, и спросил:

– Кажется, у тебя ко мне дело какое-то? Говори...

Хезер взглянул на него внимательно:

– Ничто от тебя не ускользнет! – и приветливо добавил. – С просьбой я к тебе, баба. Не отправляй меня назад ни с чем...

– Не тни, говори...

Хезер перешел к делу:

– Я тоже постарел, баба! Мне уже около шестидесяти! Тяжело стало даже на коня садиться. Ты человек старой закалки. Можешь держать язык за зубами...

Тут Эхсан-баба улыбнулся:

– Ну, ты и скажешь! Разве остались у меня зубы, чтобы язык за ними держать? Но не бойся, разговор останется между нами.

– Ты, баба, знаешь толк в скотине, – начал он. – У тебя всегда были породистые животные. Вот и я хочу купить породистого осла.

Эхсан-баба спокойно:

– Ты, сынок, ошибся адресом. У меня нет осла на продажу. Есть одна старая ослица, но она мне и самому нужна.

Хезер растерялся от его спокойного тона:

– Да? Может, тогда продашь мне одного из родившихся ослят...

Эхсан-баба вздрогнул, выпрямил спину, куртка сползла на одно плечо, и, поправляя ее, он пробормотал:

– И этот об осле! – и со злостью. – Аллах Акбар! Что за дела?!

Хезер ждал, что баба разозлится. Сдвинул кепку со вспотевшего лба:

– Что плохого сказал я, баба, что ты так разозлился? Я же не задаром хочу осленка!

Эхсан-баба подозрительно:

– Думаю, может, разыгрываешь меня?

Хезер стал заливать, старика улещивать:

– Как это разыгрывать?! Да разве ж посмею я?! Просто думаю, зачем тебе два осленка? Есть же у тебя осел. Продай мне одного осленка. Сколько скажешь, столько и заплачу... Прошу тебя...

Эхсан-баба, набивая трубку, сказал:

– Нечего просить! Допустим, хочешь ты осленка, сынок, бери, пожалуйста! Даром отдаю, деньги ни к чему! Все мирское миру останется. У отца моего кувшинами золото было, где оно теперь? Скотины было полно, где теперь все это?

Хезер от радости чуть не заплясал. «Наконец-то, заговорил о золоте», – подумал он и улыбнулся:

– Нет, даром не хочу! Я и так всю жизнь тебе обязан. Когда тебе в карман деньги клали, ты делил их между нами пополам. Угощали тебя, так большую часть отдавал ты мне, говорил: у тебя семья боль-

шая. Даю за осленка сто «ширванов»... Пойдем в сарай, баба, хочу посмотреть товар.

Эхсан-баба выронил трубку из рук и удивленно сказал:

– Не сходи с ума, сынок! За осленка столько денег не дают...

Хезер решительно:

– Мое слово – слово!

Эхсан-баба так и застыл на месте. Хезер нетерпеливо:

– Ну, что задумался, баба?

– Так надо же подумать, сынок. У нас ведь «стоширванная» сделка...

– И долго ты будешь думать?

Лоб Эхсан-баба покрылся испариной:

– Приходи попозже, сынок, у меня голова что-то кружится...

Хезер согласился:

– Ладно, баба, но если разрешишь, взгляну на осленка...– он направился к сараю, но вынужден был остановиться.

Гиля-нене, слушавшая разговор с веранды, взорвалась, как бомба. Опять зрачки ее закатились, белки сверкали:

– А ну постой, куда это ты направился? Умерлая, что ли, чтобы ты в сарай вошел? Мало тебе своей скотины, лошадей, ослов, что ты еще и на наших двух ослят заришься?! Дуришь аксакала, хочешь по-

следнее у него забрать? Благодаря ему ты стал человеком, хлеб его ел и опять не отстаешь?! Съел советскую власть, не наелся?! Убирайся отсюда! Галадж, хватай его! Хватай!

Хезер с раскрытым от удивления ртом слушал старуху. Пришел в себя, только когда бросилась на него собака, и побежал к воротам. Вскочил на коня.

Галадж носился вокруг лошади. Хезер с трудом удерживал поводья. Эхсан-баба виновато:

– Не обижайся, сынок, на Гиля-нене опять накатило, джинны одолели! Кажется, сделка наша не состоится, старуха не согласна...

– Ты, баба, был ведь не из тех мужчин, что живут по указке жены. Что это с тобой случилось? – поддел его Хезер.

– Эх, сынок, старость не дает мужчине оставаться мужчиной! Доживешь до моих лет, узнаешь! Ты еще ребенок! – усмехнулся в усы Эхсан-баба, и Хезер, отпустив поводья, ускакал.

Эхсан-баба перевел дух и от души похвалил старуху:

– Недаром ела ты хлеб отца своего, старосты, Гиля! Избавила меня от этого проходимца. Замучил вконец...

Гиля-нене всегда смягчалась, когда отца ее вспоминали добрым словом, но на этот раз усмирить ее не удалось. Издалека она пригрозила ему пальцем:

– Хватит, старый! Кончай эти разговоры об осле и ослятах! В сарай ты войдешь только через мой труп! Меня называют бесноватая Гиля, ты это знаешь. Так что сиди смирно, не то бороду тебе повырываю...

Эхсан-баба приказом таким был поражен. Старуха даже в молодости с ним так не разговаривала. Губы его задрожали, он вытер повлажневшие глаза: «Да, таков мой конец. Кажется, я схожу с ума. Уже и старуха мне перечит. Что за дела?! Одни приходят, другие уходят... И все об одном и том же... А эта Гиля, как только речь заходит об ослятах, тут же выходит из себя, то есть получается, у всех что-то с головой?! Нет, нет... Это что-то во мне самом! Сто тридцать лет – возраст немалый, не жить же мне вечно, в этот мир вцепившись!» Так, раздумывая, Эхсан-баба молча поднялся на веранду. Сторонясь старухи, глаза которой метали молнии, он прошел в дом, разделся и лег в постель. «Где ты, иди уже!» – позвал он смерть.

XIX

Получив телеграмму из Парижа, Джамо потерял покой... Профессор Морель с дочерью Жанет приезжают в Баку. До прибытия гостей оставалось три дня.

Лекции он читал рассеянно. Мелкие дела свои делал неохотно, чтобы поскорее освободиться. Хотя к должностям он не стремился, но от предложения ректора возглавить кафедру в прошлом году не отказался. Преподаватели были довольны Джамо. Он отличался простотой. Не говорил приказным тоном. В отношениях со студентами был искренен и честен. Студенты тоже хорошо к нему относились, потому как педагогов, не ждущих подношений, было мало. Эти качества одно время приносили ему немало хлопот, но потом коллеги смирились с отличающимися Джамо от остальных чертами его характера. Он был действительно безвредным человеком. Прямо рыба без костей. Ни в чьи дела не вмешивался, не читал нотаций о высоких материях, наоборот, помогал всем по возможности.

В отличие от брата-близнеца Джуму, Джамо пошел в отца. Высокий, крупнококстный, сильный, как вол. И еще больший, чем братья, аскет. Все трое братьев были нелюдими, ни к кому не прикипали сердцем и душой. Станным было то, что братья и друг друга сторонились. Кровь не тянула их друг к другу. Приехав одновременно в город, они подали документы в разные вузы. Джуму был упрям, Аби прост, как бумага, и, несмотря на то, что был младше братьев на год, сделал попытку собрать их вместе. Только ничего не вышло. Прошло время, и Аби оставил эту затею.

Джамо довольствовался получаемой стипендией. Аби же днем учился, а ночью работал. Иногда помогал Джуму. А Джамо не вылазил из библиотек. В голоде и жажде он был вынослив, как верблюд. Отказывался от предлагаемых Аби денег.

Успехов в науке Джамо стал добиваться еще со студенческих времен. То и дело в газетах и журналах выходили его статьи. Его оставили работать в институте. Был разгар советской власти. Статьи Джамо, печатавшиеся за границей, заставили институт дрожать от страха. Служебные машины государственной безопасности пришли в движение. Статьи Джамо изучались под увеличительным стеклом, однако в занятиях безвредной французской филологией молодого ученого состава преступления обнаружено не было. Джамо стал кандидатом, потом доктором наук, но откликнуться на приглашения из-за границы не мог. Проблемы с паспортом, визой оказались почти неразрешимыми. Всякий раз что-то было не так. Не помогли и книги, выходившие сначала в Баку, потом в Москве.

Все изменилось с падением советской власти, все дороги теперь были открыты. Несколько раз он съездил в Париж. Читал там лекции в высших учебных заведениях, выступал на конференциях, была напечатана его брошюра на французском языке. Самый успешный шаг был сделан в прошлом году. Он заключил договор на издательство книги большого

объема. Доброта профессора Мореля в этом деле сыграла незаменимую роль.

Профессор Морель был удивительным созданием. С Джамо он переписывался с советских времен. Еще тогда стал печатать статьи молодого ученого в учрежденном им журнале. Позднее месье Морель стал ректором вуза, однако Джамо не забывал. Прошлогодний договор тоже был заключен благодаря ему. И Джамо вдруг получил гонорар в двадцать пять тысяч американских долларов.

Гостей следовало принять на высшем уровне. Во-первых, это было человеческим долгом Джамо, во-вторых, нельзя было запятнать имя страны, и, в-третьих, об этом даже и не скажешь... Он часами обсуждал эти вопросы с руководством, пока не получил всеобщее согласие. Ректор ценными мыслями своими поделился с Джамо. От такой солидарности Джамо полегчало. Оставались бытовые проблемы. По указанию ректора позвонили в самые лучшие гостиницы. Выяснили, что и здесь затруднений нет. Плати и живи себе. В отношении гостиниц Баку не отставал от Парижа...

Джамо разделался с повседневными делами. Вышел пообедать. Сел в свои старые «Жигули», поспешил домой. Войдя в дом, осмотрелся свежим взглядом. Ему стало стыдно за свою квартиру. Было смешно сравнивать ее с виллой профессора. Он явно

не готов был к приему гостей. Разве что освежить слегка, тогда можно было бы еще как-то обойтись.

Если отбросить западные мерки, квартира Джамо была неплохой. Она находилась на четвертом этаже здания, построенного в сталинские времена, в центре города. Из окон открывался чудесный вид на море. Комнаты большие, светлые, высокие. У тестя был хороший вкус, нет слов. Квартира была отдана Джамо благодаря его щедрости. Тогда у тестя его были большие возможности. Он работал на хорошей должности. Хотел, чтобы дочь была рядом. Как только освободилась квартира в соседнем блоке их же дома, он ее не упустил. Будучи хорошо знаком с советской распределительной системой, тотчас задействовал свои связи. Зять-ученый тоже постарался. У него были прекрасные отношения с руководством института, так что тесть с зятем объединили усилия, и Джамо покончил со съемными квартирами.

Но ничего, кроме головной боли, Джамо от всего этого не получил. Жена его была очень избалована и своенравна. Десять лет жизни под одной крышей с ним ее не изменили. Муж с женой никак не могли поладить. Джамо жаждал знаний. Его не привлекали желания поесть, принарядиться, поразвлечься. Костюм, который носил он пять лет, надевался и на свадьбы, и на поминки. Жена же его была не из тех женщин, что довольствуются малым. Она была недовольна мужем, который вечно занят своей би-

блиотекой и готов истратить последнюю копейку на книги. А о библиотеке Джамо ничего не скажешь! Эти редкие книги, рукописи интересовали Джамо больше всех богатств на свете.

Хозяин прикурил сигарету. Озабоченно обошел комнаты. Вошел в библиотеку. Сел в удобное кресло, облокотился о большой письменный стол у окна. Отодвинул в сторону гору исписанных бумаг. Только в этой комнате Джамо чувствовал себя комфортно, спокойно. Он терпеть не мог бытовых проблем, потому что боялся их. А теперь он должен был тратить на это время. Он сердито загасил в пепельнице сигарету и пробормотал сквозь зубы: «Будь проклят шайтан! Как выбил меня из колеи! С каким умом я приглашал француза в Баку? Как теперь принять их, чтобы не опозориться? Вот это мой дом! Пусто, как в склепе! Верно говорила Гюляр! Я неотесанный бродяга. И обижаться не стоило... Что скажешь против правды? Нет, нет, в три дня привести все это в порядок не по мне! Можно купить ковры-паласы, кое-какую мебель, но ремонт займет много времени. Вот если бы была Гюляр...Гюляр!»

Недолго думая, Джамо достал телефон. Позвонил Гюляр. Подождал немного, «Азерсель» сообщил, что телефон или отключен, или вне зоны доступа. Джамо скривился. Позвонил теще. Уже год, как Джамо ими не интересовался. Однако теща спокойно с ним поздоровалась, кажется, пытаясь скрыть удивление.

Когда Джамо попросил Гюляр, голос ее сник. Помолчав, ответила, что ее нет дома. Джамо попросил передать Гюляр зайти к нему. Теща, вероятно, не нашла ничего другого, как прервать разговор. Джамо улыбнулся. Знал, что хоть на стены она лезь, Гюляр, узнав о его просьбе, придет непременно. Он свою жену знал лучше ее родителей.

XX

Гюляр была студенткой Джамо. Многие пытались привлечь внимание преподавателя, безразличного к девушкам в аудитории. Были и такие, которые открыто говорили о своей любви к Джамо, большому, статному и неженатому. Но не так-то просто было завоевать этого преподавателя, занятого наукой.

Однажды научный руководитель докторской работы Джамо вызвал его к себе. Ученый-аксакал, не поднимая от стола глаз, стал говорить о том о сем. Потом представил Джамо невзрачную, худенькую девушку, сидевшую в углу тихо, как мышка.

– Эта ханум – наша аспирантка. В прошлом году окончила институт. Из твоих студентов. Зовут Гюляр. Фамилии называть не буду, наверняка, сам знаешь. Ты будешь ее научным руководителем...

Он безразлично взглянул на девушку. Удивился. Эта девушка не то что на французском, на родном

языке хорошо говорить не могла. Институт закончила благодаря звонкам. Но ничего не сказал... Не стесняясь присутствия девушки, спросил:

– Ее научную работу должен буду писать я?

Открытый разговор пришелся научному руководителю Джамо по душе, отбросив стеснение, он сказал:

– Кажется, так оно и будет! – и успокоил Джамо.
– Так надо. И потом тебе это не впервой!

Не дожидаясь давления со стороны, Джамо в короткие сроки написал научную работу Гюляр. Он хотел поскорее избавиться от этого хилого чучела. Встречаясь в то время с Гюляр, он совершенно с ней не считался. Ему было уже сорок, но на женщин и на разговоры за спиной внимания не обращал.

А Гюляр выросла в семье советского аристократа. С детства страдала эпилепсией. Легкие судороги ее долго не оставляли. Это держало родителей в постоянном страхе, так что они исполняли любые капризы единственной дочери. Не помогали ни врачи, ни лекарства. Гюляр повзрослела, болезнь отступила, но телом девочка не окрепла. Окончив институт, она видом своим не отличалась от подростков. Была худой и тщедушной. У отца возможности были большие. И он согласился с желанием неинтересно живущей дочери стать ученым.

Общение с Джамо оказало на Гюляр благотворное влияние. Девушка менялась на глазах. Это заме-

чали все, кроме ее научного руководителя. Джамо не присутствовал и на защите своей подопечной. Не пошел он также ни на одно из торжеств, которые устраивал отец Гюляр по случаю защиты дочерью диссертации. Он был занят своей докторской работой. Через год защитился. Гюляр тоже была среди поздравлявших его. Джамо Гюляр не узнал. Девушка изменилась, стала настоящей ханум.

Отношения их развивались очень быстро. Недовольство отца и матери Гюляр выбором дочери помехой не стало. Она привыкла поступать так, как хотела. По Джамо сходила с ума. Прошло года два. Муж с женой друг к другу охладели. Отсутствие детей тоже сыграло свою роль. Постепенно они отдалились друг от друга. Самым странным было то, что между ними не было ни ссор, ни обид. Джамо не искал Гюляр, проводившую дни в отцовском доме. Был занят работой. Гюляр часто не приходила домой и по ночам. Довольствовалась тем, что просто предупреждала Джамо. Прошлой зимой она заявила о том, что хочет развестись. Джамо внимательно выслушал ее, попытался отговорить. Но приведенные им доводы Гюляр не удовлетворили, и она осталась при своем решении. Джамо согласился. Он собирался в командировку во Францию и попросил отложить подачу заявления о разводе до его возвращения. Согласие с женой было достигнуто. Гюляр не воевала с Джамо и из-за квартиры. Просто однажды собрала свое при-

даное и вернулась в просторные апартаменты отца. Но напоследок облегчила душу. Поразила Джамо. «Джамо-муаллим, что было, то прошло. Может, нет в этом смысла, но я все-таки скажу, не то сердце мое не выдержит, – сказала она. – Говорю, Джамо-муаллим, тебя не интересуют ни застолья, ни одежда, ни быт! Но для чего же ты живешь?! Часами портишь глаза! Ты поразительное существо! Когда советская власть платила тебе зарплату, можно было еще говорить о какой-то справедливости. Но ведь сейчас это невозможно! Разве может так жить ученый?! Посмотри на наших коллег, как они живут! Правильно говорит профессор Алиа-ханум: «Возьмись за ум, Гюляр, из этого бродяги тебе не будет мужа, он еще не обтесался. Как она была права!..» Он безразлично ответил Гюляр, чтобы в следующий раз она приводила высказывания кого-нибудь другого, ибо пока он приводил в порядок докторскую диссертацию упомянутой Алиа-ханум, с него семь потов сошло... И закрыл дверь за опешившей женой.

XXI

Не притронувшись к еде, Гюляр встала из-за стола. Когда мать передала ей слова Джамо, кровь прилила к ее щекам. Бледное лицо вспыхнуло. Это насторожило мать.

– Куда ты? – спросила она.

Гюляр молча оделась. Мать рассерженно покачала головой.

– Никакой гордости у тебя нет! Стоило этому бродяге пальцем поманить, и ты уже бежишь к нему! – сказала она. – Посадила его себе на голову!

Гюляр взяла сумку и пошла к двери. В последние месяцы она больше молчала, грустила. Матери было жаль ее. Она преградила путь Гюляр:

– Не ходи, дочка, стыдно...

Гюляр ответила неожиданно дерзко:

– Что ты за мать, если к родному мужу не разрешаешь пойти? До суда мы все еще муж и жена!

Мать опешила:

– Какой же ты стала бесстыжей, детка?!

Гюляр, терзаемая противоречивыми чувствами, спешила. Пока дошла до квартиры, где прожила пять-шесть лет, несколько раз хотела повернуть обратно, но с сердцем своим совладать не могла. Звонить она не стала. Звонок не работал со времен ее ухода. Знала, что Джамо и в голову не придет позвать мастера. Несколько раз стукнула в железную дверь. Никто не ответил. Хотела уже вернуться и сердито ударила в дверь ногой. Дверь отворилась. Гюляр испугалась. Быстро вошла. Увидела в кресле склонившегося набок Джамо и закричала...

А Джамо просто устал ее ждать и задремал в кресле.

От крика он вздрогнул и, увидев перед собой Гюляр с округлившимися от ужаса глазами, пошутил:

– Не кричи! Мне кажется, что именоваться вдовой уважительнее, чем разведенной...

Гюляр тут же изменилась:

– И шутки у тебя такие же никчемные, как ты сам... Я так испугалась...

Джамо вздохнул:

– Я специально оставил дверь открытой, вдруг усну, и ты уйдешь обратно...

Гюляр холодно:

– А что случилось? Позвонил бы мне на мобильный...

Джамо нехотя пошутил:

– Соскучился по голосу тещи.

Гюляр начала злиться:

– Не тяни, говори, а то уйду.

– Ладно, не злись! Важное дело у меня. Нужен твой совет.

– Ох! Где это солнце встало?! Известному ученому вдруг понадобился совет жены?

Джамо насмешку жены пропустил мимо ушей и примирительно показал на соседнее кресло.

– Садись, пожалуйста, – сказал он и подождал, пока она сядет. – Гюляр-ханум, ко мне из Франции приезжают гости. Я говорю о профессоре Мореле, о котором ты уже слышала. Благодаря ему, я езжу

за рубеж. Вероятно, он остановится в гостинице, но я хочу пригласить его и домой. Сам я к тому же несколько раз пользовался его гостеприимством.

Гюляр проговорила:

– Сам смотри. Приглашай...

Не слушая ее, Джамо сказал:

– Честно говоря, посмотрев, как живут за границей, я теперь немного растерян. Наш дом напоминает караван-сарай. Не знаю, что и делать...

Благородное лицо Гюляр исказилось, когда она его перебила:

– А я тебе что говорила? Не говорила ли, что ты не знаешь, что такое жить? Ты доктор наук, заведующий кафедрой, а хочешь семью содержать на тридцать-сорок ширванов!

Джамо улыбнулся тому, как по-детски злится Гюляр, с годами превращавшаяся в настоящую женщину.

– Сделаем так! – сказал он и, достав из нагрудного кармана пачку американских долларов, положил их на стол. – Здесь десять тысяч. Бери и меняй вид нашего караван-сарая. Купи мебель, ковры, посуду, чтобы не ударить в грязь лицом перед иностранцами...

У Гюляр потемнели глаза:

– Джамо-муаллим, откуда у тебя столько денег?

– Это гонорар за книгу, которая выйдет в Париже. Мне дали двадцать пять тысяч долларов аванса.

Когда книга поступит в продажу, будет еще столько же...

Гюляр потеряла дар речи. Джамо, приподнявшись, пальцем коснулся ее носа.

– Тебя случайно не молнией ударило? – он вздохнул. – Теперь ты поняла, как надо зарабатывать деньги? Я – сын баба-дервиша, и у меня свое понимание того, что хорошо, а что плохо. Я хочу жить, не влезая в карманы бедных студентов... На такие деньги я жить не могу, не силком же пихать их мне?!

Гюляр приняла свое поражение:

– Хорошо, сдаюсь! Все понятно. Твой друг-профессор приезжает один?

– Нет, с дочерью...

– Ты и ее знаешь по Парижу?

– Конечно! Целый месяц я жил в его имении. Он знал о моих материальных затруднениях. И дочь свою приставил ко мне гидом. Она водила меня по архивам, библиотекам. Без помощи профессора я не справился бы с такой работой. Правда, я отредактировал его книгу. Но разве это меняет дело?

Гюляр сказала:

– Все ясно, Джамо-муаллим...

Джамо помрачнел, сдвинул брови:

– Что именно тебе ясно?

Гюляр покраснела, но сдержаться не смогла.

– Все! – сказала она. – Не забудь позвать на свадьбу! Буду рада...

Джамо рассердился:

– Какая же ты глупая! Во-первых, я все еще официально женат! Во-вторых, если ты ее увидишь, не позволишь себе так говорить. В-третьих...

Гюляр подняла руки.

– Ладно, не увлекайся! Ты не в аудитории! – сказала она и сразу перешла к делу. – Хорошо, я берусь привести все это в порядок, но по магазинам пойду сама. С тобой ни шагу не ступлю, а то станешь ко всему цепляться... Принимаешь мои условия?

Джамо кивнул. Гюляр сморщила носик:

– Сколько у нас времени?

– Два дня...

– Стены придется оставить, как есть. В два дня не уложиться.

Джамо встал, поднялась и Гюляр. Оба смутились, оказавшись так близко друг к другу. Джамо осторожно обнял Гюляр, голова которой едва доставала до его плеча. Женщина не отодвинулась. Джамо благодарно произнес:

– Спасибо, что откликнулась на мой зов.

Гюляр взглянула на него снизу вверх:

– Нам это нужно? После всего, что было?

Джамо поймал ее взгляд:

– Мы просто ошиблись! А кто исправит наши ошибки, если не мы сами?

Гюляр оставила вопрос без ответа, отошла в сторонку, подумала. И вдруг улыбнулась:

– Думаю, не стоит покупать другую мебель. После отъезда гостей комнаты нужно будет привести в порядок. Лучше купить пока что-то подешевле.

Джамо, передразнивая ее:

– Думаю, чем покупать мебель, не лучше ли вернуть твоё приданое, – он улыбнулся. – Совсем ты простофиля! Это я тебе должен говорить?

Гюляр растерялась:

– Что скажут дома? А люди?

Джамо расхохотался:

– Кто спросит, скажешь, что сдаешь мебель в аренду! Ха-ха-ха! – он вытер слезы на глазах. – Для чего ты держишь все это? Допустим, ты развелась, снова замуж вышла, возьмешь старую мебель, что ли?

Гюляр тоже стало смешно:

– Джамо-муаллим, после того, как ты стал ездить за рубеж, говорливым стал. Раньше из тебя слова было не вытянуть. Хорошо, будь по-твоему. Наверное, действительно, нет необходимости покупать мебель.

Лицо Джамо светилось. Гюляр смотрела лукаво. Прожитые вместе годы не прошли даром. Она знала, что у него на душе.

– Не очень радуйся, Джамо-муаллим! Из этих десяти тысяч я не верну тебе ни цента.

Джамо с наигранной злостью:

– Что? Не многовато ли будет?!

Гюляр показала ему язык.

– Не беспокойся, в самый раз! – она рассмеялась.

– Ладно, тебе виднее! Но на что ты хочешь их истратить?

– Найду, на что! Человек, годами живший на зарплату, о многом мечтает, так что об этих деньгах забудь, Джамо-муаллим. Считаю, что отдал их за аренду мебели...

Джамо сдался, хотел что-то сказать, но зазвонил телефон. Было похоже на междугородную связь. Гюлярь вышла в прихожую и подняла трубку:

– Да... Здравствуйте... Атахан-муаллим?.. Дома, подождите, – она отложила трубку.

Джамо медленно подошел к телефону. Атахан был другом его студенческих лет. Был очень честолюбив. Чтобы добиться своего, шел на все. Сейчас он работал в министерстве. Раньше они встречались часто, но в последнее время он не появлялся. Джамо тоже был занят и встреч с ним не искал. «Здравствуй, друг! Забыл нас совсем... Ах, значит, знаешь... Очень хорошо... Командировка прошла неплохо, в Париже печатается моя книга... Спасибо, спасибо... Рад звонку... А то как же! Ты мне нужен, как воздух! Гости ко мне приезжают. У тебя же большой опыт в этом деле. Помощь твоя нужна... Что ты говоришь? Где ты, где горы?! Так ты теперь глава исполкома нашего района? Отлично! Мне нечего сказать! Дела идут? Получается? Нет, летом был... Не могу выбраться... Эхсан-баба и Гиля-нене будут рады тебя видеть...

Поинтересуйся, как они там. Телефон в селе давно не работает... Что-то еще? Да, дело сына твоего устроится, проблем нет... Это лишнее, здесь ты или нет тебя, если я взял на себя дело с аспирантурой твоего сына, доведу его до конца... Ну, о чем ты говоришь?! Все будет нормально... Не забывай навещать моих стариков... Пока!»

Гюляр с нетерпением ждала, когда муж положит трубку.

– Ну и друг у тебя! Во времена «народного фронта» он не помог моему отцу и даже твоей просьбе не внял.

Джамо не согласился:

– Это не так! Тесть тогда выбрал неверную позицию. Атахан приложил все усилия, но ничего не получилось. Нет, он не виноват.

Гюляр не стала спорить и застенчиво сказала:

– Я ухожу домой...

Джамо взял ее за руку:

– Не говори ерунды! Твой дом здесь... Позвони матери, скажи, что остаешься.

Гюляр не стала возражать.

XXII

Молла Бала шесть часов проехал в пассажирском автобусе, направлявшемся в Баку, а страх, вселив-

шийся в него при переправе через реку, все еще не отпускал его. Сердце его по-прежнему трепетало даже тогда, когда они уже подъезжали к городу. В голове его проносились видения того, что могло бы произойти, которые он сопровождал словами вроде: «Чтоб треснула могила твоя, Пишан-баба! Это что за дела на мою голову ты устроил?! Чтоб тебе повылазили мои тяготы! Сель меня почти унес! Промедли я чуть-чуть, скovyрнулся бы с моста вниз! Аллах смилостивился!»

Детство молла Бала провел, ухаживая за Пишан-баба. Застилал постель его, купал, кормил. Старость Пишан-баба, лежавшего с парализованным ногами на постели поверх сундука с семьёю замками, проходила спокойно и комфортно. Бедная семья жила мыслями о содержимом его сундука. До последнего вздоха он охотно рассказывал о пережитом, о приключениях в своей жизни. Он любил поговорить. Не уставал рассказывать о караванах, попадавших в руки афганских разбойников, о драгоценностях индийских раджей, о сокровищницах иранских шахов. К сундуку же своему никого не подпускал. Каждый раз собиравшимся вокруг него по вечерам детям и внукам говорил, чтобы после его смерти разделили они содержимое сундука между собой по справедливости. А внуку, ухаживавшему за ним, открыл другую тайну. За день до смерти прошептал ему на ухо: «Ты, Баламирза, много сил на меня потра-

тил. Я тебя отблагодарю. Слушай! В горах Гызюрду есть пещера. Моя сокровищница там. А сундук пуст. Да-а... Жаль, что теперь те места советские. Будет возможность, побывай там, найди в селе у подножия той горы моего друга-дервиша Эхсана. Он знает горы, как свои пять пальцев. Пусть отведет тебя туда. Разделите сокровища пополам. Оба станете самыми богатыми людьми в мире...» Эта тайна крепко засела в мозгу молла Бала. Не развеяло его подозрений и содержимое сундука, вскрытого после смерти деда. Вся семья дервиша Пишана была в большой печали. Сундук на семи замках был полон мусора. Китовые зубы, обезьяньи головы, ракушки, цветные камни, бусы и больше ничего. Молла Бала был хром, привлекал ногу. Отец, чтобы семье было полегче, отвез пятнадцатилетнего Балу в Тавриз. Работа его заключалась в том, чтобы сидеть перед магазином и громко зазывать покупателей. В двадцать пять лет он бросил это занятие, стал заниматься торговлей. Однако оттого, что основной капитал его был невелик, заработанного едва хватало на жизнь. Если бы не женился, может, как-нибудь и пробавлялся бы. Но чем больше становилось у него детей, тем хуже было положение дел. Случайное знакомство с приехавшим из страны Советов торговцем нарушило привычный расклад его жизни. Это был внук Гарди-ами. С падением власти Советов дороги были открыты. Проснулись мечты детства молла Бала и сдвинули с места

пятидесятилетнего мужчину. Он подготовил документы. Продав все, что было, оставил семье денег на расходы и присоединился к внуку Гарди-ами, не посвятив его, однако, в свою тайну.

«...Это наказание мое, вот и несу его! Неужели кто-то должен тебе сказать, что, мол, потерял ты в этих горах, тебя ведь чуть сель не унес?!» – ворчал про себя молла Бала. Знал, что больше в эти края не вернется. Вынул из кармана конверты, хотел порвать и выбросить, но что-то его удержало. Он вспомнил гостеприимство Эхсан-баба. На автовокзале показал один из конвертов шоферу такси и попросил отвезти его по указанному адресу....

XXIII

Джуму был мелкокостным, но здоровьем крепок, как ледоруб. Ему было сорок семь лет. Он был кандидатом наук. Работал деканом в институте. Его подстегивало то, что Джамо раньше него стал доктором наук. Семейное положение было неплохим. В доме царила приятная атмосфера. Только научная работа его утомляла. Как верблюжий хвост, и не росла, и не уменьшалась. Никак не мог он ее закончить.

Материальные трудности возникли у Джуму-муаллима после падения советского строя. Он стоял на перепутье. Или принять жизнь в постоянной нужде,

или идти дорогой, которой шло большинство. Он выбрал второе. Поправились и материальное положение, и достаток семьи. Он привык жить, на многое закрывая глаза. Это порой его стесняло, и он завидовал Джамо и Аби. Знал, что они живут по-другому... Но сегодня у него было прекрасное настроение. Он сделал доброе дело. Передал ректору просьбу двух студентов. Эти ребята были его земляками, из соседнего села. Учились на первом курсе, срезались на предмете «Основы информатики». С поникшими головами пришли к нему. «Джуму-муаллим, ради Эхсан-баба помоги нам, исключают из института...» От этих слов он стал мягким, как воск. Дал слово помочь. Преподаватель информатики был человеком упертым, решений своих не менял. Был известен в институте тем, что без денег никому не ставил отметок. Джуму, опасаясь, что просьба его не будет услышана, пошел напрямик к ректору. При нескольких деканах высказал свою просьбу.

– Академик, этот преподаватель математики переходит все границы, такое устраивает на первом курсе. Двух хорошо подготовленных студентов срезал...

Старый ученый снял очки, протер их, недовольный временами, покачал головой:

– Джуму-муаллим, ты же знаешь правила, лучше не вмешиваться в дела других.

Джуму-муаллим уважительно согласился:

– Это так, академик! Но эти студенты из горного села, они бедны, у них нет возможности...

Ректор вдруг разнервничался:

– Так пусть бедный учится из кожи вон! Не смотрит на богатых!

Не обижаясь на выговор старого ученого, Джуму улыбнулся:

– Академик, совсем вы стали плохи! Ну откуда знать сельскому ребенку компьютер? Верно, время требует, но районских детей мы должны отличать... Свыкнутся с условиями, изучат и компьютер, и более того...

Ректор возразил:

– Я ничего не смогу сказать преподавателю... Пусть занимаются получше!

Джуму-муаллим, пользуясь присутствием коллег, привел расхожую присказку:

– Академик, честное слово, если на вершинах Талышских гор найдется хоть один компьютер, я готов отрезать себе палец! Там электроэнергию подают по крупичкам. Откуда же компьютер? Если дела наши наладятся исключением из института этих студентов, давайте исключим...

Старый ученый перед такой логикой не устоял, улыбнулся и распорядился по внутреннему телефону. С любопытством взглянул на Джуму и спросил:

– Ты ведь никогда не защищал земляков, откуда теперь такое рвение?

Джуму-муаллим, поднимаясь с места:

– Наверное, возвращаюсь на путь праведный, – пошутил он. – Это, академик, возрастная слабость...

До самого возвращения вечером домой он пребывал в хорошем настроении. Аккуратно остановил у дома свою иномарку, которую берег, как зеницу ока. Не стал заводить ее в гараж.

Дверь ему открыла жена Гамар. Но в прихожей стояли и сын его, и дочь. Это показалось ему странным. Но виду он не подал, поздоровался, разулся, переоделся в домашний костюм, умылся. Кресло в гостиной так и манило. Он удобно устроился перед телевизором. Взял конверт с журнального столика. Вынул очки из нагрудного кармана. «Вероятно, из села, – подумал он. – Откуда же еще? Как там старики? Так и не собрался съездить к ним...» Он вздохнул и достал письмо. Посмотрел на начало, заглянул в конец и удивленно сказал Гамар:

– Написанное сегодня письмо сегодня же и получено? Так у нас работает почта?

У Гамар-ханум задрожал отвисший подбородок и, переглянувшись с детьми, продолжавшими стоять в прихожей, она сказала:

– Это не почта. Один молла принес. Из вашего села.

– Молла?!

– Он так сказал!

Джуму-муаллим занервничал:

– Что ты болтаешь попусту? У нас в селе нет моллы... Что за человек?

Гамар стала вспоминать:

– Черная борода, высокая шапка, хромой. Сказал, что Джуму-муаллим меня знает...

Джуму-муаллим улыбнулся:

– Ааа! Это тот иранец... Так и скажи! Знаю, конечно. Когда ездил проведать отца, видел его там. Он все время находился при старике.

Гамар-ханум не поверила:

– Что-то ты выдумываешь! Что за дело у иранца на этой стороне гор? Он похож был на ваших сельчан. Говорил, как ты...

Джуму-муаллим не собирался ничего объяснять жене. Его заставило задуматься то, что молла Бала до сих пор оставался в их селе. Гамар-ханум поторопила его:

– Ты письмо читай! Что пишут... – опять переглянувшись с детьми, прошла на кухню.

Джуму-муаллим никак не мог оторваться от письма. Читал, читал, но ничего не понимал. Не удержался от изумленного возгласа:

– Да разве может быть такое?!

Дочери Джуму-муаллима было двенадцать лет. Она вела себя, как ребенок. Устав стоять в прихожей, бросилась к отцу, обняла его за шею:

– Папа, когда мы поедem в село?

Не в силах оторваться от письма, Джуму отстранил ее:

– Погоди-ка...

Девочка не отставала:

– Папа, отвези и меня на каникулах в село! Я в жизни своей не видела ни золотого, ни серебряного осленка...

Джуму-муаллим покосился на нее.

– Уверяю тебя, что и я не видел, – сказал он и опять склонился над письмом.

Девочка же все приставала к нему:

– Папа, а интересно, у золотого осленка все золотое? Папа, а у него и шерсть золотая?

Видя, что отец не отвечает, девочка, наконец, отошла. Хозяйка же в золотистом халате подошла к Джуму. Она крепко сжала губы, стараясь не рассмеяться.

– Ужин готов, – сказала она.

– Я не хочу...

– Почему? Что случилось?

– Как будто не читала?

Гамар-ханум призналась:

– Читала! И дочь, и сын тоже прочли. Дети собирались в гости идти, но передумали, тебя ждали.

Джуму-муаллим погладил свои редкие волосы:

– Ладно, что ты думаешь об этом?

Гамар-ханум помедлила, потом, отведя глаза, проговорила:

– Думаю, оба они уже состарились. Гиля-нене хоть и моложе Эхсан-баба, но тоже сдала. И с головой у нее того...

– Говоришь, что придется! – сказал Джуму. – Как знать? Возможно...

Гамар-ханум хорошо знала мужа, но обиды своей не скрала:

– Лишь бы все оказалось по-твоему! Пусть ослица Эхсан-баба родит серебряного осленка, родит золотого и даже алмазного. И пусть глаза повылазят у того, кто этого не хочет. Вас трое братьев. При дележе и тебе доля твоя перепадет. Заживем тогда! Хоть хвост, хоть что другое... Кто же откажется от злата-серебра?!

Сын-студент, все еще стоявший в прихожей, сказал:

– Папа, серебро – не такая уж драгоценная вещь! Да и золотой осленок, если не девятьсот девяносто шестой пробы он, не стоит и лезть в те горы...

Джуму-муаллим промолчал. Гамар-ханум с приятной улыбкой:

– А по мне лишь бы золото было и серебро!

Сын-студент прошел и сел на диване.

Провел рукой по едва пробивающимся усам и не смог сдержать смеха:

– Ха-ха-ха! Папа, я знаю, свою долю ты отдашь мне. И зачем мне тогда учиться?

Гамар-ханум тоже присела в кресло у двери, умирая от смеха:

– Не глупи, сынок, папина докторская не закончена. Будь у него деньги, давно бы закончил. Ха-ха-ха! А теперь вот Бог послал...

Джуму-муаллим поднялся с места, укоризненно посмотрел на мать с сыном и подвел разговор:

– Не устали смеяться?! – и, ворча, прошел в ванную. – Или старики умом тронулись, или я уже отстал от жизни...

Больше никто не осмелился разговаривать. Семья по опыту знала, что после первого же слова, по существу или нет, неважно, Джуму взорвется. За главой семьи закрылась дверь. Дочка села на колени Гамар-ханум. Хозяйка дома смотрела вдаль и задумчиво говорила:

– Поехать бы посмотреть, правда ли ослица Эхсан-баба родила золотого и серебряного осленка. Даже разделив на три части, получается приличная доля золота и серебра. Все свои дела привели бы в порядок: купили бы «четырехглазый «Мерседес», вам бы квартиры купили, на даче выстроили бы виллу.

Сын-студент вернул с небес на землю размечтавшуюся мать.

– Мне кажется, что сейчас не стоит делить ослят, надо подождать, – сказал он и замолчал с серьезным видом.

– Почему, сынок? – спросила Гамар-ханум. – Каждому сыну должна достаться доля от отцовского добра, так ведь?

Студент рассмеялся:

– Лучше подождать, пока они вырастут, станут ослами, чтобы доля наша золота и серебра стала еще больше... ха-ха-ха-ха...

XXIV

Молла Бала, навестив два адреса, стал готовиться к ночлегу. Не ночевать же на улице в чужом городе. Он позвонил внуку Гарди-ами. Друг был рад приезду в Баку молла Бала и договорился встретиться с ним в семь часов. Дал слово, что, закончив дела, будет к его услугам. Молла Бала успокоился. Разменял сто американских долларов. Остальные купюры спрятал так, что достать их стоило немалого труда. О гостинице не могло быть и речи. Он знал, что на это у него не хватит денег. И все это время продолжал корить себя: «Ты посмотри на него, приехал за сокровищами! Все, что было, порастратил. Верно говорят: много хочешь, мало получишь... Бедствовал себе в Тавризе! И зачем я вспомнил завещание Пишан-баба?!»

Все это не помешало ему отправиться на такси в Сумгаит. До встречи с внуком Гарди-ами все равно

оставалось еще много времени. Дорога и мысли совсем утомили молла Бала. Чтобы утолить голод, он попросил остановиться у придорожного кафе. Шофер приглашения на обед этого бородатого, неразговорчивого пассажира не принял, только попросил поторопиться.

Молла Бала не обманулся весенней погодой, отказался от предложения сесть за столиком под деревом с набухающими почками, прошел вовнутрь. В кафе никого не было. Сел за один из столиков. Подошел мальчик, принял заказ. Сказал, что, кроме кебаба, ничего нет. Молла Бала не отказался от солений и зелени, выставленных на столе. Не дожидаясь кебаба, начал есть холодные закуски. Наевшись досыта, пришел в себя. Доставая платок из кармана, наткнулся на письмо. Оно оказалось наполовину надорванным. И тут бес стал ему нашептывать: «Интересно, что пишет эта ненормальная старуха? Конверт все равно открыт... Жаль, что не могу прочесть эти буквы...» Вдруг что-то надумав, он подозвал обслуживавшего его мальчика. Тот подошел.

– Я без очков, сынок, прочти-ка мне эту бумагу вслух, – сказал он.

Протянул письмо мальчику. Мальчик начал читать. На середине письма молла Бала вскочил на ноги. Выхватил письмо у мальчика, пораженного прочитанным, возбужденно сказал:

– Сколько я должен, побыстрее, я тороплюсь...

– Но ведь кебаб еще не готов!

– Ничего, включи и его в счет, поторопись.

Рассчитавшись, молла, еще сильнее прихрамывая, вышел на улицу. Рухнул на переднее сиденье машины. У шофера сразу пропал сон при виде до того спокойного пассажира в таком состоянии. Он не успел и рта раскрыть, как молла резко сказал:

– Быстро вези меня в Сумгаит. Один «ширван» даю сверху...

Всю дорогу шофера беспокоило невразумительное бормотание пассажира, но он ничего не понял. Молла Бала шептал: «Оказывается, дервиш обманывал меня... Как только приведу в порядок документы, надо возвращаться».

XXV

После того, как закатилась звезда советской власти, были вскорости остановлены и заводы, на дым и запах которых в свое время жаловались все. Сумгаит задышал легко. Но городские жители, у которых теперь не было ничего, кроме свежего воздуха, по неблагодарности своей не понимали нынешнего счастья. Лишенные работы люди с трудом, кто как мог, зарабатывали на жизнь.

В отличие от братьев-близнецов Аби с науками был не в ладах. Он и институт бросил на полпути.

Отправился в Сумгаит, работал на стройке. Жил, как барин. Падение советской власти никак не отразилось на его достатке. Он был каменщиком, мог и малярную работу делать, а как сварщик вообще прославился. Одним словом, мастером был и жил неплохо. Сыновья его служили в армии. Зная жизнь солдатскую, он часто навещался к ним. Не жалел им денег ни на еду, ни на расходы. Всякий раз, приезжая в часть, не оставлял без внимания и командиров. Знал, что офицер с пустым желудком хуже армянина, так что и детям может не поздоровиться.

Характером Аби пошел в Эхсан-баба. Безразличие к богатству, наживе, казалось, передалось ему с кровью. Удовольствия от городской жизни он не получал, мечтал вернуться в родное село. При случае говорил, что вот поставит детей на ноги и вернется.

Заслужил имя мастера. Если другие день-деньской искали работу, работа находила его сама. Из-за оплаты никогда не воевал. Видя же, как он работает, никому и в голову не приходило урезать ему заработанное. После Новруз-байрама получил он большой заказ. С такой работой самому было не справиться. На рынке рабсилы подобрал себе двух знакомых каменщиков. Те охотно согласились. Аби – человек прибыльный.

Сегодня он сдал работу заказчику. Ближе к вечеру, усталый, возвращался домой. Вставив ключ в замок, заметил, что дверь открыта. Чуть с ума не со-

шел. Жена в это время обычно на работе. Бросился в дом и из прихожей закричал:

– Кто здесь?!

Из кухни послышался звон посуды, выглянула Гюльбахар в фартуке.

– Я с веранды увидела, что ты идешь, вот и оставила дверь открытой, – сказала она. – Не шуми.

Аби успокоился, поспешил на кухню.

– Что случилось? Все в порядке?

– Все в порядке, – мягко ответила Гюльбахар, и родинка над губой дрогнула. – Переодевался бы уже...

Аби вышел из себя:

– А почему ты дома?!

Гюльбахар подошла к печке на звук чайника и проворчала:

– Странный человек! – и, обернувшись, пояснила. – Что с того, что дома? Голова болит, вот и не пошла в школу. У меня всего два урока во второй смене. Я позвонила, сказали, что-нибудь придумаем... Переодевайся, я несу обед...

Аби прошел в ванную, переоделся, помылся и прошел на кухню за уже накрытый стол. Торопливо поел. Знал, что жена еще не сказала, почему осталась дома. Она всегда переходила к делу лишь после того, как накормит и напоит Аби. За восемнадцать лет совместной жизни он уже изучил характер Гюльбахар. Это была не жена, а сокровище. Кого угодно могла

покорить своим терпением. Считались с ней и как с педагогом в школе, где она работала.

Аби залпом проглотил чай и повернулся к жене:

– Ну?

Гюльбахар больше не заставила его ждать:

– Из района пришло письмо...

– Что пишут? – нетерпеливо спросил Аби, медлительность жены его рассердила. – Честное слово, у тебя терпение слона! Ну, говори же, наконец...

Гюльбахар такое сравнение обидело.

– Слона из меня сделал! – сказала она. – У меня здесь сердце разрывается, а ты обижаешь. Все тебе нипочем. Оставил старика со старухой в горах...

Аби нахмурился:

– Не мои ли это мать с отцом? Чего же ты слезы льешь? Тоскуешь по вражде невестки со свекровью?

Гюльбахар вытерла слезы краем фартука и сказала:

– Ради Аллаха, прекрати! Кто у меня есть?! Они мне тоже, как отец и мать? Во всем виноват ты. За эти годы всего два-три раза свозил меня в село. Боже мой, да Гиля-нене так ухаживала за мной, не знала, куда усадить, чем накормить. А ты, как лед...

Отяжелевший после еды Аби лениво потер лысеющую голову и тихо попросил:

– Жена, ради всего святого, короче, что пишут старики?

– Гиля-нене пишет, что ослица Эхсан-баба родила двух ослят...– проговорила Гюльбахар, всхлипнула, и слезы покатались из глаз.

Аби не на шутку обеспокоило состояние жены.

– Да не плачь ты! – сказал он.– Ну, родила ослица и родила! Чего плакать-то? Верно, ослица немного дряхлая. Но это дело природы...

Гюльбахар не смогла сдержаться:

– Аби, у тебя каменное сердце! Все вы преспокойно живете в городе, а их к себе не забираете. Они же вон что пишут от горя! Бедная Гиля-нене! Пишет: приезжайте, один из ослят золотой, другой – серебряный.

Глаза Аби полезли на лоб:

– Что ты говоришь? С ума сошла? Разве бывают ослы из металла?

Гюльбахар вытащила письмо из-за пазухи:

– Не веришь? Читай сам! Не потемнеет ли у тебя в глазах?

Аби взял письмо и приложил палец к губам:

– Молчи, жена, тише говори! Дом панельный, слышат соседи... Засмеют...

Гюльбахар понизила голос, шепотом проговорила:

– И Гамар звонила. Они тоже получили письмо. Что на это скажешь? Кажется, они собираются в село...

Аби молча развернул письмо. Прочел, потом перечитал еще раз, расстроился: «Бедная моя мама, помешалась от одиночества! Вай-вай! А кто виноват? Сколько раз хотел привезти их к себе, так не соглашаются ведь! Прошлым летом сколько умолял их, все напрасно...» Он надолго задумался. Наконец, поднял голову:

– Говоришь, Джуму собирается в село?

Гюльбахар кивнула:

– Не знаешь жену брата, что ли? Наш пострел везде поспел! Честное слово, если ослята и правда из золота и серебра, то пока мы доберемся до села, их и след простынет благодаря Гамар!

Жена говорила с таким жаром, что Аби рассмеялся:

– Наивная ты женщина! Так рассуждаешь, как будто то, что ослята из золота и серебра, – правда...

Брови Гюльбахар взметнулись вверх, она покраснела от стыда:

– Когда речь заходит о Гамар, у меня мысли путаются! Я настолько не переношу ее, что стоит услышать ее имя, как сердце полнится змеями и лягушками...

Аби это знал. Осмотрел конверт со всех сторон:

– А где почтовая печать?

– Нарочным передали.

– Кто это был? Не узнала?

Гюльбахар пожала плечами:

– Какой-то бородатый мужчина. Спросила, как зовут. Сказал, что называют его молла Бала, но я не молла, брат Аби его знает.

Аби улыбнулся:

– Да это тот иранец! Летом я видел его в селе. Станный человек, не пойму, что потерял он в тех горах.

Гюльбахар недоверчиво сказала:

– Никакой он не иранец. Говорил так же, как ты. Талыш он...

– А еще педагог с высшим образованием! – поддел ее Аби. – В Иране мало талышей, что ли? – И тут же поинтересовался. – А как дороги? Проехать можно? Не спросила?

– Расспросить не было возможности. Спешил он. Из сказанного им поняла лишь то, что мост в селе унесло селом...

Аби резко поднялся:

– Что ты говоришь?! Если мост разрушен, в село попасть будет трудно. Весной лучше не видеть бушующую Алашаны...

Гюльбахар пыталась вспомнить дорогу в село, в котором была несколько раз:

– А другой дороги в село нет?

– Нет, – вздохнул Аби. – Идти в село из райцентра горными дорогами опасно. Заблудиться можно. И потом не каждый пройдет через те горы! Жаль, мост снесло! Это память была нашего рода...

– Мост построил Эхсан-баба? – удивилась Гюльбахар.

– Знаешь, жена, – воодушевился Аби, – земли и по ту, и по эту сторону реки принадлежали моему деду. И мост всегда строился за его счет. В советское время, когда заново возводили мост, использовали балки от тамошних дедовских сараев. Эхсан-баба рассказывал, что те двенадцатиметровые балки были из железного дерева. Говорил, что сам он на буйволах поднимал их на холм, потому и выдержал мост семьдесят лет. Железное дерево не гниет... Не напрасно мост назвали Гадапард!

Гюльбахар не поняла:

– И что за имя такое?

– А то, что имя моего четвертого деда было Гадамерд. И мост связан с его именем...

– А... – вспомнила Гюльбахар. – Поэтому ты всегда говорил, что мост опять заставят нас строить. Но ведь это не шутка – мост построить?!

Аби рассмеялся:

– Э, да что там его строить. Три пятнадцатиметровые бетонные панели, немного металла, пару тонн цемента, один сварочный аппарат, один подъемный кран...

– Аби, – сказала Гюльбахар, – это дело государства, к тебе отношения не имеет...

Аби покачал головой, дивясь ее простодушию:

– В селе том, может, и двадцати домов не наберется! Больно нужны такие села государству! Во времена колхозов еще что-то делалось, а сейчас кому они нужны! Молодые бегут из села, остаются одни беспомощные старики. Нет, я сам должен этим заняться. Доставай-ка деньги, что в доме есть.

Гюльбахар не шевельнулась.

– Аби, вот ты всегда так. Дети вернутся из армии, что тогда делать будем? – недовольно сказала она. – Сколько лет едешь в село, старикам помогаешь. А братья твои никогда. Только на готовенькое. Один ты тратишься.

– Ну, хватит, хватит, – сказал Аби. – А кому же тратиться? Джуму жадный, а Джамо живет на зарплату. Конечно, он большой ученый, с именем, но карманы его пусты. Я же всегда хорошо зарабатывал. И в советское время, и сейчас. Давай вставай, не жмись, даст Бог, еще заработаем.

XXVI

Гюляр следила за тем, как заносили в дом мебель. Приданому ее не было ни конца, ни края. Работали, обливаясь потом, несколько грузчиков. Поднимались – спускались. После того, как расставили все по местам, Гюляр расплатилась с ними и проводила. Когда же соседки закончили помогать с занавеся-

ми и коврами и тоже ушли, она, наконец, спокойно вздохнула. Комнаты были готовы к приему гостей. Два дня она на ногах, покоя не знает, однако усталости не чувствует. Душа ее умиротворена. Несмотря на недовольство матери, Гюляр помирилась с Джамо. Отец, как всегда, был на ее стороне. Говорил: старайся, доченька, не делать в жизни ошибок, Джамо неплохой человек, живите в мире.

Мать от злости даже не вышла проводить ее, но и это не смогло испортить Гюляр настроения. Сейчас она, напевая что-то себе под нос, ходила по комнатам, получая удовольствие от чистоты и порядка. Заметив на зеркале пятно, опустила руку в карман халата за тряпкой. Пальцы нащупали конверт, и она выложила его на стол. Мужчина какой-то принес. Она была так занята, что толком не разглядела его лица.

Джамо еще утром ушел из дома. Периодически звонит, спрашивает у Гюляр, как идут дела. И всякий раз интересуется, нужна ли помощь. В конце концов, Гюляр это надоело, и она сказала, что помощь его не нужна, пусть лучше не мешает. Джамо обиделся и уже несколько часов не звонит. Гюляр устала ждать. И письмо не давало покоя. Она знала, что читать чужие письма неприлично, но найти себе оправдание не составило труда.

– Почему это оно чужое? Разве не муж он мне? – пробормотала она.

Чтение письма не отняло много времени. А вот сумасшедший смех Гюляр звучал долго. Никогда еще она так не веселилась. Хохотала, давилась, захлебывалась смехом и никак не могла остановиться. «Везет же Джамо, – думала она. – С одной стороны, поездка в Париж, с другой, публикация книги, гонорар, а теперь еще у отца его один осленок золотой, другой – серебряный, определенно везет! Ах, Джамо-муаллим!»

Она не могла простить мужу года раздельной жизни. Хотя и помирились они, но в сердце ее все еще жила обида.

Джамо-муаллим пришел ближе к вечеру. Переодеваясь, отчитался перед женой. Стало ясно, что время он провел плодотворно. Сделал все для того, чтобы, мобилизовав руководство института, организовать на уровне приезд французского профессора. Оставалось только отправиться в аэропорт.

Джамо-муаллим был в восторге от работы, проделанной Гюляр. Долго расхваливал опрятность комнат, но его смущала чрезмерная веселость жены. Скрывая недоумение, он поблагодарил Гюляр и сказал:

– Ты просто огонь!

Покосившись на него, Гюляр протянула ему конверт:

– Сегодня принесли, из села.

Радость Джамо тут же пропала:

– Я совсем забыл о них, вот уже сколько месяцев...
Что пишут?

– Я не вскрываю твою почту, – сказала она. – Читай сам, посмотрим, что пишут.

Джамо посмотрел на часы:

– Нет, должен ехать, скоро самолет приземлится.
Прочту по дороге.

– Ты на своей машине едешь? – торопливо спросила Гюляр.

– О чем ты говоришь, – ответил уже в дверях Джамо. – Мою машину стыдно на люди вывести. Ректор предоставил в мое распоряжение собственный джип с личным шофером.

XXVII

Когда приехал он в аэропорт, самолет уже приземлился. Аэропорт бурлил. Встречающих было больше пассажиров. Ступить было некуда. Джамо долго прождал на выходе, пока не увидел раздвоенную бородку месье Мореля. Мадемуазель Жанет была в ярком платье, а профессор, как всегда, был одет старомодно. Расталкивая людей, Джамо двинулся к гостям. Девушке преподнес букет цветов, а с профессором обнялся, как со старым другом. Ничего, как поприветствовать их избитой фразой, на ум не пришло.

– Месье! Мадемуазель! Добро пожаловать в древний Баку!

Профессор взял его под руку и, поправляя очки, сказал:

– Месье Джам, я знал, что Баку – древний восточный город, – борода его задрожала от изумления. – Но здесь Европа. И аэропорт самый современный. Пусть маленький, но неплохой.

На эту похвалу Джамо улыбнулся больше из гостеприимства. Не успел ответить, как мадемуазель Жанет вставила словечко:

– Ооо! Месье Джам, оказывается, вы умеете улыбаться, а то в Париже вы все время хмурились.

Ответ на это замечание Джамо решил оставить на потом. Он знал, что багаж свой гости скоро не получат, придется подождать. Мадемуазель обратила его внимание на идущего сзади человека, подозвала и представила:

– Месье Джам, это месье Жан. Парижский журналист. Будет работать в Баку. К тому же он друг нашей семьи. Думаю, вы подружитесь. Он знает вас заочно. Я много рассказывала ему о вас.

Джамо кивнул головой. Сказал несколько приятных слов и больше уже времени на него не тратил. Повернулся к профессору, и до прибытия багажа они беседовали о лекциях месье Мореля, о новых научных журналах, издающихся в Париже. Жанет, не любившая серьезных разговоров, в нескольких ша-

гах от них болтала с Жаном. Эта француженка хоть и напоминала глянцевою статуэтку, но Всевышний создал ее не в лучший день, ибо девушка эта была лишена какой бы то ни было красоты, зато веселость ее восхищала всех. Она все замечала, всем интересовалась. И сейчас, оборвав Жана на полуслове, она обратилась к Джамо:

– Месье Джам, слушая ваш академический французский, я расстраиваюсь.

Джамо, зная ее лукавство, осторожно спросил:

– Что конкретно вас расстраивает, мадемуазель?

Переглянувшись с Жаном, она сладким голоском проговорила:

– Меня расстраивает моя вульгарная речь! Я завидую вашей речи.

Джамо также осторожно вернул камешек, брошенный в его огород.

– Мадемуазель, у вас очень богатый язык, и каждый может выбрать манеру говорить соответственно своей натуре, – сказал он. – Не надо мне завидовать, просто о науке невозможно говорить вульгарным языком.

Однако Жанет не сдавалась:

– Это так, месье, но вы не чувствуете, что отстали на целый век. Если признаете развитие языка, немного вульгарности ему не повредит.

Журналист Жан захлопал в ладоши в ее поддержку. Достав блокнот, что-то отметил в нем. Профессор

же солидарности с ней не проявил, напротив, он защищал Джамо:

– Дорогая, постоянные исследования месье Джама в области французского языка имеют большое научное значение. И даже если бы он не говорил так по-французски, ему нельзя было бы поставить это в укор.

Прибытие багажа прервало разговор. Джамо сразу подозвал грузчика. Багаж погрузили. Джамо пошел перед тележкой, указывая дорогу. Подошли к машине на стоянке. С помощью шофера грузчик разместил багаж в джипе. Жан, багаж которого составляла одна сумка, отходя от них, стал прощаться:

– Месье Джам, рад был познакомиться. Надеюсь, еще увидимся.

Джамо протянул ему из кармана свою визитку.

– Будет нужна помощь, обращайтесь. Всегда готов помочь.

Журналист поблагодарил его и, обращаясь к Жанет и профессору, уже сидевшим в машине, сказал:

– Буду держать с вами связь.

Глядя вслед удалявшемуся журналисту, Джамо сел в машину. Джип тронулся с места. Сидевший рядом с шофером Джамо то и дело поворачивался к гостям, рассказывая им о Баку. Семидесятилетний профессор устал с дороги и под мягкое покачивание удобного автомобиля задремал. Девушка-французенка говорила без умолку. Джамо достал сигареты

и вспомнил о письме в кармане, которое все еще не прочитал. Он распечатал конверт. Удивился, что бумага надорвалась с трудом, как будто письмо было заново заклеено. «Наверняка, работа Гюляр, – подумал он. – Не оставляет своих старых привычек». Он попросил прощения у Жанет, восторгавшейся красотою Баку.

– Прошу прощения, я получил письмо и еще не прочитал его, так что с вашего позволения..., – сказал он и, не дожидаясь ответа девушки, стал читать. Через несколько минут он громко рассмеялся, никак не мог удержаться.

– Хоо, хо, хо, – хохотал он.

Шофер привык работать с людьми на должностях. Ни в какие их дела не вмешивался. Но от хмурого ученого он такого не ожидал. Покосился на него и снова стал смотреть на дорогу. И гости опешили. За все время их знакомства губы его едва трогала улыбка, но чтобы он вот так давился от смеха – такое они видели впервые. Дремоту профессора как рукой сняло, он хотел что-то сказать, но Жанет не дала ему такой возможности:

– О, месье Джам, я вас поздравляю.

Джамо вытер мокрые от слез глаза. Привыкший уже к шуткам француженки, он спросил:

– С чем же, госпожа?

– С хорошими новостями, месье, – сказала она, сверкнув в улыбке мелкими зубами. – Что пишут в письме?

– Ничего особенного, пустое, – ответил Джамо, не желая об этом говорить.

Но Жанет не отставала:

– Месье Джам, если не секрет, скажите же, что там?

Джамо медлил. Лгать он не мог, а сказать, как есть, опасался. Под внимательным взглядом профессора он промямлил:

– Мадемуазель, полученное письмо – от моих родителей. Пишут, что наша престарелая ослица родила близнецов, – и он снова рассмеялся.

Жанет улыбнулась только из вежливости. Ничего смешного в этой новости она не находила. Профессор же, подрагивая бородкой, высказался:

– Гм, гм! Месье. Какие шутники ваши родители, однако!

– Что еще они пишут, месье Джам? – опять спросила Жанет.

Джамо-муаллим, подбирая французские выражения, тихо сказал:

– Пишут, что один осленок золотой, а другой – серебряный...

– Месье, я вас не поняла, – растерялась девушка.

Джамо-муаллим пожал плечами:

– Я, как и вы, мадемуазель, ничего не понимаю, потому и смеюсь.

Жанет достала из сумочки сигарету, зажгла ее зажигалкой и, выпустив дым в окно, заявила:

– Месье, такого не может быть! Это невозможно!

– Согласен, но так написано в письме.

Профессор развеселился, как ребенок.

– Здесь Восток, дочь моя, так что все возможно, – сказал он и обратился к Джамо. – Месье, в каком возрасте ваши родители?

Джамо ответил, как есть:

– Профессор, мать моя молода, а отцу сто тридцать лет.

– Ооо! – Жанет была поражена. – Сто тридцать!

Профессор протер очки и снова водрузил их на большой нос.

– Вот видишь, я же говорил. Разве станет человек в таком возрасте говорить неправду? – довольный, он поднял руку. – Здесь Восток, он полон тайн!

– Хороший материал для газеты, – вдруг сказала Жанет. – Даже если вранье, все равно интересно.

Кровь прилила к лицу Джамо-муаллима.

– О чем вы говорите, ханум, – сказал он. – Прошу вас нигде не повторять услышанного. Весь мир станет над нами смеяться. Это, наверняка, шутка. Видите ли, я давно не был в селе, совсем забыл стариков, а они скучают. Вот и написали такое, чтобы залучить нас к себе.

На лице француженки промелькнула лукавая улыбка, но она промолчала.

Когда они приехали, Джамо с помощью шофера поднял их багаж на четвертый этаж. Звонить не

пришлось, Гюляр видела, как они подъехали, и распахнула настежь двери. Гости прошли в дом, познакомились с Гюляр. Жанет была очарована ею.

– Какая красивая у вас супруга! – сказала она. – Теперь я понимаю, почему вы были так сдержанны в Париже.

Гюляр же при виде француженки совершенно успокоилась. Для ревности не было оснований. И она тотчас любезно взяла под руку Жанет.

– Добро пожаловать! Понравился вам Баку? – сказала она и посмотрела на мужа. – Джамо-муаллим, я верно сказала?

– Неплохо, – ответствовал он. – Но если бы в свое время ты прислушалась ко мне, было бы еще лучше.

Пораженная Жанет посмотрела на отца, противившего очки. Они были крайне удивлены тем, что и Гюляр говорит по-французски.

– Вот тебе и дикий Восток, – невольно сказала она и тут же почувствовала неловкость. – Месье Джам, мы так не думаем. Так говорят простые люди, извините.

Профессор тоже попытался оправдаться:

– В Европе сложилось такое мнение. Это не наша вина.

– Это мы знаем, профессор, – великодушно отозвался Джамо. – Я абсолютно ни в чем не виню мадемуазель. Я знаю, что вы Восток любите, вы – его друг!

Гюляр многого из разговора не поняла, но ее очень задело выражение «дикий Восток». Оставив гостей в прихожей, она молча ушла на кухню. Чтобы как-то смягчить такое ее поведение, Джамо пригласил гостей в комнату. Профессор довольно осматривался, порой поглаживая бородку. Жанет молчала, чтобы опять не допустить оплошности. Занимая гостей, Джамо провел их в библиотеку. Профессор лишился дара речи. Он в волнении несколько раз снял и снова надел очки:

– Ого, месье Джам, какая богатая у вас библиотека! Вы говорили, но я не верил.

Жанет охотно дотрагивалась до книг, просматривая полки. На одной из них она нашла книгу о французском языке и показала профессору:

– Вы искали эту книгу...

Профессор кивнул головой:

– Благодаря профессору Джаму я вовремя получил нужную мне информацию, так что книга уже не понадобилась.

– Все эти книги на французском? – удивилась Жанет. – На всех полках?

– Нет, – пояснил Джамо-муаллим. – Есть на азербайджанском и русском языках. Они на верхних полках.

Джамо-муаллима позвали из кухни, и он извинился перед гостями:

– Я оставляю вас на минуту...

Не заходивший в течение дня на кухню Джамо был поражен изменениями. В ней появилось несколько новых вещей.

– Гюляр-ханум, кажется, ты решила укорениться здесь раз и навсегда? – пошутил он. – Видимо, больше не собираешься бежать отсюда?

Гюляр тоже поддела его в ответ:

– Я же не могла оставить тебя с этой французенкой! Как бы беды не вышло, Джамо-муаллим.

Джамо продолжал задирать ее:

– По-моему, причина в другом...

Гюляр, как ребенок, радовалась шутливой разговорчивости Джамо:

– Что еще ты обнаружил?

Джамо вынул из кармана конверт.

– Читала? – спросил он и с наигранным гневом топнул ногой. – Признавайся! Я и сам знаю. Конверт был заклеен заново.

Гюляр стала оправдываться:

– Не читала. Я чужих писем не трогаю.

Джамо покачал головой:

– Гюляр-ханум, не похоже, чтобы ты оставила свои старые проделки. Читала ведь!

Гюляр вдруг рассмеялась:

– Даже если и читала. Что с того? Разве я не имею права прочесть письмо родной свекрови?!

Довольный Джамо поддел ее:

– Ага, и поэтому ты решила переехать сюда со всем своим скарбом!

Гюляр в долгу не осталась:

– А ты как думал? Кто откажется от пары ценных ослят?

Так, перешучиваясь, они накрыли на стол. После того, как расставили на столе угощение, пригласили гостей. Отведав блюда восточной кухни, гости отдыхали в креслах, попивая кофе.

– Месье Джам, – обеспокоенно сказал профессор, – если вы хотите навестить родителей, поезжайте. О нас не беспокойтесь. Мы погуляем по городу с вашей прекрасной супругой.

Джамо улыбнулся:

– Месье, мои родители живут далеко. Чтобы проведать их, мне нужно три дня.

– Жаль, что мы не вовремя, – с сожалением сказал профессор. – Постараемся сделать так, чтобы визит наш не затянулся.

Джамо их успокоил.

– Не стоит беспокоиться, – сказал он и занялся с профессором обсуждением расписания их пребывания. Они уточнили, какие будут прочитаны лекции, заключены договоры между двумя высшими школами. В конце поговорили о торжестве по случаю вручения профессору почетного докторского диплома. Между делом Джамо отметил:

– Мы заказали вам места в гостинице. Но если захотите, можете оставаться у нас.

Несмотря на недовольство Жанет, профессор выбрал гостиницу. Француженка капризно сказала:

– Но с одним условием, месье Джам.

Джамо, довольный тем, что вышло не по ее, сказал:

– Прошу, мадемуазель.

– Мы будем пользоваться вашим гостеприимством всю нашу поездку, только спать станем в гостинице.

Хозяева согласно улыбались. После Гюляр спросила:

– А в село ты не поедешь?

Джамо задумчиво отвечал:

– Я же не оставлю гостей одних. Поедем через неделю.

Гюляр вдруг сказала:

– Было бы хорошо, если бы ты и их взял с собой!

Джамо возмутился:

– О чем ты говоришь? Знаешь, во сколько нам это обойдется?

Гюляр улыбнулась:

– Хватит жадничать. С помощью этого иностранца ты опубликовал книгу, заработал кучу денег. Так чего кипятишься? – она от души рассмеялась. – Я еще не говорю об ослятах – золотом и серебряном. Тебе ведь тоже что-то причитается, не так ли? Ха-ха-ха.

Джамо смеялся вместе с Гюляр. Их веселость заинтересовала профессора.

– Месье, если не секрет, о чем речь? – спросил он.

Джамо передал им разговор с женой, как есть. Губы мадемуазель Жанет расплылись в улыбке.

– Я бы с удовольствием поехала, – радостно заявила она.

Профессор тоже был согласен.

– Было бы неплохо, – сказал он. – Но все зависит от вас.

Джамо попытался отговорить их:

– Профессор, село наше в горах. Поездка туда утомит вас. И дороги у нас плохие.

Но Жанет уверила его:

– Месье Джам, об отце не беспокойтесь. Он тоже из провинции. Трудностей не боится.

Джамо пришлось смириться с предстоящими расходами.

– Что поделаешь, – сказал он. – Я согласен. Закончим дела и отправимся в путь.

Жанет как-то странно поинтересовалась:

– Месье Джам, из какого вы района? Как называется ваше село? Дайте хоть немного информации. Мы ведь почти ничего о вас не знаем.

Джамо удовлетворил ее любопытство. И если бы Гюляр не остановила его, он бы еще долго и охотно рассказывал гостям о родном селе.

– Джамо-муаллим, ты бы показал гостям город, а я пока спокойно приготавливаю ужин.

XXVIII

Несколько месяцев назад Атахан-муаллим оставил работу в министерстве. От радости он не чувял под собою ног. Его назначили главой исполнительной власти. Эта должность в далеком горном районе его буквально манила, притягивала. Родом он был из этих мест, но на должность эту назначен был с помощью родственников жены. Так посоветовали ему братья жены. Сказали: если вытерпишь один год, сдерживая свои аппетиты, не станешь вмешиваться в интриги, тебе готово место в столице...

Теперь, ради дела, он приговорил себя к бездействию. Обдумывал каждый шаг. Днями не выходил из кабинета. Давал задание и проверял его исполнение. Не трогал кадры, перешедшие по наследству от прежнего главы. Каждый дрожал за свое место, так что люди вздохнули посвободнее. Атахан-муаллим считал дни, но времени понапрасну не тратил. Собираал сведения о районных чиновниках. Те, чье рыльце было в пушку, приходили в ужас. Однако гром хоть и гремел, молнии пока не сверкали.

Атахан-муаллим вырос в бедной семье, но человеком был гордым и самонадеянным. Он улыбался,

шутил, веселился, но изнутри его распирало желание занять высокую должность. Когда выпал такой шанс, он своего не упустил. Тогда он еще учился в институте. Неожиданно женился. Девушка та была первокурсницей. Узнав, какого она роду-племени, Атахан медлить не стал. Правда, девушка была некрасивой и кривой к тому же, один глаз ее смотрел на Аладаг, другой – на Гарадаг. Избранница его никак не подходила видному, выделяющемуся среди сверстников молодому человеку, что и явилось причиной постоянных насмешек над ним. Шуткам и колкостям со стороны товарищей не было конца, только Джамо относился к Атахану по-прежнему. Они жили в одной комнате общежития. Джамо, погруженный в книги, успокаивал Атахана. Не принимая жизненных целей друга, он, тем не менее, и не осуждал его. Скоро Атахан из общежития переехал. Тесть купил молодым квартиру.

Женитьба на дочери помощника министра открывала перед Атаханом большие возможности. И после института он резво одолевал должностные ступени. Мечты сбывались. Хотя и был он чванливым, но некая чуткость в нем еще сохранялась, и он бывало порой, помогал своим бывшим товарищам по институту, обращавшимся к нему за помощью. Однако особого сближения с ними не позволял себе. Дружбу поддерживал только с Джамо, который поддерживал его в тяжелые времена. Было время, когда

дела Джамо оставляли желать лучшего. Статьи его печатались в иностранных журналах, и его прижали спецслужбы. И если бы в дело не вмешался тесть Атахана, кто знает, чем бы все это кончилось.

Атахан-муаллим семью свою в район не привез. Не стоило отрывать жену и детей от дел. Он поддерживал со столицей связь, издалека заботился о семье. В последнее время работы было выше головы. После снежной зимы пришла дождливая весна. Проблемы горного района не кончались. О просьбе Джамо он вспомнил лишь через несколько дней. Почувствовал себя неловко. Быстро вызвал секретаря. Не довольствуясь полученной от него информацией, расспросил заместителей, но и их ответами был недоволен. Оставшись один, проворчал себе под нос:

– По сравнению с ними я вообще ангел! Ну и работники!

Неспешно вышел из кабинета. Сел в стоящую наготове во дворе машину. Лица выглядывавших в окна замов повытягивались. Поездка главы без предупреждения ничего хорошего не предвещала.

Обернувшись, шофер спросил:

– Куда едем, Атахан-муаллим?

Водитель знал район наизусть. Услышав название села, растерялся. Пожилой шофер работал со многими секретарями райкома, с двумя главами районной власти, и никогда еще нога первого лица района не ступала в то село.

– Атахан-муаллим, – тихо сказал он, – в то село машине не проехать, надо идти пешком...

– Слышал... Давай поехали! В поселковом совете возьмем лошадей или ослов, на них и отправимся.

Водитель завел мотор, но не двинулся с места:

– Там тоже дороги размыты! Сель прошел... Если не так важно...

Глава его перебил:

– Важно! Я должен проведать Эхсан-баба...

Услышав имя Эхсан-баба, водитель улыбнулся:

– Да что с ним станется?! Сто тридцать лет уже прожил, есть предположение, что проживет еще столько же... Вот земля подсохнет, и поедете...

Терпение Атахан-муаллима иссякло:

– Ты – человек, многое повидавший в этом мире, а такое говоришь?! Почему вы все так безразличны друг к другу?! Эхсан-баба – самый старый житель республики. А глава района понятия не имеет, жив он или умер. Ужас! Да одного его имени достаточно для всего района! А вы...

Шофер хоть и не считал себя виноватым, смутился. Стянул кепку с седой головы и положил рядом. Не дожидаясь приказа сидящего сзади главы, завел мотор и поехал. Атахан-муаллим осторожно спросил:

– Чья это территория?

– Джуда Баги...

Через несколько километров машина съехала с асфальтированной дороги и направилась к центру сельсовета, качаясь и кренясь на рытвинах и ухабах.

Атахан-муаллим вспоминал собранную информацию о Джуда Баги. Пару раз видел он этого мужчину у себя на приеме. Все еще носивший брюки-галифе, хромовые сапоги, широкий солдатский ремень, он видом своим напоминал пятидесятые годы. Джуда Баги машине предпочитал коня. Долгое время работал председателем сельского совета. Сколько секретарей райкома сменилось, но в нем было что-то такое, что никто не мог сдвинуть его с этого места. Он и сейчас был местным представителем главы. Как только Джуда Баги раскрыл рот, Атахан-муаллим понял, что этот кадр на своем месте. Не уразумевший этого прежний глава вначале снял его с должности, но в скором времени вынужден был восстановить. Джуда Баги был дипломатом от рождения. Попусту языком не молот, а если уж говорил, то переговорить его было невозможно. У него были глубоко прячущиеся голубые глаза, густые брови, громкий и невыразительный голос. В разговоре невозможно было понять, правду он говорит или лжет, в шутку или всерьез.

Не прошло и четырех часов, как черная «Волга ГАЗ-31» главы района остановилась у местного представительства.

– Кажется, у Джуда Баги гости, – сказал шофер Атахан-муаллиму, показывая на стоящий под деревом «УАЗ».

Джуда Баги чистил гнедого коня, привязанного к перилам. Он был не один. Однако, беседуя с тремя окружившими его мужчинами, занятия своего не прерывал. Он только приехал. Гнедой, как и машина главы, был весь в грязи. Джуда Баги обернулся на шум. Вытер об себя руки и поспешил встречать главу. Приезд Атахан-муаллима вызвал замешательство среди собеседников Джуда Баги. Они не привыкли видеть главу районной власти в селах. Это были районные чиновники. Подойти к главе им не хватило смелости. Поздоровались издалека. С завистью смотрели, как уверенно здоровается с ним Джуда Баги. Вышедший из машины глава поддел Джуда Баги:

– Разве должность твоя скрести лошадей?

Джуда Баги не оставил без ответа слова главы. Поздоровавшись с шофером, как-то неопределенно качнув головой, он сказал:

– Отчего же, Атахан-муаллим, все знают, иногда забавы ради я и длинноухих чищу да скребу...

Атахан-муаллим, окинув взглядом огород, в который брошен был камень, улыбнулся:

– А и правда, кто это?! Похоже на работников района, – предположил он.

Джуда Баги кивнул:

– Так и есть! Один – из управления энергоснабжения, другой – из налогового, третий – из районного муниципалитета...

– И что хотят?

Джуда Баги не стал скрывать недовольства:

– Да вроде ничего! Просто крови моей попортить! Один хочет денег за свет, которого нет. Другому нужен список людей, которых надо привлечь к налоговой ответственности. Муниципалитет же приехал взять свое за аренду земли. Была зима, их было не видать. А теперь пришла весна, вот они все и объявились! Посадить бы таких вот на осла да колючку под хвост и – вниз с горы!

Услышав, о чем речь, чиновники засуетились. Не показывая недовольства, попросили разрешения уехать. Атахан-муаллим пожал плечами, давая тем самым понять, что в них нужды нет. Чиновники погрузились в «УАЗ» под деревом и сразу тронулись в путь. Глава взял под руку Джуда Баги и с улыбкой сказал:

– Ну, раз ты так поднаторел в конях да ослах, нашел бы мне хорошего осла.

Джуда Баги внимательно посмотрел на главу. Улыбка на лице Атахан-муаллима его успокоила:

– Зачем тебе осел, Атахан-муаллим?

– Поеду верхом...

Брови Джуда Баги поползли на лоб, показались голубые глазки.

– Не делайте нас посмешищем перед народом, Атахан-муаллим, – сказал он. – Коней нет у нас, что ли? У меня два прекрасных жеребца, оба, считайте, – ваши.

Атахан-муаллим от души рассмеялся:

– Храни Аллах твой дом, ты что, хочешь, чтобы я себе руки-ноги переломал? – сказал он. – На коня садись сам, а мне найди осла.

– И куда мы поедем?

– К Эхсан-баба, – Атахан-муаллим протер влажневшие от смеха глаза. – Или и ты не знаешь Эхсан-баба?

Узнав о цели главы, Джуда Баги растерялся:

– Как это не знаю?! Эхсан-баба – этих гор аксакал, друг моего покойного отца. Я часто проводываю его. После болезни он сдал немного, но для лет своих крепок. На прошлой неделе должен был съездить к нему, так мост проклятый снесло. Теперь дорога закрыта. Алаша-чай так разошлась, что никак не вмещается в берега.

Глава помрачнел:

– Мост разрушен? В район сообщил об этом?

Джуда Баги, глядя в сторону, тихо отвечал:

– Нет, в район не сообщал.

Глава строго:

– Почему? – и приятное лицо его посерело.

Джуда Баги начал осторожным, невыразительным голосом:

– Атахан-муаллим, из опыта своего знаю, что толку нет от того, что сообщаю я об этом в район. Никто ведь не приедет из района строить для нас мост. Я много раз давал информацию в район, но результата нет. Даже, когда землетрясение порушило дома людей, я сразу сообщил. И что в итоге? Ничего... Град побил зерно, сколько семей осталось без еды, а кто пришел, помог? Никто. Сель унес всех овец наших, тут же информировал район. Нашелся ли кто-то, кто протянул бы людям руку помощи? Нет! Сами кое-как выходим из положения... Теперь вот мост снесло, что поделать, исправим, чего бы не стоило. Нужны пятнадцатиметровые столбы, привезли из леса. К завтрашнему дню обтешем, восстановим мост. Не стоит беспокоиться, Атахан-муаллим.

Глава знал, что Джуда Баги прав, и мягко сказал:

– Я, Баги-киши, дружу с сыном Эхсан-баба, Джамо. На днях он позвонил, спрашивал об отце. И я дал ему слово. Теперь должен провести Эхсан-баба, не то окажусь лгуном в глазах Джамо-муаллима.

Джуда Баги его заверил:

– Не стоит беспокоиться. Вы возвращайтесь в район, а к вечеру у вас уже будут сведения об Эхсан-баба... Я все равно должен перебраться на ту сторону, чтобы собрать к мосту народ.

Направляясь к машине, глава поддел его:

– Расправишь крылья и перелетишь через реку?

Джуда Баги уверенно:

– Будет нужно, и крылья расправлю, – а потом добавил. – Атахан-муаллим, а что делать мне с этими из района, любителями приезжать на готовенькое? Мучают людей, едва потеплеет, тут же являются, держат, как в плену.

Глава сел в машину. С насмешкой сказал ожидавшему от него ответа Джуда Баги:

– Баги-киши, слышал я, ты – мастер на все руки, и рот кому надо заткнуть можешь. Чего же жалуешься? Не стыдно? – он рассмеялся и, повернувшись к шоферу, сказал: «Трогай!»

XXIX

Перед сельским муниципалитетом собрались четыре-пять человек. Появление на площади Джуда Баги всех обрадовало. Люди предположили, что мост исправен, но скоро были расстроены. Стало ясно, что Джуда Баги реку перешел вброд и с большим трудом. Знаменитый конь его весь был изранен. А сам Джуда Баги похож стал на ощипанного цыпленка. Он жалел о слове, данном главе. Чувалом скатился с лошади. Одному из молодых людей сказал:

– Выгуляй коня, сынок, весь мокрый, бедняга.

Поздоровался с людьми. Перекинувшись о том о сем, присел на принесенный табурет. Известный

своей речистостью Ходжат-киши сидел на земле, прислонившись к стволу дерева, с горечью сказал:

– Эх, власть, безбожники к звездам да луне летают, а ты один мост поставить не можешь. Сколько дней уже дороги перекрыты, мер не принимаешь!

Джуда Баги терпеть не мог подстрекателей. И в том, как посадить их на место, опыта у него было предостаточно. Но страх, испытанный им при переправе, ледяная вода вывели его из себя.

– Сидя у жаркой печи, отчего же не давать советов! – сказал он. – Хватит духу – полезай и ты в ледяную воду. Отведай и ты удовольствия мост возводить! И потом у вас есть муниципалитет, занялся бы делом, давно бы мост стоял.

Ходжат опять не удержался:

– А разве муниципалитет выбирался для того, чтобы в воду лезть? Мы его бережем...

Он хотел еще что-то добавить, но Исми-киши, ростом с минарет, сердито выговорил ему:

– Замолчи ты, ведь сюда не ласы с тобой точить приехали! – и обратился к Джуда Баги. – Люди не виноваты, председатель, что делать? Без моста дела не идут, ни уехать, ни приехать, сидим в своих горах, как совы. Так какие меры ваши?

Джуда Баги провел рукой по одежде, от которой под солнцем начал исходить пар.

– Я все подготовил, – сказал он. – Нашел пять-шесть длинных столбов. Доски есть, завтра можно начинать...

С трудом проглотивший шутку Ходжата Хезер спросил:

– Как переправился через Алашу? Не испугался? Джуда Баги нехотя отвечал:

– Не напоминай! Сель чуть не унес меня вместе с конем. Аллах пожалел.

Ходжет никак не успокаивался:

– Эй, власть, а как же обратно возвращаться будешь?

Не обращая на него внимания, Джуда Баги сказал Хезеру:

– Завтра соберешь народ к реке. Если каждый приведет одно тягловое животное, будет достаточно.

– Я готов, – сказал Хезер. – Составим список, соберем подписи, а то никто не придет. Ты не смотри на то, что там Ходжат болтает.

Приезд Джуда Баги всполошил село. Все собрались. Джуда Баги составил список. Ходжат заворчал:

– Эхсан-баба не видать! Кто вместо него будет работать? Он что, не в этом селе живет?

Хезер разозлился на него:

– Не болтай попусту! Эхсан-баба тебе не ровня!

Но Ходжат заартачился:

– Так не пойдет! Его сыновья на аэроплане в село прилетать будут? Мостом пользоваться не будут? Если от каждого дома по человеку и по тягловой скотине, то пусть и Эхсан-баба, как все!

Худу-киши сидел рядом с Гарди-ами и в ответ на обезьянничанье Ходжата сказал:

– Ходжат, он и есть Ходжат! Ты неисправим! Да подавиться бы тебе, не по тому ли мосту ходил ты годами, что выстроили деды Эхсан-баба?!

Джуда Баги сказал никак не унимавшемуся Ходжату:

– Ладно, скажу, чтобы и Эхсан-баба дал одну животину, – и, обращаясь к людям, добавил. – Завтра не опаздывайте, все будьте там. Обвяжем столбы веревками, а вы должны будете перетянуть их на эту сторону. Если выпустите из рук, весь труд насмарку...

Народ стал расходиться, Джуда Баги сел на коня. Хезер взял коня за поводья.

– Напрасно пообещал, Баги, Эхсан-баба не даст животное, – сказал он. – Он тебя и на порог сарая не пустит. У бедняги-старика и есть-то всего одна ослица, бережет ее, как зеницу ока.

Джуда Баги посмотрел на него сверху вниз. Одно время работали они с Хезером рука об руку, но с некоторых пор отошли друг от друга. Этот человек за счет Эхсан-баба снискал себе славу в районе, строил большие планы. Людей с должностей выживал. Ни с кем не считался. Повсюду сопровождал старика. Якшался с районным руководством. В столицу зачастил. И если бы Эхсан-баба не переменялся к нему, не засел в горах, вероятно, своих целей добился бы.

Домоседство баба да еще падение советской власти разрушили растущие надежды Хезера.

– Почему? – осторожно спросил Джуда Баги.

Хезер ответил, смеясь:

– Ослица Эхсан-баба не простая ослица, чтобы он тебе ее дал! Говорят, она двух ослят принесла, одного – золотого, другого – серебряного...

Джуда Баги знал, что Хезер обижен на Эхсан-баба. Он покачал головой:

– Хезер-киши, ты лет на пять-десять постарше меня будешь. Отчего не оставишь в покое Эхсан-баба? Ведь не впрок пойдет тебе хлеб его! Эхсан-баба на посмешищеставляешь? Что плохого он тебе сделал?

Но Хезер упрека не принял:

– Да какое посмешище?! Клянусь Аллахом, он написал сыновьям, мол, приезжайте, ослица родила одного золотого, другого серебряного осленка.

Джуда Баги растерялся от слов Хезера:

– Так и написал? А ты и поверил?

Большие губы Хезера расплылись на лице:

– Конечно, нет! Но в том, что в сарае прячет он золото, я не сомневаюсь.

Вспомнив легенду, крепко пустившую в селе корни, Джуда Баги сказал:

– Ааа! Ты говоришь о золоте отца Эхсан-баба?

Хезер сдвинул шапку на затылок:

– Как бы не так, откуда у отца его золото? Как говорит Гарди-ами, сколько там золота наберешь, продавая овец да сыр с маслом!

Джуда Баги с удивлением:

– О чем же речь?

Хезер был доволен тем, что задал задачу Джуда Баги.

– Ну, перехожу к сути, – сказал он. – Помнишь, Эхсан-баба нашел пещеру на Гызюрду?

Джуда Баги кивнул. Хезеру понравилось, что он будто лишился дара речи.

– Пять лет назад было, но забыть не могу. Эхсан-баба сдал в район найденные в пещере ржавые железки, медь, подняли шум. В районе создали музей. Сказали, мол, могила какого-то полководца какого-то там падишаха. И никто не спросил, сиротой, что ли, был тот полководец? Где его золотые доспехи, золотой шлем, нарукавники?! Он из медной плошки пил чай? Ходил с железной афтофой? Совсем бедным был? Ведь и у бедного есть хоть одна золотая вещь!

Голубые глаза Джуда Баги широко раскрылись, но он слабо возразил:

– Ладно тебе, я сам там был. Ничего такого не было.

Хезер со знанием дела поднял палец:

– Очень наивный ты человек! Эхсан-баба позвал тебя после того, как спрятал золото...

Джуда Баги снова не поверил:

– Да не рассказывай ты сказки! Откуда знаешь?

Хезер шлепнул себя по лбу:

– Отсюда! Ты думаешь, тот молла из Ирана просто так явился в эти горы?

Джуда Баги вспомнил человека, читавшего молитвы в пост «магеррам»:

– А какое он имеет отношение к Эхсан-баба? – спросил он. – Он ведь приехал к брату твоему Гарди? Он друг его внука...

Хезер отчего-то вдруг вышел из себя:

– Не получится из тебя государственный человек! Спишь себе! Разве не знаешь, что тот молла – внук дервиша Пишана! Разве не знаешь, что Пишан с Эхсан-баба вместе дервишествовали? Пустившийся в бега Пишан дни свои проводил на Гызюрду. И тебя не заставляет задуматься то, зачем это прискакал сюда его внук?! Вероятно, Пишан знал о пещере. И тайну эту открыл внуку...

Джуда Баги был сражен логикой рассуждений Хезера. Но внешне виду не подал, продолжал защищать Эхсан-баба:

– Ну и загибаешь ты! – сказал он. – У тебя уже сейчас что-то с головой, а что с тобой будет, если доживешь до лет Эхсан-баба?

Не оглядываясь, Джуда Баги тронул с места отдохнувшего коня.

Ближе к вечеру того дня, когда сель унес мост, Эхсан-баба пробрал озноб. Странная просьба сначала Асвара, а потом Хезера вывела его из себя. С другой стороны, непонятное упрямство Гиля-нене и то, что она закрыла на замок сарай, вызвало подозрения Эхсан-баба относительно собственного разума. По настоянию старухи он лег в постель. Но уснуть не мог. Эхсан-баба вспомнил Азраила:

– О Всевышний, пошли своего ангела забрать жизнь мою, но прошу – разума не отнимай. У меня есть имя, сыновья мои – известные люди. Не стыди ни меня, ни их принародно, – прошептал он и откинул голову на подушку.

Он терпеливо ждал, но Азраил не появлялся.

Гиля-нене в последние дни была очень сердита. Она злилась на Асвара и Хезера, которые вели скотину на выпас каждый день мимо их дома, даже если было не по пути. По ночам она почти не спала. Часто выходила на веранду. Прошлой ночью проснулась на собачье урчанье, быстро открыла двери. Мелькнула тень в лунном свете. Она не испугалась, резко отошла назад. На ковре на стене рядом с дервишской чашкой висела старая берданка. Не колеблясь, Гиля-нене сняла ее со стены и наставила через двери в сумрак?

– Эй, человек, кто ты? – закричала она. – Стрелять буду. Оно стреляет, ей-Богу!

Воодушевленный голосом хозяйки пес зашелся в лае. Тень сразу исчезла, но старуха не думала опускать ружье. Подождала, пока успокоится собака. Потом вернулась в дом. Всякий, видевший берданку при свете дня, вряд ли поверит в то, что она стреляет. Это ружье с треснувшим прикладом, поржавевшим дулом досталось Эхсан-баба от его отца. Он вешал его рядом с дервишской чашкой, хотя этот предмет в дервишество не вписывался. Честно говоря, выбросить было жалко. Даже советская власть, отбирая у людей огнестрельное оружие, на него не позарилась. Эхсан-баба хранил его как память. Он проснулся на голос старухи и спросил:

– Кто это был, Гиля?

Гиля-нене тихонько пробормотала:

– Баба, к нам приходил вор.

– Сдурела ты, что ли? – засмеялся он. – Что у нас красть-то? Показалось, верно.

Совсем убавив свет лампы, Гиля-нене тихо сказала:

– Знаешь, баба, прошлой ночью тоже приходили, я проснулась на лай собаки. Она не лает, а ворчит, значит, приходит человек знакомый. Возле сарая крутится.

Баба грустно протянул:

– Аллах, Аллах, опять эта сирота умом поехала.

Услышав слово «сирота», старуха взорвалась, как каштан:

– Да чтоб ты умер! На ночь глядя, заставляет меня ругаться! – ворча, залезла она в постель и накрылась с головой.

С приходом весны печь в доме не топилась. Ночи же стояли холодные.

XXXI

Гиля-нене от ворот возвращала назад всех, кто приходил проведать Эхсан-баба. Придумывала странные вещи. Даже Гарди-ами не позволила подняться на веранду.

– Послушай, Гарди, у него голова болит, не может он разговаривать...

Каждый день осматривавший село в бинокль Гарди ей не поверил, попытался все же увидаться с Эхсан-баба:

– Старостина дочь, ему же будет скучно без меня!

Гиля-нене совсем не нравился Гарди-ами. Она не любила людей в погонах, которые отправили в Сибирь ее родителей.

– Гарди, хорошо, когда у умирающего человека в собеседниках ангелы... Ты пока к ним не принадлежишь. Оставь его в покое...

Гарди-ами испугался настроения старухи, приписавшей его к чертям. Пришлось удалиться.

Гиля была очень зла и на внучку Гюльзар из-за болтливости ее. С внучкой, по-прежнему часто навещавшей их, она теперь не разговаривала, на вопросы ее не отвечала. Гюльзар обиделась и больше не приходила.

Старуха ошибку свою, конечно, поняла. Но письма были написаны, отправлены, и их уже было не вернуть, так что переживать теперь не было нужды. Сейчас был очень важен приезд сыновей. Открыть тайну Эхсан-баба она боялась. Из опыта знала, что в делах материальных на него надеяться не стоило. Старуха в последние дни металась, как в жару. Совсем забросила Эхсан-баба. Прошло несколько дней после события, которое чуть не лишило ее ума. Она боялась подходить к сараю, но была вынуждена. Следовало накормить, напоить животное. Длинноухая была беспокойна. Кричала на всю округу. Собравшись с духом, Гиля-нене открыла замок и прошла вовнутрь. Дрожа, оглядела сарай. Увиденное ею в дневном свете и порадовало ее, и опечалило. Ужас нескольких дней отпустил ее. Один из ослят пытался сосать мать, днем он не блестел. А золотой осленок был бездушной статуей. Лежал среди кусков фаянса. Он был размером с маленького ягненка. Старуха переворачивала валявшиеся на земле куски фаянсовой лошади, принесенной когда-то Эхсан-баба из

пещеры, которую он держал в яслях, и пусть поздно, но поняла, наконец, что к чему. Ослица, роды которой протекали тяжело, вероятно, расшатала доски яслей, статуя выпала и разбилась. Старуха пробормотала:

– Ишь, какой хитрый старик! Смотри, где прятал золото! – сказала она, но тут же сама себе возразила. – Нет, баба об этом ничего не знает. Даа...И хорошо, что не знает, так-то оно лучше...Даа, интересно, чья же это затея?

Гиля-нене недолго ломала над этим голову. Ее интересовала практическая сторона дела. Она подняла «золотого осленка». Из щели под статуей высыпалась древесная пыль. Она взвесила ее на руках, около фунта будет. Старуха внимательно разглядела статую и выяснила, что это не осленок, а конь. Голова и тело были сделаны очень точно. Можно было различить даже уздечку и удила. Низ же был цельным, как будто конь поджал ноги под себя. Легкость его говорила о том, что сделан он был из тонкого золотого листа. Различные его части крепились друг к другу с помощью серебряных гвоздей. А высыпавшаяся из него древесная пыль, вероятно, была остатками съеденного древесным червем деревянного макета.

Гиля-нене больше не медлила, спрятала под широкой одеждой, под мышкой «золотого осленка» и вышла из сарая. Весело и своенравно рассмеялась:

– Сукины дети! Теперь вы обо мне не забудете! Вы в моих руках! Разве же можно так?! Не приезжают, не появляются... Теперь я посмотрю, как вы не приедете. Как ягнята, все явятся! Вай, вай, вай! Что за сыновья такие?! Что за дети?! Как будто не я их родила. Будто собака их родила. Вай, вай, вай!

Гиля-нене кружила по двору, искала место спрятать «золотого осленка». Заглянула в пустой сенник. Осмотрела курятник. Несколько раз зашла и вышла из сарая. Ворча, спрятала, наконец, «золотого осленка». Покончив с этим делом, она успокоилась и, как молодая невестка, резво поднялась на веранду.

XXXII

Эхсан-баба боли никакой в себе не чувствовал. Дышал он теперь легко, но старуху свою слушался, молча исполнял все, что ни скажет. Знал, что если ослушается, света белого невзвидит. Старуха, спрятавшая его верхнюю одежду и тулуп в сундук, в последнее время стала очень властной и резвой к тому же, как козленок. На одном месте не могла усидеть, вертелась, как юла. Баба поглядывал на нее исподлобья и злился: «Ты только посмотри на эту сиротинушку! В настоящую ведьму превратилась! Только метлы не хватает, оседлать и в воздух! – думал он. – Не дает мне подняться с постели и сама целый день

молчит. Не знаешь, что она там задумала... Убралась бы куда-нибудь, а я бы по двору погулял. Сил уже нет. Если не доведет меня до смерти эта постель, то хорошо!»

Эхсан-баба притворно-ласково сказал:

– Гиля, взяла бы у Худу-киши немного табаку! А то в груди совсем нехорошо. Мой табак, как порох, не могу курить.

Гиля-нене просьбу его уважила. Оставила штопку, надела калоши и сказала:

– Ладно, баба, я сейчас вернусь, но ты не открывайся, простудишься.

Стоило старухе выйти за ворота, Эхсан-баба быстро встал с постели, сломал замок на сундуке, оделся, накинул на плечи тулуп и спустился во двор. Тепло весеннего солнца маслом-медом растеклось по телу. «Спасибо за совет, Аллах! Я воскрес! Выйди я чуть позже, сердце разорвалось бы! Посмотри, что вытворяет надо мной эта сиротинушка! – размышлял он, когда у ворот раздался стук копыт и показался спешившийся всадник. Эхсан-баба, узнав его, обрадовался. Джуда Баги он любил не меньше сыновей.

– Эй, власть, добро пожаловать в село, забытое Аллахом и людьми!

Джуда с кожаной сумкой в руках подошел скорым шагом, поздоровался с баба.

– Крепче сумку держи, сынок, не то отнимут, плохи дела будут, – поддел он гостя.

Сумка Баги была популярна в окрестных селах. Двадцать лет он с ней ездил. Мастер Бехан, что изговтавливал седла, раз в два-три года обновлял швы на ней. Сумка была так популярна, что выйди она одна погулять, никто бы не удивился.

Не реагируя на шутку аксакала, Баги поздоровался с ним за обе руки.

– Здравствуй, Эхсан-баба! Слава Богу, крепок! Свадьбу справишь, никто и не попрекнет тебя...

Огладив бороду, Эхсан-баба заломил шапку на голове. Показал ему место на пеньке и сам присел, потом насмешливо сказал:

– Жива ли бабка твоя? Если жива, то...

Баги положил рядом с собой сумку и не дал баба закончить речь:

– Жива, Эхсан-баба, жива, только ослепла уж на оба глаза, тебя дожидаячись, да и спина луком выгнулась. Наказывала передать, если, мол, баба не изменил своего решения, она готова.

– Уж больно прыток ты, – сказал баба опередившему его Баги, – победил меня! – Потом набил трубку и поинтересовался. – Каким селем тебя в наши края занесло? А? Если перешел Алаша-чай, ты – храбрец! Но скажу, если приехал искать мужа для бабки своей, проходи мимо! Если и гнедого дашь впридачу, и то вряд ли соглашусь...

Эхсан-баба повидал мир, удивление свое прятал за шутками. Баги начал издалека:

– Баба, мостом я занят. После морозов воды в Алаше поубавилось. На той стороне работа уже идет. Теперь нужна помощь ваших людей. От каждого дома по человеку и по скотине. Утром все, как один, будут у моста. Все дома обошел, ты один остался...

Эхсан-баба прикурил трубку. Глубоко затянулся, выпустил клуб дыма и рассмеялся:

– Сынок, потихоньку ты теряешь разум! Мне-то мосты строить? Одной ногой в могиле уж...

Баги пояснил:

– Баба, кто ж тебя строить мост посылает? Говорю, скотину дал бы и достаточно...

Эхсан-баба покачал рукой:

– Да какая же у меня скотина? После колхоза в этом дворе скотину не держали.

Баги улыбнулся:

– Что так? Разве и осла у тебя нет?

Баба быстро отнял от губ мундштук:

– А вот ослицу дать не могу!

– Почему?

– Потому как стара! Стоит один день поработать ей на стройке, как тотчас дух испустит. А мне же помощь в работе...

Баги подошел к делу с другой стороны:

– Неужто для гостя дорогого одного осла пожалеешь?

Эхсан-баба мягко проговорил:

– Мне, сынок, сто тридцать лет. Во всяком случае, так записано в паспорте. Но так оно и есть. С дедом твоим Кебле Вели друзьями были. Когда родился отец твой Али, он позвал меня. Сказал: сына моего назвать должен ты, чтобы дружба наша была вечной! Уже три века дружат наши семьи. Что там один осел, мне впору дать тебе табун лошадей. Но этот разговор твой об осле совсем мне не понравился. Стыдно

Баги не стал уточнять, что имел в виду старик, говоря «разговор об осле». Не глядя на собеседника, протянул:

– Говорят, ослица твоя двух ослят принесла. Значит, не так уж она стара, как ты говоришь. Дал бы мне ее, чтобы языки людские укоротить...

Баба покосился на него:

– Ну и что с того, что родила? Ты что, берешь налог с ослов по списку?

Баги неохотно:

– Нет, аксакал, налогов я не собираю. Этим занимаются налоговые ревизоры.

– Что ж тогда речь завел об осле?

Баги растерялся:

– Да так, хочу знать, что будешь с ослятами делать? С твоего разрешения взглянул бы на них...

Терпение Эхсан-баба иссякло:

– Сколько времени не виделись, а ты вместо человеческого разговора вцепился в ослиный хвост! – он показал на сарай. – Твоя Гиля-нене заперла сарай, не то всучил бы тебе обоих ослят и посмотрел, чего ты еще захочешь?

Баги, наконец-то, нашел момент перейти к сути дела:

– Прости, баба, не знал, с чего начать. Оставим пока этот разговор об осле в стороне. Я к тебе по другому делу пришел, – он опустил руку в сумку и достал оттуда книгу. – Ты знаешь, что я человек государственный. Чту законы. Читаю тебе одну интересную статью. «Все граждане, живущие на территории страны, при нахождении клада должны сдать его государству, нашедшему клад выдается премия в размере 25 процентов от стоимости клада...»

Эхсан-баба с интересом подался вперед:

– погоди, сынок, что-то я не пойму. О каком кладе речь идет? О шахском кладе или о банном?

Баги свел брови:

– Баба, шутки неуместны! Объясняю простым языком. Если ты нашел сто золотых, должен сдать их государству, и тебе дадут 25 из них. Если же скроешь от государства, все заберут и тебя посадят...

Эхсан-баба удивленно:

– А? Теперь понял! И кто в селе клад нашел?

Баги разгладил усы:

– Сейчас перейду к делу. Клянусь, не знаю, как сказать. Ты одного осла для меня жалеешь, как же говорить с тобой открыто?

Эхсан-баба резко поднялся на ноги:

– Опять он прицепился к ослу! О Аллах! Что ты хочешь от моей престарелой ослицы!? Завтра мне надо будет по дрова или на мельницу, так что, прикажешь ехать на Гиля-нене? Станный человек! И как ты руководишь с таким умом? Говорит: отдай мне единственного своего осла! Даже советская власть этого не делала. А теперь наша родная власть решила, что одного осла мне много!

Баги старался терпеливо успокоить старика:

– Баба, ты ведь понимаешь, что речь уже не об осле! Если захочешь, я тебе целое стадо ослов подарю...

Эхсан-баба вышел из себя:

– Не доводи меня, сынок! Пусть твое останется тебе, а мое – мне! – закричал он.

Баги этого не ожидал. Он тоже встал. Попытался уговорить его еще раз:

– Ты не мучай меня, баба! Я на службе у государства! Клянусь дедовой памятью, другого сдал бы полиции, и дело с концом! Сдай клад, что нашел в пещере! Пойми, таков закон! Слышал, в сарае его прячешь! Открывай и сдавай!

Эхсан-баба охватило смятение: «Будь проклят ты, слепой шейтан! Что же они мне дали, чего теперь за-

брать не могут! Уже который человек заводит разговор об ослятах, а заканчивает золотом. Да, прожить сто тридцать лет тоже не дело. Голова совсем плоха стала.... Этот не Асвар, чтобы прогнать со двора! Государственный человек! Где же ты, Гиля?!»

Как раз в это время в ворота вошла злющая Гиля:

– Разве не говорила я тебе, баба, что болен ты, не выходи из дома! Посылаешь меня за табаком, голову морочишь? Вай, вай! Заходи-ка в дом, не то опять простынешь!

Баги ласково поздоровался со старухой:

– Здравствуй, Гиля-нене! Как поживаешь? И шутливо добавил. – Уж больно холишь да лелеешь деда!

Узнав его, старуха подошла, тепло поздоровалась:

– Образуь хоть ты его, внук Кебле Вели, совсем замучил он меня! Больной выходит во двор... – и вдруг подозрительно спросила. – Чего это ты вдруг вспомнил нас?

Эхсан-баба опередил Баги:

– Требуется с меня сокровища!

Гиля-нене почернела, как уголь:

– Какие сокровища, баба?

– Наверное, злато-серебро. Говорит, в сарае прячешь!

Гиля-нене в лице переменилась, глухим голосом завопила:

– Что? – И скомандовала собаке. – Галадж, хватай его!

Собака, все это время следившая за гостем, бросилась на него. Не ожидавший такого поворота дела Баги ждать не стал, подхватив сумку, кинулся к воротам.

Эхсан-баба закричал ему вслед:

– Эй, власть, ключ от сокровищницы у Гиля-нене, куда же ты спешишь?

Баги быстро вскочил на коня. Собака за ворота не пошла, громким лаем проводила всадника.

XXXIII

Аби показал место, где пенящаяся река чуть стихала меж двух скал.

– Посмотри, туда можешь подать? Будь осторожен, земля мягкая и глинистая.

Шофер был огромным, сопящим от полноты своей парнем. С виду хмурый, однако веселился всю дорогу. Видя, что Аби разбирается в любом деле, стал называть его «мастером». Уже двадцать часов они были в пути. Успели подружиться. Большим «КамАЗом» он управлял легко и проворно.

Не обращая внимания на предостережения Аби, оглядел спуск и съехал с дороги. «КамАЗ» заревел и рванулся вперед. Липнувшая к колесам глинистая земля замедляла ход машины, но та не останавливалась.

Аби беспокойно:

– Застрянем. Кажется, нужен будет трактор.

Шофер, не отрывая взгляда от дороги:

– Спорим, мастер, что не застрянем! – Он протянул руку. – На один шашлык из ягненка! Согласен?

Аби пожал протянутую руку:

– Согласен! Но будь осторожен, если машина заскользит, нам несдобровать! Свалимся с обрыва, шашлык в горле застрянет...

Шофер неспешно делал свое дело. Когда машина остановилась недалеко от разрушенного моста, Аби пришел в себя. Здесь было припасено достаточно досок и столбов. Вероятно, собирались возводить мост. Аби покачал головой.

Шофер открыл дверцу и спрыгнул на землю. С уважением оглядел машину, колеса которой наполовину увязли в глине:

– Это не машина, да она и обвалившийся дом выдержит, – сказал он. – Ну что, мастер, проиграл ты!

Аби, вытирая шапкой вспотевшую лысую голову, рассмеялся:

– Я выиграл, а ты и не в курсе! Надо было на что-то другое спорить.

Полное лицо шофера помрачнело:

– С чего это вдруг? Ты, кажется, хитришь! Проигранного шашлыка жалеешь?

Аби опять рассмеялся:

– Наивный ты человек! Тебя так и так накормили бы шашлыком! Что еще может быть в селе?!

Шофер, поняв, наконец, тоже рассмеялся:

– Ты еще до села своего доберись, а потом шашлыком угощай!

Аби показал на ту сторону реки, на село на склоне горы:

– Наше село. Уже доехали...

– Да там и пятнадцати домов нет! Какое маленькое село... – удивился шофер.

Аби вздохнул:

– Да, маленькое оно, но проблемы у него большие... – И, перебив хотевшего что-то сказать шофера, добавил. – Погоди-ка! Смотри туда!

На другой стороне реки к берегу спускался всадник. У воды остановился в нерешительности, но потом все же направил коня в ревущую пенистую воду.

– Вай, вай! – пробормотал Аби. – Этот человек себя не жалеет! Утонет ведь! Я знаю Алашу. Весной к ней не подступиться...

Шофер тут же протянул ему руку:

– Давай поспорим! Я говорю – не утонет! На застолье в Сумгаите!

Аби оттолкнул его руку:

– Храни Аллах твой дом! Ты все о желудке своим беспокоишься! А человек тонет!

Всадник действительно уже барахтался посреди реки. Кажется, куском скалы, принесенным селом,

задело коня. Голова коня то появлялась над водой, то исчезала. Всадник пытался плыть, не выпуская из рук уздечки. Хотел вытащить животное. Потом, не в силах больше продолжать, бросил уздечку и поплыл к берегу.

Шофер подхватил с сиденья одеяло и побежал к пловцу. Аби тоже пошел следом за ним с термосом в руках. Вид вышедшего на берег всадника оставлял желать лучшего. Шофер помог ему снять куртку и набросил на него шерстяное одеяло. Аби протянул чай в крышке термоса. Всадник поднял голову, зуб на зуб не попадал. От пережитого страха и ледяной воды он весь посинел. Но Аби он узнал:

– Аби! Что ты здесь делаешь?

Аби также удивленно отвечал:

– Баги, брат! Что за дела?

Они обнялись. Долго трясли друг друга. Потом Баги выпил чаю, согрелся. Они разговорились. И погода была хорошая. Заходящее весеннее солнце все еще прогревало тело. Зеленые луга, свежая листва на деревьях радовали душу. Прилегший на траве шофер им не мешал, а просто слушал.

Аби пошучивал с Баги:

– Ты, кажется, жизнь отдал, служа государству, – и показал на доски у реки. – Из этого ты хочешь построить мост?

Баги стало неловко:

– А что мне делать? Стыдно людям в глаза смотреть! Сколько дней уже не проехать... У района тоже нет возможности. А я только это и могу... Аби, что в машине?

Аби охотно:

– Не горюй, я все привез! Панели, угольники, швеллера и дизельный сварочный аппарат в придачу. Если поможешь, в два-три дня мост поставим.

– И машина проехать сможет?

– Что машина, и трактор пройдет!

– Да пойдет тебе впрок хлеб Эхсан-баба! Какое же хорошее дело ты сотворил, Аби. Никто бы не потратил столько денег на общее дело, а ты тратишь. Ты и вправду из рода Гадамерда, – и вдруг подозрительно спросил. – Погоди-ка, а в чем причина такой щедрости? Может, приехал из-за золотых ослят отца?

Аби удивился:

– И ты об этом знаешь? Ты тоже знаешь о письме?

Баги махнул рукой:

– Не только я, многие знают об этом.

Аби покосился на него:

– А ты и поверил?

– Поверил, не поверил, а разговор идет, – неопределенно ответил Баги.

Аби посмотрел на него внимательно и сменил разговор:

– Из села едешь, как там они?

Баги кивнул:

– Хорошо, – и только он собрался обо всем рассказать, как вмешался шофер.

– Мастер, ты машину разгружать думаешь? – спросил он. – Мне ехать далеко.

Аби поднялся. Баги посмотрел на ревущую реку и сказал шоферу:

– Пойду соберу народ, будем разгружать машину, – и с сожалением добавил. – Теперь я пеший. Пропал конь мой. Проклятый сель швырнул в него куском скалы, и конь пошел ко дну.

Аби поддел его:

– На общем деле заработал, за общее дело и отдал. Чего переживаешь? Осталось машину разгрузить. Без крана дело не пойдет. Панели руками не поднять. Если и поднимем, бросим на землю, оборудование повредить можем... нужен кран...– и, обращаясь к шоферу. – И ты не тужи, через день-другой поедешь.

– Что ты говоришь, мастер? – опешил шофер.

Но Аби опять его успокоил:

– Не волнуйся, каждый день буду кормить тебя шашлыком. Из Сумгаита ящик водки привез. Что тебе делать в городе? Считай, что приехал на курорт.

Баги задумчиво:

– Думаешь, легко кран найти? Пошли звонить в район. Я должен доложить главному. И шофера разместить надо, накормить, человек с дороги.

Шофер удивленно:

– Машину так и оставим?

Баги успокоил его:

– Да не беспокойся ты. Никто не тронет твою машину... Пошли...

XXXIV

Появление их в райцентре вызвало в городке переполох. Стояло раннее утро. Солнце еще не успело высушить росу. Журналист Жан своим ярким одеянием напоминал попугая, привезенного из тропических стран. По волосам, рассыпанным по плечам, по фотоаппаратам на шее было ясно, что это человек приезжий, чего нельзя было сказать о молодом человеке рядом с ним. Судя по одежде, человек он был городской, и нам не чужой, свой. Юноша был переводчиком месье Жана. Звали его Фархад.

Бездельники, проводившие дни на автовокзале, пассажиры, ожидавшие своих автобусов, сразу пришли в движение. Всем было интересно. Журналист, проехавший в машине долгий путь, на глазах у всех разминал затекшие руки-ноги, приседал. Это развеселило народ. Журналист повидал немало на своем веку. Абсолютно не смущаясь от происходящего, он что-то сказал переводчику. Переводчик качнул головой, подошел к такси, на котором приехали из столицы, и сказал:

– Брат, поспрашивай там дорогу в село, которое нам нужно, и тронемся.

Шофер вышел из машины и тотчас исполнил просьбу пассажира, хорошо заплатившего ему до райцентра. Подошел к народу. Скоро вернулся.

– Прости меня, брат, но отвезти тебя в то село не смогу, – проговорил он с сожалением. – Говорят, даже в хорошие времена туда только на «УАЗе» и можно добраться, а сейчас все дороги сеем размыло. К тому же единственный деревянный мост через реку в то село разнесло водой, так что дорога перекрыта.

Фархад нахмурился и недоверчиво спросил:

– То есть другой дороги туда нет? Говоришь, нам или здесь оставаться, или обратно возвращаться?

– Сами смотрите, – безразлично сказал шофер. – Говорят, что мост строится. Не сегодня-завтра закончат. Может, подождете?

Фархад попросил:

– Вернись и поспрашивай у коллег своих, на чем нам туда добраться. Журналист ждать не может, спешит.

Водитель нехотя пошел к стоявшему в стороне автобусу. Переводчик передал месье Жану, как обстоят дела. Месье Жан нетерпеливо выслушал его и закричал:

– Что значит вернуться?! Мы должны ехать напрямик в то село. Главный редактор требует от меня срочный репортаж. Если не сделаю, уволит.

Фархад поразился легкомыслию месье Жана. Вести себя как ребенок в тридцать пять лет!

– Получай заслуженное, месье. Зачем было посылать непроверенную информацию в такую газету?

Месье Жан весело рассмеялся:

– Бес попутал. Во всем виновата мадемуазель Жанет. Я с ней знаком еще по Парижу. Я рассказывал тебе о ней, некрасивая, но бедовая! Позвонила, сказала, что есть информация, может, подойдет мне. Новость меня захватила, не поленился, написал репортаж и факсом отослал. А наш главный редактор умирает из-за экзотической информации с Востока. Тут же поместил репортаж мой в газете. Мол, все обойдется как-нибудь, но получилось иначе. Случайно этот номер газеты попал на глаза учредителю. Тот вызвал главного, устроил ему разнос. Велел или найти сумасшедших, которые подтвердят эту информацию, или выгнать меня с работы.

Переводчик насмешливо:

– Месье, владелец вашей газеты очень мягкосердечный человек! Я бы вас ни дня не оставил на работе! Осленок из золота! Или из серебра! С каким умом ты это написал? В целом Азербайджане не нашел больше, о чем написать?

Журналист не обиделся на Фархада.

– Если бы ты знал тонкости журналистской работы, так бы не говорил, – сказал он. – Ты не знаешь наших читателей. Они всегда ждут необычных вестей

с Востока. Если напишу, что Баку не отличается от европейских городов, что здесь современный аэропорт, красивые улицы, опишу его архитектуру, мне просто не поверят. – И вдруг, топнув ногой, он гневно произнес. – Ты обязан срочно доставить меня на место происшествия! Понял?! Забудь о гостинице, выбрось из головы возвращение обратно! За что я тебе плачу, в конце концов?!

Фархаду было двадцать пять лет. Месье Жан взял его к себе на работу. Определил ему зарплату в двести американских долларов в месяц. На какой срок журналист приехал в Баку, было неизвестно. Но Фархад, по окончании института не нашедший работы по специальности, был рад такому предложению. Он готов был ехать с иностранцем, куда угодно, потому что дорожные расходы тот брал на себя. Крики месье Жана не трогали Фархада. «Мне-то что?» – подумал он.

Шофер, чтобы избавиться от пассажиров, привезенных из Баку, подходил то к одному водителю, то к другому. Вскоре он вернулся с арбой, запряженной двумя лошадьми. Показал на возницу:

– Этот мужик берется довести вас до того села...

– Издеваешься? – разозлился Фархад. – Двадцать первый век! А мы, говоришь, должны ехать на арбе?

– Клянусь, – божился шофер, – ни одна машина не идет туда. Все говорят, что мост селем снесло, через реку не перебраться. А этот говорит: отвезу...

Месье Жан понял все без переводчика и оптимистично заявил:

– Месье Фархад, не злись, арба – тоже транспорт! Я согласен. Читатели, знакомясь с моими описаниями поездки, повеселятся от души.

После слов журналиста Фархад успокоился и сказал вознице:

– Ты, брат, проверь свою арбу, чтобы не застрять нам посреди дороги.

Аробщик почесал заросшее щетиной лицо. Снял ватную стеганку. Было жарко. Улыбнулся:

– Мы туда на арбе не поедем!

У Фархада отвисла челюсть.

– А на чем же мы поедем? – спросил он.

– Я поведу вас горными тропами. Часть дороги пойдем пешком, иногда, если захотите, сможете сесть на лошадь.

Фархад побледнел:

– Я, брат, в городе вырос, ни на лошади, ни на осле никогда не ездил. Упаду, кости себе переломаю.

Аробщик, мужчина средних лет, успокоил его:

– Да не бойся ты, гость, у меня лошади смирные... Мужчин того села, куда вы едете, я всех поименно знаю. К кому в гости-то?

Фархад пожал плечами:

– Француз знает. Говорит, это тайна. Скажет, когда приедем.

Аробщик безразлично:

– Как знаете. В том селе людей раз-два и обчелся, какие там тайны...

Когда Фархад рассказал журналисту о новом предложении, тот от радости совсем растерялся. Заплетающимся языком сказал:

– Месье, я... я с радостью принимаю ваше предложение... Репортаж мой будет еще красочнее.

Фархад распрощался с шофером такси. Перенес большую сумку журналиста из такси в арбу. Месье Жан тотчас уселся рядом с аробщиком. Радовался, как ребенок. Быстро взял поводья в руки. А Фархад под взглядами собравшихся людей, стесняясь, влез на арбу и сел на соломе. С улыбкой наблюдавшие за ними люди не смеялись. Фархад успокоился.

– Поехали, брат, – сказал он.

Аробщик подождал, пока к телеге подошли несколько человек, но повернулся к Фархаду, улыбнулся и, потирая пальцами, спросил:

– Гость городской, какую плату мне положишь?

Не посоветовавшись с журналистом, Фархад ответил:

– Не беспокойся, дадим тебе «ширванов» десять!

Аробщик вытер нос рукавом стеганки и сказал:

– Мало! Я за такие деньги не поеду.

Переводчик пожалел, что сел в арбу, не договорившись.

– Ладно, двадцать дадим, поехали уже!

Аробщик, переглянувшись с земляками, покачал головой:

– Мало!

После такого его ответа со всех сторон посыпались шутки на местном наречии. Переводчик ничего не понял и спросил:

– О чем они говорят?

Аробщик сказал правду:

– Говорят, бессовестно поступаю.

Переводчик, оглядевшись по сторонам, склонил голову, довольный:

– Спасибо вам. – И, обращаясь к вознице. – За то, что правду сказал, прибавлю еще пять «ширванов».

Но тот вновь покачал головой:

– Мало!

Не успел он сказать это, как вокзал опять зашумел. Каждый что-то выкрикивал. Аробщик сделал землякам страшные глаза. Все смолкли. Переводчик в растерянности:

– О чем ты говоришь? Почему мало? От Баку сюда пятьсот километров, мы доехали за пятьдесят «ширванов». Сколько же километров от райцентра до села?

– Врать не стану. Если напрямик, километров десять. Прямая дорога чуть длиннее, но мост унесло селем. Я поведу вас горными тропами. Опасное дело, брат.

Переводчик решил, что спорить излишне, и спросил:

– Ладно, скажи, сколько ты хочешь?

Аробщик коротко ответил:

– Сто пятьдесят долларов.

Фархад был сражен.

– Сто пятьдесят долларов? – закричал он. – Да что ты понимаешь в долларах?

Аробщик с усмешкой:

– Ты запомни, гость, что доллар он и в Африке доллар, и в Талышских горах! Что с того, что мы так выглядим? Думаешь, мы города не видели? – и уже мягче добавил. – И потом, брат-мусульманин, что ты из себя выходишь? Не из твоего ведь кармана идет. Иностранцы везде у нас хозяйничают. И здесь в горах не оставляют нас в покое. Взять твоего яркого иностранца, наверное, выгода есть тут какая-то для него! И что за деньги для него сто пятьдесят долларов? Деньги возьму вперед! Им особо доверять не стоит...

Земляки это выступление прослушали с молчаливым согласием. Переводчик же почувствовал себя неловко. Месье Жан недовольно ждал. В нескольких словах Фархад передал ему суть дела. Иностранец вышел из себя:

– Месье Фархад, я в течение двадцати четырех часов должен передать в газету информацию. От этого зависит моя карьера. А ты здесь торгуешься! Скажи

ему, я согласен! – сказал он и достал из кармана две купюры.

Возница ждал с нетерпением. Как только переводчик сказал ему о согласии, он повернулся к зрителям, поднял вверх большой палец и стегнул лошадей.

– Трогайте! – крикнул он, взял протянутые ему деньги и положил за пазуху.

Арба доехала до двора у подножия горы. Возница распряг коней, надел на них уздечки. Сумки гостей на манер хурджунов повесил на одну из лошадей. Потом предложил:

– Ну, городской брат, садись, – и подвел лошадь к высокому камню.

Фархад растерялся:

– Я, брат, боюсь ведь... – и, смеясь, повернулся к месье Жану. – Втянул ты меня в историю, полезай первым.

Француз неожиданно охотно согласился. Едва коснувшись камня ногой, он был уже в седле. Аробщику Истаму это пришлось по душе:

– Молодец, француз! – и с укоризной Фархаду. – Земляк, иностранец-то посмелее тебя оказался. Посмотри, как сидит на коне. Давай и ты полезай. Не позорь нас.

Фархад взобрался на лошадь с сумками. Обеими руками вцепился в гриву лошади. Аробщик пошел вперед. Только после этого лошади тронулись.

Журналист не смолкал всю дорогу. И фотоаппарат его щелкал непрерывно. Была бы возможность, он заснял бы каждый камень, каждое дерево.

– Какие красивые у вас горы, месье!

Переводчика, выросшего в городе без особых тягот, от такой езды подташнивало. Все ему было не по нраву. Когда аробщик спросил:

– Что это там говорит иностранец?

Фархад ответил:

– Этот ненормальный говорит, что здесь красиво. У меня от качки все внутри обрывается, а ему все ни-почем. Какую красоту он видит в этих горах и камнях, я не знаю.

Истам благородно согласился с ним:

– Верно говоришь, земляк. Я не виню тебя, человеку непривычному здесь жить тяжело.

А журналист Жан не терял ни минуты, работал. Часто слезал с лошади, фотографировал Фархада и проводника. Очень расстроился из-за того, что не успел сфотографировать лисицу, выпрыгнувшую почти из-под ног, долго ворчал.

Проводник провел их через густой лес. Он двигался по искусно определяемым тропам среди отвесных скал. В местах, куда не попадал солнечный свет, лежал снег толстым слоем. Проводник шел без отдыха. Длинной палкой проверял дорогу.

Скоро начался спуск. Когда они шли вдоль бездонной пропасти, лошадь Фархада вдруг поскользнулась. Еще чуть-чуть и вместе с седоком сорвалась бы вниз. Проводник вовремя подхватил поводья. Вместе с подоспевшим на помощь Жаном с трудом вытащили лошадь, задние ноги которой уже висели над пропастью. Бесчувственного от страха Фархада сняли с седла и положили на землю. Жан потерял голову. Проводник сказал вскоре пришедшему в себя Фархаду:

– Теперь понял, земляк, почему я просил сто пятьдесят долларов? Видишь, как опасны эти дороги... Аллах сжалился над нами.

Переводчик поднял голову, с ужасом оглядел ущелье.

– Нам лучше вернуться, брат, мне плохо.

Проводник засмеялся:

– Куда там возвращаться, скоро будем на месте.
– И ласково добавил. – Вставай, пойдем, путнику должно в пути быть. И послушай, что там говорит иностранец. Так и сыплет, а я не понимаю...

Француз что-то быстро-быстро говорил. Возбуждение его еще не прошло. Фархад поднялся на ноги и что-то сказал со злостью. Проводник заметил, что иностранец съежился, как цыпленок. Остаток дороги он уже молчал. Вел за собой лошадь. Снова начался подъем. Проводник шел, то и дело поджидая уставших путешественников. Одолев подъем, он сказал,

наконец, уже потерявшему надежду добраться до нужного села Фархаду:

– Вот и село!

Фархад посмотрел на редкие дома:

– Какое оно маленькое!

Проводник вздохнул:

– Горное село... – потом спросил, у кого они останавливаются.

Фархад переадресовал вопрос Жану. Тот достал из кармана блокнот и спросил:

– Какой их этих домов принадлежит Эхсан-баба?

Проводник удивился:

– Тайна? Эхсан-баба?

Фархад проворчал:

– Французу лучше знать. Накажи его Аллах...

Гостей поразили вымощенные камнем улицы села.

– Да здесь город, брат! – удивился Фархад и гордо заговорил с журналистом. О давешней злости своей он позабыл.

Проводник огляделся, но никого не увидел.

– Где же народ? – пробормотал он.

Навстречу им вышла девочка, с узелком в руках. Когда она проходила мимо чужих людей, не поднимая головы, проводник спросил:

– Здравствуй, дочка. А где сельчане, никого не видать...

Это была Гюльзар. Не поднимая головы, она тихо сказала:

– Все строят мост. Говорят, сегодня откроют дорогу. Все там. Вы не через мост пришли?

Проводник поднял руку:

– Мы пришли через горы...

Девочка недоверчиво:

– Да-а? Не может быть!

Проводник не собирался убеждать ее:

– Не веришь, как знаешь! Я привел гостей к Эхсан-баба. Аксакал дома или он тоже пошел мост строить?

Шутка проводника обидела девочку:

– Ему не по годам мост строить! Дома он. Идемте, я тоже туда иду.

XXXVI

Гиля-нене не оставляла Эхсан-баба без присмотра. Опекала, как малого ребенка. Пленником сделала. Поила настоями разных трав, часто растирала грудь и спину собственноручно приготовленными составами. Никого к нему не пускала. Аксакал и сам никого не хотел видеть. Очень взволновали его выходка зятя на прошлой неделе, а потом слова Хезера и Баги. Одним словом, Эхсан-баба стал настоящим домоседом. Он даже строительством моста не ин-

тересовался. Услышав о приезде Аби, обрадовался. Сидя вместе со старухой, долго жаловались они друг другу на сыновей. Иногда Эхсан-баба спрашивал у нее об ослице:

– Гиля, ты ослицу покормила? Как ослята?

Гиля-нене отвечала:

– Э, баба, тебе не о длинноухом сейчас думать надо. Врача тебе нужно. Вот дорога откроется...

Баба долго довольствовался этим ответом. Как-то устал он лежать и сказал:

– Хочу на воздух выйти.

Гиля-нене поставила пенек на веранде, сверху положила тюфячок. Взяв баба под руку, вывела наружу. Он был в одной рубашке, поэтому она накинула ему на плечи тулуп. Потом ушла готовить обед. До полудня провозилась у печи во дворе. На шум у ворот подняла голову, Гюльназ быстро шла к ней.

– Бабушка, бабушка, к дедушке гости приехали из города.

Старуха увидела у ворот чужих людей. Забрала узелок из рук внучки:

– Кто это, детка? – и от удивления уронила узелок, и пока собирала рассыпавшееся чисто выстиранное нижнее белье баба, гости дошли уже до веранды.

Громкий голос внучки вывел старика из задумчивости. Радостно, без удивления, он приветствовал гостей:

– Добро пожаловать, поднимайтесь наверх. Мне спускаться вниз не вмоготу. Детка, пусти лошадей на траву у тендира. Если хотите умыться, там и родничок есть. Дочка, дай гостям полотенце.

Гюльназ достала полотенце, бегом отнесла его гостям к роднику. Баба снова распорядился:

– Доченька, комнату для гостей приведи в порядок. Гиля, не сохни там. Еду, чай готовь, люди с дороги, голодные, наверное.

Скоро гости появились на веранде, Эхсан-баба поздоровался с ними, пригласил в дом:

– Не знаю, с чем вы пожаловали, но добро пожаловать.

Подождал, пока гости рассядутся на полу, на ковре, и сам тяжело опустился на пол. Фархад поразился терпению старика, пригласившего их в дом, не спросив причины приезда. Француз кипел, как ртуть. Не успев сесть, он встал на колени и достал из кармана куртки газету. Фархад потянул его за полу и заставил сесть обратно. Попросил не торопиться. Эхан-баба, не удивляясь чужому языку, спросил:

– Я не понял, гость, – и улыбнулся. – Вы англичанин?

Фархад поразился сметливости старика и ответил:

– Нет, баба, он француз, из Парижа приехал, – и сам поинтересовался. – А где вы видели англичан? В эти горы приезжали англичане?

Эхсан-баба коротко ответил:

– В Индии видел. А что нужно французу в этих горах?

Фархад пояснил:

– Эхсан-баба, он журналист, то есть газетчик. Я сам не видел, но он говорит, что в одной из парижских газет вышла о вас статья. Приехал прояснить ситуацию.

Баба посмотрел на короткие усики молодого человека, румяные щеки.

– Ты, сынок, кажется, из наших? – спросил он.

– Да, баба, я из Баку. Я переводчик у француз.

В этот момент вошла Гюльназ с чайным подносом. Проводник тотчас встал. Взял у девочки скатерть, постелил, расставил стаканы с чаем. Эхсан-баба, показывая Фархаду на проводника, спросил:

– А это кто? Не иностранец ли?

Шутка аксакала всем пришлась по душе. Проводник снял свою стеганку, положил рядом.

– Нет, баба, я не иностранец, – улыбнулся он. – В районе живу. Гостей тебе привел через горы.

Тут Эхсан-баба удивился:

– Что ты говоришь? Я думал, мост открыли, и вы приехали низом. Люди неделю уже стараются. Не сегодня-завтра мост откроют, говорят. Значит, ты этих людей провел через обрывы?

Проводник кивнул.

– И не побоялся? – спросил баба.

Проводник объяснил:

– Да не отставали они, баба...

Эхсан-баба перебил его:

– А если б погубил людей, что отвечал бы тогда? – потом с усмешкой спросил. – И из каких же ты будешь, такой сметливый?

– Я из рода Нагда-ага. Зовут меня Истам.

Эхсан-баба вскинулся:

– Оказывается, кто-то еще остался жив из того рода? Слава Аллаху! Перед войной деда твоего со всей семьей выслали в Сибирь.

Проводник вздохнул:

– Верно, все поумирали в дороге. Один отец мой жив остался.. Когда он вернулся на родину, я был совсем маленьким. Теперь я остался один, отец тоже умер. Занимайся, баба, гостями, а я пойду поздороваюсь с нене.

Эхсан-баба посмотрел вслед опечалившемуся проводнику, потом повернулся к Фархаду:

– Я все шучу, сынок, но что-то в толк не возьму. Куда я, куда Франция, и во сне такое не приснится. Как мое имя попало в их газеты?

Фархад, не обращая внимания на нетерпеливо толкавшего его журналиста, пил чай. После слов баба взял у Жана газету и протянул ее старику.

– Это правда, баба, вот газета у меня в руках. Перевожу: «Ослица стотридцатилетнего жителя села Эхсан-баба родила. Удивительно то...»

От злости у Эхсан-баба разве что седая борода не почернела. Сняв с головы шапку, ударил ею о колено, оттолкнул ладонью газету:

– И этот тоже об осле! Замолчи сейчас же! Издавайтесь все?! Выметайтесь отсюда! – закричал он.

Фархад побелел:

– Баба, ради Аллаха, не злись! Мы же гости твои. Если виноваты в чем, прости.

Слово «гость» немного успокоило Эхсан-баба, он подавил в себе гнев и спокойно сказал:

– Черт попутал, будь он проклят! Как же не злиться, сынок? Такой путь вы проделали только из-за того, что ослица у меня родила? Что с вами? Что за невидаль такая осел, что слух о нем до Франции дошел? Смените разговор, не то не посмотрю, что гости, выгоню, как собак.

Фархад молча проглотил оскорбления и объяснил все французам. Они посоветовались, и Жан сказал:

– Ладно, поговорим о его возрасте.

Эхсан-баба подозрительно покосился на журналиста, заинтересовавшегося теперь его возрастом. Недовольно спросил у Фархада:

– Не верит в мой возраст?

Чтобы успокоить старика, Фархад сказал:

– Он же журналист, баба. Его работа – уточнять такие факты. Он ничем не хочет тебя обидеть.

– На самом деле мне сто двадцать лет, но в паспорте написано сто тридцать.

Француз что-то сказал, Фархад перевел:

– Глядя на вас, трудно в это поверить. Выглядите молодо.

Кажется, Фархад нашел слабое место старика. Эхсан-баба подобрел, с усмешкой сказал:

– Ты что, хочешь сказать, что прибавляю себе лет? Я к газетчикам привык. Спрашивай, но глупых вопросов не задавай.

– Француз спрашивает, чем баба может доказать, что ему столько лет?

Баба от души рассмеялся:

– Что мне самому себе доказывать? Когда пришла советская власть, мне было сорок лет. Когда в Фитилбёрке убили белого падишаха, в тот год я и родился. Вот мои доказательства.

Уточнив с Фархадом, что Фитилбёрк – это Петербург, а белый падишах – это русский император Александр II, француз спросил:

– В каком году это было?

Баба уже не вытерпел, забыв о запрете Гиля-не-не, достал трубку, набил ее табаком, выпустил клуб дыма и сказал:

– Да этот француз совсем какой-то пеший! Истории не знает! – и, воодушевленный поддержкой переводчика, добавил. – Когда-то, сынок, из района приезжал газетчик, тоже интересовался моим возрастом. Стоило мне все это сказать, он тут же сел и

подсчитал. Сказал, что мне больше ста двадцати лет. Вы тоже люди образованные, считайте сами.

Журналист недоверчиво слушал Фархада. Сказал несколько слов. Переводчик запнулся, но потом исполнил свой служебный долг.

– Баба, месье Жан говорит, что не верится. Ты прости, баба, иностранца, не злись из-за каждого его слова.

Эхсан-баба вздохнул и мягко сказал:

– Верит он или не верит, мне от этого ни жарко, ни холодно.

– Как вы себя чувствуете, баба, ни на что не жалуетесь?

Эхсан-баба коротко ответил:

– Слава Аллаху!

– Как перевести ваш ответ?

– Скажи, я не болен, – ответил баба и проворчал.

– Что за люди злонаправные мне попадаются!

Фархад улыбнулся:

– Французский журналист просит у вас прощения. Говорит, если что не так, пусть баба его простит, он приехал с добрыми намерениями.

Эхсан-баба подложил под локоть подушку и подмигнул переводчику:

– Да этот твой француз по-человечески тоже, оказывается, говорить умеет.

Гиля-нене вошла в комнату, и разговор прервался. Старуха подозрительно посмотрела на гостей:

– Не закончили еще? Что-то долго разговариваете.

Появление гостей, кажется, пошло на пользу баба. Он шутил, как раньше. Сказал гостям:

– Оставим-ка вопросы на потом. Сейчас старуха принесет на стол, что Бог послал, подкрепиться пора.

Не успела Гиля-нене выйти из комнаты, как вошел Истам. Сразу было видно, что он всякого повидал в жизни. Быстро убрал стаканы и расставил на столе принесенную Гюльназ на подносе еду. Гиля-нене была женщиной гостеприимной, поэтому подала на стол все, что было в доме. Фархад с Жаном поначалу ели, стесняясь, но потом от души взялись за еду. Истам-ага подсел к баба. После чыгыртмы, яичницы, масла, сыра снова подали чай. Утолив голод, гости переговаривались. Месяе Жан что-то просил у переводчика. Фархад же отказывался. Только после того, как убрали со стола, он неуверенно сказал:

– Баба, этот иностранец наших законов не знает. Не отстаёт от меня, я должен перевести то, что он сказал, работа у меня такая. Разреши вопрос один задать...

Эхсан-баба приветливо:

– Я видел англичан, знаю, какие они бесстыжие. Спрашивай.

– Жена ваша жива?

– Старуха, которую вы видели, и есть моя жена, сынок.

– Бабушка, кажется, моложе тебя?

Баба рассмеялся:

– Конечно, моложе. Вчерашний ребенок. Всего-то ей лет семьдесят будет, а, может, и нет...

Француз удивленно воскликнул:

– О ля-ля! – и быстро-быстро заговорил.

Всю эту его взволнованную речь переводчик выразил одним предложением:

– Какая она по счету у вас жена?

– Вторая, сынок, – неохотно ответил баба. – Женился на ней, когда первая умерла.

– Дети у вас есть?

Баба оживился:

– Трое сыновей у меня, – и, вздохнув, добавил. – Была еще и дочь, но умерла при родах.

– Француз говорит, что знает одного из ваших сыновей. Большой ученый, говорит, в Париже выходят его книги. И сам он часто бывает во Франции. С сыном вашим Джамом он познакомился в Баку.

Эхсан-баба возразил:

– Этот француз врет. Сын мой, и правда ученый, но с таким именем сына у меня нет.

Фархад посмотрел на визитную карточку, которую протянул ему журналист, и радостно заявил:

– Извини, баба, сына твоего зовут Джамо. Иностранец произносит его на свой лад. Джамо-муал-

лим был моим учителем. Значит, это ваш сын... Я хорошо знаю Джамо-муаллима.

Эхсан-баба улыбнулся:

– Так бы сразу и сказали, дорогие мои. Для друзей моего сына я сделаю все. Спрашивайте, что хотите... Истам-ага...

Истам молча слушал весь разговор:

– Да, баба...

– Сынок, пойдя в село, приведи барашка. К кому ни обратишься от моего имени, дадут. Потом сам рассчитаюсь, а то дорогих гостей чыгыртмой угощаю, неудобно.

Истам, прихватив стеганку, вышел из комнаты. Фархад стал возражать:

– Баба, не утруждай себя, к чему такие траты.

Седые брови Эхсан-баба поползли на лоб:

– Мы и незваных гостей должны принимать достойно. Таков обычай. И потом что такое один барашек, какие там траты.

Месье Жан был недоволен тем, что ему не переводят происходящее:

– Так нельзя, месье Фархад, что происходит? Объясните.

Фархад коротко пояснил. Жана поразило гостеприимство Эхсан-баба. Он опять взволнованно заговорил. Переводчик едва успевал:

– Француз благодарит и спрашивает, чем занимаются другие сыновья?

Эхсан-баба охотно сообщил:

– Старшие сыновья оба ученые, третий живет в Сумгаите. Работает на заводе. Он мастер, на все руки мастер. Девочка, которая накрывала на стол, внучка от покойной дочери.

Фархад уточнил:

– Если вам сто тридцать лет, то старшему сыну должно быть сто. Но Джамо-муаллим молодой, ему и пятидесяти нет.

Баба почесал бороду:

– Дети родились от второй жены. Мне тогда было семьдесят лет.

Француз, как сумасшедший, размахивал руками, говорил с пеной у рта, большой нос его покраснел, он расстегнул куртку. Эхсан-баба удивленно спросил у переводчика:

– Что это с французом, чего он ворот-то рвет?

– Он обезумел от твоих слов. Говорит, вы счастливый мужчина.

Баба доставило удовольствие их удивление:

– Это еще что!

Фархад, не слушая французa, сам задавал вопросы:

– Баба, сколько же было жене, когда ты в семьдесят лет женился?

Баба хитро улыбнулся, будто знал, к чему идет разговор:

– Жене тогда было двадцать лет.

Фархад спросил дерзко у благородного старца:

– Знаю, баба, неудобно это, но спрошу. О чем ты, старый мужчина, думал, когда женился на молодой девушке?

Эхсан-баба, вспоминая былое, рассмеялся:

– Ты женат, сынок?

– Женат, баба, в прошлом году женили.

– И сколько тебе лет было?

– Двадцать три.

Баба с явным лукавством:

– Так вот, сынок, о чем ты думал, женившись в двадцать три года, о том же самом думал я, женившись в семьдесят. Теперь сам прикидывай!

Хитроумный ответ старика понравился Фархаду. Он опять коротко перевел журналисту, все пинавшему его в бок, разговор со стариком. Улыбнулся и иностранец.

– Спроси, все ли дети его? – сказал он.

Фархад понял оскорбительность вопроса, лишь переведя его почти до конца, но было уже поздно. Со страхом ждал он ответа старика. Старик помрачнел:

– Спроси у этого негодного француза, есть ли у него мать?

Фархад перевел.

– Месье Жан говорит, что мать у него есть. Она живет не в Париже, а в провинции. Ей пятьдесят лет.

Эхсан-баба гневно:

– Если француз не верит в то, какой я мужчина, пусть даст мне свою мать. Если я в свои годы не сделаю ему брата-горца, то плохой я мужчина.

Суровый ответ старика развеселил журналиста.

– Баба, он говорит, что пошутил. Пусть простит меня хозяин. Говорит, что передаст матери твое предложение. Вероятно, она не откажется от него.

При виде такого бесстыдства гостя злость старика прошла.

– Что это за народ такой! Во Франции, наверное, нехватка мужчин. Был бы молод, подался бы в те края.

Прямота старика опять пришлась Фархаду по душе. А Жан, как ни в чем не бывало, сменил разговор:

– А как вы живете, баба?

– Неплохо.

Журналист не отставал:

– Село ваше благоустроено, но дороги очень плохи. Вижу, и света у вас нет, и газа нет...

Баба опять неохотно ответил:

– Спасибо и на том.

– Баба, француз спрашивает, когда было лучше: в советские времена или сейчас?

Баба осторожно ответил:

– Если бы не развалили советскую власть, было бы хорошо, но и сейчас неплохо.

– А до советской власти? Как тогда было?

Эхсан-баба выпрямился. Страх тридцатых годов все еще сидел в нем:

– Что сказать тебе, сынок? В николаевские времена часть земель села принадлежала отцу и деду. Были и поля, и леса, и дуга, отарами овцы, стадами скотина, табун коней. И тогда было неплохо.

Фархад понял, что задето больное место старика.

– А что потом? – уточнил он.

Баба бодро улыбнулся:

– И потом все было хорошо. Я все отдал в колхоз.

Журналист удивился:

– Все?

– Все.

– Сам отдал или отняли? – недоверчиво спросил он.

– Сам отдал.

– Не пожалел потом?

Тут старик хитро улыбнулся:

– А тех, кто жалел, советская власть отправляла в Сибирь на лесоповал, и, повернувшись к переводчику, добавил. – Этот негодяй разбередил мои восьми-десятилетние раны. Пусть меняет тему...

Фархад передал это журналисту. Тот сделал какие-то заметки, сменил закончившуюся кассету диктофона и спросил:

– Почему сыновья не забирают тебя к себе? Ты ими доволен?

– Я сыновьями доволен. Они забирали нас в город, но мы не смогли там жить. И этот дом, и двор

они привели в порядок, – гордо сказал он. – А младший сын мой на свои деньги мост строит.

Журналист опять что-то пробормотал. Кажется, уговаривал переводчика, но Фархад не поддавался. Наконец, он нехотя согласился, просящим тоном сказал:

– Баба, умоляю, эта скотина не отстаёт от меня. Опять интересуется ослом.

Баба глубоко вздохнул:

– Жаль, что приехал от имени Джамо. Не то я ему такое устроил бы, что он пожалел бы, что родился вообще, – сказал он и как можно мягче добавил. – Сынок, ты объясни иностранцу, мол, что такое осел, чтобы о нем разговоры вести. Между нами, бакинец, но и ты того же ума, что и француз!

Полные щеки Фархада покраснели:

– Прости меня, баба. Клянусь, я передал ему твои слова. Но ведь не отстаёт же, говорит, я из-за осла сюда и приехал. Говорит, если не передам точную информацию, уволят с работы.

Подумав немного, баба вынужденно проговорил:

– Ладно, сынок, скажи ему, что у меня есть одна престарелая ослица. Она и правда в начале весны родила пару ослят. Ну, доволен?

Журналист радостно сказал:

– Как говорят, один осленок золотой, другой – серебряный. Это правда?

Эхсан-баба вскинулся и насмешливо проговорил:
– Да разве бывает осленок из золота?! Не говори глупости, сынок! – и проворчал. – Что за иностранец такой ненасытный! Я видел и англичан, и французов. Говорили, они очень умная нация. Этот же француз совсем глупый. Наверное, это тоже по милости гор наших. В наши края даже из Франции приезжают только дураки.

Фархад, не дожидаясь понукания журналиста, с удовольствием перевел ему сказанное баба. Жану стало не по себе, а Фархад его еще и поддел:

– Получай свой пай, месье Жан!

Но и француз сдаваться не собирался:

– Спроси у старика, когда родились ослята? Сможет ли он описать тот день?

Даже такой простой вопрос не понравился баба:

– Он что, собирается выписывать паспорт ослатам? Слушайте, знайте, дорогие гости, ослица родила через десять дней после Новруза. В ту ночь мне нездоровилось. В сарай спустилась старуха. Пришла и сказала, что родилась двойня. На этом все и кончилось. Прошло десять дней. У нас в селе есть несколько таких же идиотов, как этот француз. Они тоже интересовались ослиами, рассердили меня. Я этих проклятых ослят даже не видел. Говорите, из золота, пусть будет из золота, говорите, из серебра, пусть из серебра.

Фархад долго смеялся над словами баба о паспорте для осла.

– Говоришь, баба, что не видел новорожденных осят?

Баба явно раздраженно:

– Не видел. Это же просто осленок, чего на него смотреть?

– Баба, разреши нам посмотреть на осят.

Баба тут же, упираясь руками в пол, поднялся. Встали и гости.

– Пошли, сынок. И ты, бакинец, недалеко ушел от этого француза! Бывают ли ослята из золота или серебра? Где это видано, а?

Фархад промолчал. Журналист достал из оставленной у двери сумки фотоаппарат, повесил на шею.

Эхсан-баба подозрительно:

– Что это такое? Скажи ему, пусть свое добро с собою не таскает. В моем доме чужого не тронут.

Фархад пояснил:

– Этим он фотографирует, баба.

– И кого хочет сфотографировать этот француз?

– Баба, иностранец говорит, что снимет тебя вместе с осятами и пошлет в Париж.

Эхсан-баба взъярился, трубку с табаком, как кинжал, вытянул вперед. Фархад отпрянул.

– Меня вместе с осятами?! Ах ты, сукин сын!

– Баба, баба...

– Что баба, что баба! Пусть родственников своих с ослиами фотографирует. Я прожил сто тридцать лет, но посмешищем еще не был! Вон отсюда!

Француз с переводчиком заспорили. Фархад из кармана куртки достал пачку денег. Это была оплата за его работу. Он со злостью протянул деньги журналисту.

– Мне надоели твои угрозы, месье. Возьми свои деньги. Я не стану позорить аксакала.

Француз смягчился. Долго уговаривал Фархада, пока тот, наконец, не положил деньги обратно в карман. Потом переводчик сказал с интересом наблюдавшему за их перепалкой Эхсан-баба:

– Баба, я за нас обоих прошу прощения. Иностранец берет свое предложение обратно. Говорит, что сожалеет о том, что обидел вас. Говорит: я ваших правил не знаю, так что пусть простит меня.

Эхсан-баба вздохнул:

– Вот так, – и добавил что-то на своем наречии.

Фархад взмолился:

– А теперь разреши спуститься в сарай на ослят посмотреть.

Эхсан-баба пробурчал:

– Ну и люди! – он пошел вперед. – Ну и времена, из самой Франции сюда приехать, взобраться на эти горы, и для чего – ослят посмотреть...

Баба вышел на веранду, распекая гостей. Гиля-не-не возилась у печи. Видя, что он надевает туфли, спросила:

– Куда это ты? Ты ведь болеешь.

Баба, воспрявший после приезда гостей, рассердился:

– Больше нечего сказать? Столько говоришь о моей болезни, что она никак не оставит меня!

Но это ему с рук не сошло. Старуха сразу изменилась в лице. Едва она завела глаза, баба тут же миролюбиво сказал:

– Гиля, гости заскучали, думаю, дай прогуляю их. Пусть двор посмотрят, сад. Они же городские люди, всем интересуются. И ключ от сарая принеси.

При упоминании сарая Гиля-нене сразу выпрямила спину. На покрасневшемся у печи лице глаза вспыхнули, как угли. Преградила им путь, подняла топорик, что был у нее в руках, и закричала:

– Никого в сарай не пущу! Клянусь жизнью трех моих сыновей, могилой дочери, и близко не пущу! – от злости у рта появилась пена. – Это что, тоже богатство твоего деда и отца, чтобы ты его разбазарил?

Состояние старухи напугало Эхсан-баба:

– Ой, ой! Опять ты бредишь! Что там в сарае есть, чтобы я его разбазарил? Городские гости хотят посмотреть на осят и ослицу. Не ставь меня в неловкое положение, дай пройти. Гость – гость Аллаха. Не могу не выполнить его просьбу.

Гиля-нене закричала на весь двор:

– Не пущу, уйди! Не знаю я никаких гостей! – и вдруг из глаз ее покатились слезы, она стала умо-

лять. – Баба, молю тебя, пожалей детей своих. Не оставляй их ни с чем!

Гости пришли в ужас от сумасшедшего крика старухи, не знали, что делать. Француз, кажется, все понял. Не дожидаясь перевода Фархада, взволнованно сказал ему:

– Скажи старой мадам, что мы ничего у них забрать не хотим. Мы хотим только посмотреть. Пусть не плачет.

Эхсан-баба, послушав Фархада, взял за руки гостей и повел назад. Он боялся, что старуха задействует топорик.

– Ладно, Гиля, успокойся. Как скажешь, так и будет, – и злость свою сорвал на гостях. – Что за люди вы такие недобрые, старуха опять сдурела. Оставьте мысль помотреть ослят.

Не обижаясь на слова баба, Фархад быстро согласился:

– Хорошо, баба, иностранец и сам передумал. Но бабушке скажи, чтобы больше не плакала.

Баба грустно обратился к старухе, не посчитавшейся с просьбой его при гостях:

– Эх, Гиля, постыдилась бы, Аллаха не боишься, перед гостями поставила меня в неловкое положение. Иди приготовь чаю. Не сверкай тут глазами.

Гиля-нене, бросив на пол топорик, сердито подошла к печке, на которой всю кипел чайник. Вытерла подолом глаза. Рукой подозвала внучку, съе-

жившуюся в углу при виде распалившейся бабушки. Однако гости, с ноги на ногу переступавшие на веранде, чаю выпить не смогли. В воротах появился их проводник. Истам втащил во двор за рога крупного барана. Эхсан-баба, забыв о давешней перепалке, спросил с веранды:

– Сынок, а зарезать и освежевать тушу привел кого-нибудь? – он спустился во двор. – Будь проклята эта старость, в руках силы не осталось. Кто теперь зарежет его? Сам-то умеешь?

Истам, глядя на боязливо прошедших мимо Гия-нене и подошедших к ним гостей, улыбнулся, снял стеганку:

– Не мужики мы, что ли? Не велик труд – барана прирезать, – сказал он и достал кинжал.

Эхсан-баба пригласил гостей подойти поближе:

– Подходите, дети, дело у вас ко мне какое-то непонятное, но вы – знакомые сына моего Джамо, так что барана надо порезать у ваших ног.

Пока гости отказывались, Истам повалил барана на землю, встал лицом к Каабе и отделил голову животного от туловища. Гюльназ бегом принесла воды, он вымыл кинжал. По настоянию хозяина гости перешагнули через все еще содрогающееся тело барана. Эхсан-баба еще и пошутил:

– Пусть все беды обходят вас стороной, – и, не скрывая того, что было на уме, добавил. – Дети мои, таких двух глупцов, как вы, я очень рад видеть в этих

горах. К тому же таких глупцов, как вы, хватает и у нас.

Шутка баба подняла Фархаду настроение. Он сказал речь отчего-то опечалившемуся журналисту о традициях и обычаях народа. От такого невиданного гостеприимства баба Жан прослезился. Он хотел что-то сказать, но Истам, свежавший тушу барана, перебил:

– Баба, поздравляю, мост готов. Дорога вот-вот откроется.

Эхсан-баба обрадовался, как ребенок:

– Что ты говоришь, сынок. Кто это сказал?

– Да на сельской площади столько женщин и детей, что не пройти. Все только об этом и говорят, – засмеялся Истам. – Теперь и машин здесь будет достаточно.

Эхсан-баба поднял к небу руки:

– Слава Всевышнему, а то сколько времени мучились. Нога у гостей наших оказалась легкой.

Услышав это, Фархад попросил:

– Баба, разреши выйти, погулять по селу.

Эхсан-баба не возражал:

– Пожалуйста, сынок. Сам с вами пойти не могу, ноги слабы, – и пошутил. – В селе у нас ослов много, посмотрите на них и довольно с вас. Осел он осел и есть.

Шутка эта рассмешила и гостей.

После ухода гостей Истам кончил свежевать барана. Отделил внутренности, тушу разрубил на куски, сложил в таз. Бросил кость бегавшему вокруг псу. Таз отнес на веранду. Устроившись на застеленном там Гиля-нене старом паласе, продолжил свою работу. Спросил у баба, сидевшего на табурете:

– Что за дело у твоих гостей, аксакал?

Эхсан-баба как-то странно посмотрел на него:

– Столько времени провел ты с ними в пути и не занеешь, зачем они приехали?

– Нет, баба, – ответил Истам. – Спросил, но они не ответили. До самого села я даже не знал, к кому они едут.

Эхсан-баба был все еще в недоумении, но виду не подал:

– Скажу, сынок, не поверишь, что гостей интересует мой ишак.

Истам от удивления порезал палец.

– Не может быть, – проговорил он. – А что с ослом-то? Рог у него вырос?

Баба наивно:

– Нет, ослята у нее родились.

Истам-ага ничего не понял:

– И что?

Эхсан-баба посмотрел в сторону молчавшей до сих пор старухи. Чтобы она не слышала, сказал совсем тихо:

– Гости говорят, сынок, что моя ослица родила одного золотого, другого серебряного осленка. Приехали на них посмотреть.

Было ясно, что старик в таком возрасте выжил из ума. Истам-ага в этом не сомневался. Просто так сказал:

– Так показал бы им, баба.

Эхсан-баба пробормотал:

– Разве дала эта Гиля, будь она неладна! Такое тут устроила! Не дала гостям взглянуть на ослят.

Истам-ага быстро закончил свою работу. Спустился во двор, якобы помыть руки. «Бедный Эхсан-баба, – думал он, – так долго жить – тоже не дело, – вздохнул он. – Аксакал этих гор потерял разум. Жаль!»

XXXVIII

Джамо-муаллим хоть и был занят гостями, но письмо никак не мог забыть. Несколько раз позвонил в районный центр. Узнал, что с селом нет не только телефонной связи, но и дороги нет. Разливом снесло мост. И в институте дела шли не так, как предполагалось. Ректор слова не держал. Постоянно находил какие-то причины. Церемония вручения почетного диплома профессору запаздывала. Наконец, пришли к соглашению. Одно дело было сделано. Джамо, успокоившись, позвонил Джуму:

– Завтра я выезжаю.

– А что, дорога открыта?

Зная о безразличии Джуму, Джамо улыбнулся:

– Ничем ты не интересуешься. Я по сравнению с тобой еще ничего, звонил в районный центр, сказали, что завтра дорога будет открыта.

– Я не смогу выехать с тобой одновременно, – медленно проговорил Джуму.

Джамо растерялся:

– Но мы же договорились! Не можешь взять у ректора разрешение на два-три дня?

Послышался отрывистый смех Джуму:

– Что может сказать ректор? Дело обстоит несколько иначе. Речь идет о вступительных экзаменах в вузы. Не решив этот вопрос, никуда поехать не могу. Мы рассчитываем на это.

Джамо поддел:

– Разве каждый год ты не в приемной комиссии? Не достаточно ли?

– Гм-м! Ты с собой не равняй, то и дело в Париже. Книги выпускаешь. Гонорары получаешь. К тому же ты один. У меня же потребностей без счета. Кстати, если не секрет, сколько ты получил за последнюю книгу?

Джамо неохотно:

– Пока только аванс получил.

Джуму не отставал:

– Сколько, скажи! Не отнимаю же!

– Двадцать пять тысяч получил. Это пятьдесят процентов договора.

– А на какую сумму договор?

– Пятьдесят тысяч.

Голос Джуму как-то сник:

– Пятьдесят тысяч чего?

Джамо укоризненно посмотрел на телефон:

– Речь идет о долларах, брат. Во Франции наши манаты не работают.

Джуму завистливо:

– А что ты будешь делать с такими деньгами?

Джамо надоел разговор о деньгах. Но, зная обидчивость Джуму, он сдержанно сказал:

– Найду, на что потратить, – и сменил тему. – Что ты думаешь об этих ослятах. Золотых и серебряных?

Джуму вздохнул, на другом конце провода Джамо улыбнулся. Причину охов и вздохов брата он знал хорошо. Но Джуму заговорил по-другому:

– Когда оставляешь двух немощных стариков одних в горах, так и бывает. Была бы возможность, забрал бы обоих к себе, но квартира у меня тесная.

Джамо не оставил его намеков без ответа:

– Я же привозил их к себе, разве не помнишь, так они не остались здесь, – он разозлился.

– Ладно, не злись, – сказал Джуму, в душе радуясь тому, что разозлил его. – Что слышно от Аби? Он тоже поедет?

Джамо удивился:

– Ты не знаешь? Аби давно в районе. Он взял на себя строительство моста.

Голос Джуму донесся будто со дна колодца:

– Когда он поехал?

Джамо получил удовольствие от возможности вернуть брату его же иголки:

– Он посовестливее нас, уже неделю там.

Из следующего вопроса Джуму стало ясно, что его больше интересует материальная сторона дела:

– Откуда у него деньги на мост? Он что, тоже книгу выпустил? Гонорар получил?

Джамо не стал обращать внимания на слова брата:

– Аби сказал, что не так уж много пришлось потратить. Сначала завод, где он работает, выделил несколько бетонных панелей, достаточно ненужного металла. Он купил цемент и на дорогу потратился. Сварочный аппарат, инструменты есть у него самого. Он же мастер! К тому же сельчане помогают.

Джуму обиженно:

– Тебе звонит, а со мной совсем не считается.

На Джамо такие вещи не действовали:

– Как будто мне он позвонил оттого, что считается со мной? Просто дело у него было ко мне.

Джуму тут же отозвался:

– Денег просил? Может, узнал о твоём гонораре?

Джамо раздраженно возразил:

– Да оставь ты этот гонорар! Аби попросил позвонить главе исполкома, попросить помочь. На строительстве нужны были кран, трактор. Ну, я и позвонил, все сделал.

– Откуда ты знаешь главу исполкома нашего района?

Джамо неохотно:

– Вместе учились. Спасибо, выполнил мою просьбу.

Джуму почему-то разозлился:

– Ты на этого Аби посмотри! Вечно лезет всем на глаза. Как будто деньги у него лишние? Что в том районе власти нет, государства нет? Зачем делает чужую работу?

Джамо не согласился:

– Ты не прав, Джуму. Как говорит Аби, мост – это дело нашего рода.

Послышался насмешливый голос Джуму:

– Говоришь, мост надо назвать именем Аби? Провинциальное честолюбие сидит в нем.

Джамо уже не хотел продолжать разговор. Они равнодушно распрощались.

XXXIX

Для того чтобы выдержать все неудобства поездки с женщинами, от мужчин требовалось терпение. Машина была удобной, но дорога их все же утоми-

ла. Джамо пришлось несколько раз останавливаться. После серых и сухих степей Апшерона весенняя зелень южных районов радовала глаз.

Женщины сидели сзади. Француженка всю дорогу говорила, не умолкая. Гюляр, понимавшая лишь треть из сказанного ею, толком не могла ответить ни на один вопрос, так что вынуждена была то и дело обращаться к мужу.

Несколько дней Джамо пытался отговорить профессора и его дочь от этой поездки. Но все безрезультатно. Мадемуазель Жанет, как упрямая ослица, стояла на своем. Как-то она сумела уговорить и Гюляр, так что и она была на ее стороне. Месье Морель тоже был не против поездки, и Джамо пришлось уступить гостям. Он повез их с собою в село.

Гюляр-ханум чувствовала себя очень уверенно. Причин соперничать с француженкой не было. И все же она злилась, когда Джамо подшучивал над ее темными мыслями. После примирения они оба изменились. Не понимая длинных фраз Жанет, она кокетливо просила помощи у сидевшего за рулем Джамо:

– Когда уже я избавлюсь от нее, Джамо-муаллим? Что она там опять стрекочет?

Ведя приятную беседу с сидевшим рядом профессором, Джамо, не оборачиваясь, поддел ее:

– Надо было вовремя язык учить, Гюляр-ханум, – и, обращаясь к Жанет. – Мадемуазель, прошу вас

употреблять легкие слова в вашей речи. Моя жена вас не понимает.

Мадемуазель Жанет, обняв Гюляр, лукаво сказала:

– Месье Джам, ваша жена прекрасно знает французский. Она говорит так от скуки. Она недавно говорила, что ни минуты не сможет прожить без вас.

Гюляр, покраснев, слегка оттолкнула француженку.

– Не верь ей, Джамо-муаллим, честное слово, она меня позорит! – и выговорила Жанет. – Больше я тебе ничего не скажу, ты не умеешь хранить тайны.

Француженка снова обняла ее и рассмеялась. Они о чем-то пошептались между собой. Джамо обернулся, но промолчал. Вернулся к беседе с профессором:

– Месье, вы не осуждайте наше руководство. Их нужно понять. Конечно, мне приятно общаться с вами. Кто откажется от командировки в Париж? Но поездка именно ректора выгодна обоим вузам. Я не говорю с научной точки зрения, это хорошо для налаживания будущих отношений. Лекции ректора более необходимы. И гонорары в франках поддержат его бюджет.

Профессор Морель улыбнулся:

– Дорогой месье Джам, мы уже заключили договор. Поездка вашего ректора в Париж уже реальна. Я его пригласил официально. Для нашего вуза действительно не проблема потратить несколько

франков на это дело. Но речь о другом. Ваш ректор не филолог, он доктор философии марксизма-ленинизма... Бессмысленность его лекций налицо. Кому нужна философия рухнувшей коммунистической системы? Моим студентам?

Джамо-муаллим не согласился с такой постановкой вопроса:

– Во всяком случае, профессор, причины падения коммунизма интересны, не так ли?

Профессор согласился:

– Если лекция будет в таком контексте – это будет неплохо.

– Его лекции пройдут в таком ключе. Поверьте, – сказал Джамо. – Ректор предполагает меня в роли переводчика. А я, профессор, знаю, что говорить. Можно перевести даже то, чего он не скажет.

Профессор, давась от смеха:

– Если так, то я не возражаю. Я и не знал, что вы такой хитрец, месье Джам.

Джамо съехал на «Джипе» с асфальта на грунтовую дорогу. Не оборачиваясь, предупредил:

– Мадемуазель, скоро вам расхочется разговаривать.

Жанет удивленно:

– Отчего же, месье Джам?

– Оттого что теперь мы поедем по грунтовой дороге. От тряски все внутри будет переворачиваться.

«Джип» продвигался по дороге для телег. Ректор сделал одолжение, предоставив Джамо собственную машину. Сказал, чтобы берег профессора, ибо у нас в руках оказалось сокровище. Но ухабистая горная дорога не смогла утихомирить мадемуазель Жанет. Оставив Гюляр, она переключилась на Джамо.

– Когда мы приедем в ваше село?

– Уже недалеко.

– Месье Джам, а что вы сделаете со своей долей золота и серебра?

Джамо удивленно:

– О каком золоте и серебре речь, ханум?

– Вы же сами сказали, что ослица вашего отца родила золотого и серебряного осленка.

Джамо пробурчал:

– Если вы верите в такие шутки, то вы очень наивны, ханум.

Грубость Джамо не задела мадемуазель Жанет:

– А вы представьте, что это правда.

Джамо неохотно:

– Я не мечтатель, ханум, в облаках не витаю и вам не советую.

Переглянувшись с Гюляр, мадемуазель Жанет:

– Пардон, месье, пардон, – сказала она и стала любоваться красотами природы, окружавшими их со всех сторон и разве что не лезшими в окна машины.

Такое строительство для Аби было ничто. После того, как он надел комбинезон, его было не узнать. Его четкие, выверенные действия доставляли удовольствие мастерам, собранным сюда Джуда Баги из сел. Все беспрекословно выполняли его указания. Даже сам Джуда Баги, двадцать лет уже находившийся на этой должности, был очарован его работой. Друг детства его сейчас был совсем другим человеком. Того болтливого мальчишки больше не было. На его месте возник человек со стальной волей. В детстве Аби был худеньким, нескладным, некрасивым мальчиком. В классе он был посмешищем и козлом отпущения. Каждый считал своим долгом поддеть его. Правда, все трое братьев учились в одном классе. Однако дети эти, оканчивавшие среднюю школу в центре, сторонились не только всех остальных ребят, но и друг друга. Очень нелюдимы были. Упрямый Джуму хорошо учился. Вечно самодовольно молчал. Перед крупным, сильным хмурым Джамо никто не мог устоять. Но ни один из братьев не обращал внимания на то, что Аби бьют и дразнят. Только один раз Джамо вышел из себя. Это было так. Как-то один из преподавателей заболел. Урок был свободен, и Аби забрался в заросли ежевики рядом со школой. Трое ребят, полагаясь на силу рук своих, отняли у него железный кувшинчик с ягодами. Когда он по-

дал голос, один из них пнул его ногой. Другой шлепнул по голове ладонью. А третий обругал: «Отец у тебя дервиш, мать бесноватая, мало того, что учишься в нашем селе, так еще и ежевику нашу поедает!» Дети, окружив их, смеялись. Неожиданно Джамо пошел на них. Схватил троих, что обижали Аби, и затолкал в заросли ежевики.

После этого в школе никто не смел обижать Аби, боялись. Джамо всех приструнил, но и после этого братья никогда не были вместе. Только никому теперь и в голову не приходило обидеть одного из них.

...По указанию Аби на обоих берегах закладывались основания. У Джуда Баги, криком передававшего на другой берег указания Аби, проводившего измерения теодолитом, болело горло. Шум воды, эхо ущелья перекрывали голоса.

– Аби, брат, если так дальше пойдет, я сорву себе горло. Придумай что-нибудь, они не слышат меня, – пожаловался Джуда Баги.

Аби снял каску, почесал голову. Немного подумав, достал из кармана бумагу, ручку, расчертил основание, написал короткое пояснение. Сложил, привязал бумагу к камню и протянул Джуда Баги:

– Найди рогатку и отправляй.

После этого дело пошло, как по маслу. Была налажена связь, соответствующая космическому веку. К вечеру подвезли подъемный кран из ближайшего районного центра. Разгрузили грузовую машину.

Шофер, пресытившийся шашлыком, сразу уехал. Последнее его слово было о том, что никогда больше не будет он спорить на кебаб, видеть его уже не может. Водитель подъемного крана не соглашался поднимать бетонные панели над рекой. Говорил, что не хватит силы, машина перевернется. Джуда Баги разозлился, чуть не схватился врукопашную с водителем крана. Аби еле разнял их. После того, как Джуда Баги успокоился, они долго прикидывали, что и как. Пришлось звонить Джамо-муаллиму. Занятый телефонным разговором Аби не обратил внимания на техника, который вызвал во двор Джуда Баги.

– Что случилось? – спросил Джуда Баги.

– Из района приехали налоговые инспекторы, хотят тебя видеть. Говорят: пусть даст список тех, кто занят незаконным хозяйничаньем.

Джуда от злости жевал губы и язык. Вдруг, что-то надумав, сказал:

– Найди кого-нибудь, пусть шепнет им, что старик по имени Эхсан-баба нашел сокровище. Пусть отправляются туда. Меня спросят, скажешь, что занят, выполняет поручение Атахан-муаллима. Занят строительством моста.

Техник работал с Джуда Баги во времена сельсоветов. Никогда не слышал от него бессмыслицы. Молча подошел он к людям, пившим под деревом чай. Джуда Баги вернулся обратно радостным. Аби все еще был на телефоне. Наконец, удалось связаться с

Баку. Наутро в работу включился Атахан-муаллим. Но в районе не нашлось мощного подъемного крана с длинной стрелой. Через три дня из соседнего района была доставлена необходимая техника. Глава исполнительной власти каждый день требовал от Джуда Баги сводку. По всему району пронеслось, что глава исполнительной власти строит мост. Как только доставили кран, Аби тотчас же взялся за работу. Сложил в металлическую корзину привезенные из города и сваренные стальные основания, мешки с цементом. Сел и сам. Кран поднял железную корзину и перенес на другую сторону реки. Народ был поражен такой переправой через бурлящую реку. Земли встретили его аплодисментами. Едва коснулась нога Аби земли, как он стал переходить из объятий в объятия. Он поинтересовался Эхсан-баба и Гия-нене. Узнав, что все в порядке, не стал уже терять времени. По его указанию стальное основание опустили в подготовленное углубление, подготовили цементный раствор. Аби не стал ждать, когда залиют основание. Дав задание, снова переправился на другую сторону. Пока подготовили все на этой стороне, настал вечер. Поднятие панелей оставили на завтра.

Сельский люд взволновало то, что Аби строит мост. Даже злой на язык Ходжат не находил, что сказать. Молча работал за двоих. Сосед Ходжата Шахбаз стал поддевать его:

– Тебя что, голоса лишили? В другое время так и сыплешь словами, чего же теперь молчишь?

Ходжат с сожалением сказал:

– Нет, сосед, сыновья дервиша и вправду оказались достойными людьми. Спасибо им, не посрамили.

Здоровый Исми с укоризной:

– А что я тебе говорил? Ты же вцепился в Эхсан-баба, мол, и ты должен работать со всеми.

– Чем языком молоть, лучше б руками работали. Вечер уже! – разозлился Хезер и, опустив лопату, закурил.

Асвар работал молча. При виде Аби все перемешалось у него в голове. Хезер шепнул ему:

– Что на это скажешь?

Асвар, не поднимая головы, пробурчал:

– Ты-то чего всполошился?

Хезер, растерявшись:

– Думаю, может, и мне что-то перепадет.

Асвар, опустив лопату, зло оттащил его в сторону:

– Ты что, наследник Эхсан-баба? Родной зять в стороне остался, а тебе с какой стати должно что-то перепасть?

Хезер ослабился:

– Если покопаться, мы с Эхсан-баба из одного рода. Наши деды были внучатыми племянниками, а ты совсем чужой. Твой отец Маами пятьдесят лет назад в село приехал.

Асвар посмотрел на него странно:

– Теперь понятно.

Хезер не понял:

– О чем ты, сосед?

Асвар отвел глаза:

– Так! Вчера ночью я видел, как кто-то перемахивал через забор Эхсан-баба. На тебя похож был.

Хезер выронил из рук сигарету:

– Ты ошибся, сосед. Я в это время сладко спал.

Не слушая его, Асвар сказал:

– Гиля-нене очень напугала его.

Хезер, придя в себя, насмешливо:

– Значит, выходит, что не один я не сплю по ночам. Так оно и будет да, жажда золотых и серебряных ослят и мосты заставляет строить.

Асвар больше ничего не сказал, вернулся к своей лопате.

XXXXII

На следующий день до обеда поднимали над мостом панели. Аби включил сварочный аппарат, шум дизельного генератора заглушил все вокруг.

Сварочные работы были скоро закончены. Укрепили готовые перила. И мост в пятнадцать метров длиной, в три метра шириной был готов. Все были рады. Аби поддел Джуда Баги:

– Наших людей мало, но работают они проворнее твоих.

Джуда Баги засмеялся:

– А кому нужен мост? Нам или вам?

Аби почесал затылок:

– Кажется, нам.

Джуда Баги подмигнул окружившим их сельчанам:

– Тогда больше ничего не говори.

К Аби подошел бульдозерист:

– Основание засыпано. Я свободен, мастер?

Аби покачал головой:

– На той стороне тоже нужно закончить земляные работы. Поезжай туда.

Бульдозерист отступил:

– Нет, я боюсь въезжать на этот мост.

Аби пошел к бульдозеру:

– Ничего не поделаешь. Сам я должен испытать мост.

Джуда Баги, видя, что Аби садится в машину, подошел, сел в кабину с другой стороны. Аби рассмеялся:

– Не боишься?

Разве можно такое говорить Джуда Баги. Он тотчас ответил:

– Мы должны Аллаху всего одну жизнь, поезжай. – И пошутил с Аби. – Я же не Эхсан-баба, чтобы жить сто тридцать лет. – Не так ли, люди?

Аби покосился на пересмеивающихся сельчан и завел бульдозер. Тронулся тотчас с места. Осторожно въехал на мост. Люди отошли в сторону. Аби обвел взглядом людей, с нетерпением ожидавших открытия дороги. Кого здесь только не было. Аби стало жаль их. Десять дней, как дорога была перекрыта. Радости старшеклассников не было предела. Надоело им уже жить у родственников в центре. Совсем извелся хозяин сельского магазина, поехавший за товаром в районный центр и застрявший там. Он не знал, что и почему продавала в магазине вместо него все это время его жена. Сельский фельдшер, крепко обхватив сумку, дремал. На середине моста Аби прибавил скорость. И вскоре машина была уже на той стороне. С обеих сторон раздались приветственные торжествующие возгласы. Переехал мост и пассажирский автобус. Шофер от радости высунул голову из кабины и сказал:

– Садись, народ, отвезу вас в село бесплатно.

Народ подхватил его предложение:

– А что делать с лошадьми, ослами? Тоже грузить в автобус?

– Хо, хо, хо! У меня пара волов.

– Куда нам садиться в таком виде?

– Поезжай давай, не было петуха, рассвет не занимался, что ли? Всего-то две версты, пешком пойдём...

Шутки так и сыпались на водителя. Он смутился, потом, ворча, убрал голову в кабину и зло нажал на газ. Аби сдал бульдозер хозяину:

– А теперь делай свое дело. Если побоишься назад возвращаться, позови меня, – пристыдил он его.

Народ расходился. Джуда Баги поторопил Аби:

– Пошли переоденешься, я сам сдам тебя Эхсан-баба. Инструменты пусть останутся здесь, потом пришлю за ними телегу.

Аби устало облокотился о перила моста:

– Что переодеваться, брат, – и показал на бульдозер. – Пускай заканчивает, заберем инструменты и поедем в село. Главное – генератор, надо помочь погрузить его в ковш. Он мне необходим. Сколько месяцев село без света. Я свет у Эхсан-баба хочу зажечь сегодня. У меня осталась одна бочка солярки. Хватит на несколько месяцев. Привык я к электричеству, с лампой будет тяжело.

Джуда Баги, удивившись:

– Ты останешься в селе?

Аби кивнул:

– Я приехал насовсем. Не могу больше оставлять стариков одних.

Джуда Баги подозрительно:

– Не шутишь?

Аби покачал головой. Баги совсем недоумевал:

– А как же жена, дети?

– Мальчики в армии. Вернутся, сами решат. А жена захочет – приедет, нет – в городе останется.

Джуда Баги разозлился:

– О чем ты говоришь? Народ в город бежит, а ты – в село? Кому останутся в городе дом твой, сад?

Аби, не отрывая взгляда от пенящейся воды:

– Здесь и дом мой, и сад...

Джуда Баги утратил дар речи. «Ну и ну! Он и вправду сын дервиша! – подумал он и тут же сам посмеялся над своими мыслями. – Ничего такого нет. Скорее всего, Аби приехал из-за золота-серебра. Кажется, тут действительно что-то есть!»

XXXXIII

Джамо понимал, что таким ходом они доберутся до села ночью. Игривость женщин его уже раздражала. Эти беспокойные создания были очень нетерпеливы. Всю дорогу приходилось считаться с их капризами. Несколько раз Джамо останавливал машину у обочины. На зеленом лугу они располагались закусить. Профессор тоже вел себя, как ребенок. В конце концов, он заявил, что хочет поесть как следует. Джамо-муаллим остановил машину у

одной из закусовых вдоль дороги. Сидели долго. Необычный вид гостей привлекал внимание местных. Они громко смеялись, употребляя несловарные выражения. Джамо-муаллим парой фраз на талышском наречии посадил на место присутствующих, собравшихся будто на представление. Эти две фразы очень подействовали на весельчаков. Никто из них больше глаз не поднял на гостей. Хозяин же столовой подошел и извинился. Этот небольшой эпизод не ускользнул от внимания профессора.

– Что случилось, месье Джам? – спросил он.

Джамо объяснил ему, не особенно вдаваясь в подробности. Профессор улыбнулся:

– Не стоит злиться, я бывал во многих странах, такое встречается часто.

Джамо обратился к занятым разговором женщинам:

– С вашего позволения тронемся в путь, вечереет уже.

Женщины не возражали. Джамо думал о дороге. Был очень осторожен. Извилистые горные дороги были очень опасны. После захода солнца в тени деревьев было уже сумеречно. Места эти очаровали профессора. Он часто повторял:

– Это зрелище!

Джамо улыбнулся и остановил машину у места, выложенного речным камнем. Это был знаменитый Бобогиль-оджаг.

– Хочешь зайти? – спросил он у Гюляр.

Гюляр охотно:

– Конечно, хочу. Прямо умираю...

– Тогда загадай желание и пойдем.

– Давно загадала.

Джамо знал, о чем она говорит. Он обернулся к профессору:

– Месье, посетите с нами святое место?

– Конечно.

– Месье, загадайте желание, – предложил он ему.

– Уверяю вас, оно исполнится.

Профессор удивился:

– Такой большой ученый, как вы, месье Джам, и верите таким вещам.

Джамо начал издаleка:

– Не буду спорить, профессор. Я знаю силу этого места. Я был маленьким ребенком, когда лицо и руки мои сплошь покрылись бородавками. Мать привела меня сюда. Мы обошли святое место. И поверьте, по дороге домой бородавки мои стали лопаться и стираться. Как мне после этого не верить? Уже много лет я не проезжаю мимо этого места, не обойдя его. И потом, похороненный здесь человек из моих прадедов!

Профессор с интересом:

– Ага, так и скажите. Ваша ханум тоже пойдет?

– Да, месье, у нее тоже есть пожелание.

Мадемуазель Жанет попросила у Джамо:

– Месье, возьмите и меня с собой, у меня тоже есть желание.

Гюляр поинтересовалась:

– Жанет-ханум, если не секрет, скажите нам, что это за желание?

Мадемуазель рассмеялась:

– Нет, не секрет. Надоело мне красное пятно на щеке. Косметика не помогает. Все думают, что это болячка.

– Интересно, после поклонения святому месту перестану я задыхаться? – пробормотал профессор.

Джамо поднял руки к небу:

– Кто это может знать, кроме Аллаха? – Но и вреда от этого посещения не будет.

Они вышли из машины и проследовали через маленькую дверь за Джамо. Их встретил аксакал, и в его сопровождении они обошли могилу в гробнице. Джамо провел рукой по выложенным камням. Гости повторили за ним. Стоящий в дверях служитель принимал жертвования и одарял молитвой. Профессор достал кошелек:

– Месье Джам, франками дать или долларами? Какая валюта здесь хорошо принимается? И сколько надо дать?

Глаза служителя заблестели. Это не ускользнуло от Джамо. Спрятав улыбку, он серьезно сказал:

– Не смотрите, профессор, на его внешний вид, он прекрасно знает любую валюту. Дайте, сколько хотите.

Гюляр пораженно смотрела, как Жанет все терла и терла о камни лицо. Им стало не по себе в гробнице. И, выйдя следом за мужчинами, они глубоко вздохнули, но промолчали. Молча сели в машину. «Джип» двинулся дальше, кружа по дороге. Наконец, Жанет заговорила:

– Я ничего не почувствовала...

А у профессора задрожала борода:

– А я чувствовал. Я, дочка, будто прошел по магнитной зоне. В этом месте и вправду есть сила. Не так ли, месье Джам?

Джамо не вступал в дискуссию, не хотел говорить об этом. Жанет снова скривилась:

– Похоже на розыгрыш.

Профессор рассердился:

– Ты с детства ни во что не веришь. Даже обычные реалии не хочешь принимать, дорогая. И камни на могиле были теплыми. Я несколько раз провел по ним рукой. Что скажешь на это?

Жанет, ни на кого не глядя, проямлила:

– Наверное, у гробницы есть скрытая система обогрева.

Джамо с Гюляр, переглянувшись, улыбнулись. Профессор повысил голос:

– Доченька, я сейчас спокойно дышу, меньше задыхаюсь. Что скажешь на это?

– Этому причина – свежий горный воздух, а не гробница.

Профессор отвернулся от дочери и безнадежно махнул рукой:

– Спорить с тобой бессмысленно.

Жанет в долгу не осталась:

– Месье, ты можешь уверить меня в том, что ослица родила золотых ослят, но не в силе этих камней,
– сказала она и обиженно отвернулась.

Джамо и Гюляр посмеялись над такой концовкой разговора дочери с отцом. Присоединился к ним и профессор. Замечание Жанет развеселило всех. Тем временем стемнело.

XXXXIV

Аби сложил в ковш бульдозера инструменты, дизельный генератор. Сам сел рядом с шофером. Машина двинулась к селу. Народ уже разошелся, только Асвар искал своего осла в лесу. Скотина пропала. Помогавший ему Хезер крикнул:

– Пошли уже, что станется с твоим ослом?

Асвар, спускаясь в овраг:

– Такая уж работа у бедняка! Подожди, сейчас приду. Наверное, он в овраге.

Хезер опять проговорил:

– Что ты из-за одного простого осла убиваешься?
Там у тестя ждут тебя золотые ослята.

Асвар уже не слушал его, вошел к заросли кустарника. Через какое-то время вернулся на осле и сказал Хезеру:

– Поехали. Задержал я тебя. Вечер уже.

Хезер недовольно погрузил на лошадь лопату, кирку. Они выехали на дорогу, он хотел что-то сказать, но обернулся на яркий свет на мосту. Иностранная машина медленно проехала мимо них. Асвар пораженно:

– Кто бы это мог быть?

У Хезера, несмотря на возраст, зрение было острым. Он узнал человека за рулем и сказал:

– Твой деверь Джамо. – И насмешливо добавил.
– Да, ты должен оставить мысль о золотых ослятах. У Аби сердце доброе, может, что-то и даст тебе, но у этих близнецов зимой снега не выпросишь.

– Да? Верно говоришь... Но в машине ведь людей было много.

– Вероятно, Джуму, – предположил Хезер. – Кажется, они и жен привезли.

Больше не разговаривая, они отправились в село. Асвар без устали погонял осли, а Хезер каблуками пробивал бока уставшей лошади. Обоим хотелось помыться, переодеться в чистое и отдохнуть. Но переполох на сельской площади задержал их. Дети собрались вокруг двух чужаков. Их смех и крики слышались издалека. Подошли. Действия одного из них их удивили.

Осел сторожа Фати-киши, привязанный к столбу перед старым колхозным амбаром, брыкался. А чужак снимал его фотоаппаратом, дети же смеялись. Этот странный человек, подняв голову, вдруг увидел осла Асвара. Радостно вскрикнул. Направил фотоаппарат на осла и седока. Дети при виде взрослых спрятали улыбки. Отошли в сторонку. Хезер же, увидев чужака, фотографировавшего осла Асвара, рассмеялся:

– Видишь, сосед, осел твой ценнее лошади, его снимают, ха-ха-ха.

Чужак был месье Жаном. Повторив несколько раз «Пардон, пардон!», он обошел вокруг осла, щелкая фотоаппаратом. Асвар, боясь стать посмешищем села, гневно закричал:

– Я вот сейчас сойду с осла и задам тебе! Иди, занимайся своими делами, отойди от осла.

Вторым чужаком был Фархад. Видя, какой оборот принимает дело, он вмешался:

– Земляк, этот человек иностранец. По-нашему не понимает. Не злись, это же гость.

Асвар от удивления разинул рот:

– Иностранец? Откуда приехал?

– Из Франции. Он журналист.

Пораженный Асвар чуть не свалился с ишака.

– Что ты болтаешь? Приехал сюда из Франции, чтобы осла сфотографировать?

Хезер спешился и подошел:

– Наверное, у них там ослов нет. Что в этом такого? И ты тоже француз?

Фархад мягко ответил:

– Я из Баку. Его переводчик.

– Когда приехали?

– Сегодня днем.

Хезер погрозил ему пальцем

– Не ври, детка, мост только что открылся.

Фархад пояснил:

– Я не вру, нас проводник привел через горы.

Асвар подозрительно:

– У кого остановился француз?

– Гость Эхсан-баба.

– Где Франция, где Эхсан-баба!

– Француз – знакомый Джамо-муаллима.

– Да-а? – одновременно произнесли удивленные

Асвар с Хезером. Рассердились на детей, снова обступивших их:

– А ну бегите отсюда! Поговорить не дадут!

Дети рассыпались кто куда, но далеко не ушли.

Асвар, запинаясь, спросил:

– Вы и осла Эхсан-баба сфотографировали?

Фархад покачал головой:

– Нет, земляк, не получилось! Баба, правда, не возражал, но жена его нас к сараю и близко не подпустила.

Хезер дернул за полу Асвара:

– Погоди-ка. Какова же цель вашего приезда? Что нужно французскому журналисту в нашем селе?

Фархаду надоели расспросы:

– Да говорят, ослица Эхсан-баба родила золотого и серебряного осленка. Вот мы и приехали разобратся, что за дела такие. Не слышали, что ли?

Хезер еще что-то хотел сказать, но осел Фати-киши отвязался и стал бегать по площади. Журналист, показывая на него Фархаду, покатился со смеху. Помчался следом за ним с фотоаппаратом. Фотоаппарат часто щелкал, непрерывно вспыхивая. Фархад кинулся за ним. Асвар хлопнул себя по бедру:

– Ты смотри, сосед, куда докатилась эта история. И если все это правда, я сильно опоздал. Ничего не вырвать мне из рук деверей.

Хезер стал якобы утешать его:

– Может, и тебе что перепадет, не отчаивайся, – и не смог удержаться, чтобы не посмеяться. – От хвоста или чего другого что-нибудь дадут! Зять как-никак! Вот мне ничего не достанется, точно знаю...

Асвар сел на своего осла. Ему совсем не понравились ярко блестящие в сумерках глаза Хезера. Он молча направился в сторону своего дома.

Журналист Жан все никак не мог закончить снимать всех ослов, лошадей, кошек и собак села. Фархаду надоела эта прогулка, которую он считал бессмысленной. Неохотно отвечал на вопросы увязавшихся за ними сельских ребятишек. Видя его недовольство, Жан сказал:

– Месье, сейчас пойдем, вот только сфотографирую этих детей, каждого в отдельности. Посмотри, как они просят, – и, показывая на дергавшего его за руку ребенка, добавил. – Что он говорит?

– Он хочет, чтобы ты выслал ему его фотографию.

– Месье, но это же невозможно!

– А чего тогда ты им морочишь голову? – разозлился Фархад.

Журналиста Жана смутил справедливый упрек. Он закрыл крышку фотоаппарата, пробурчав:

– По-твоему выходит, что я и ослам должен разослать их фотографии?

Фархада рассмешили его слова, настроение стало лучше. В это время к ним подошел Истам-ага:

– Где вы пропали? Баба беспокоится о вас. Велел мне найти и привести вас, как бы чего не случилось.

Фархад обрадовался его появлению и, оправдываясь, сказал:

– Да этот злыдень никак не отстанет от кошек и собак! Я устал, ноги отваливаются, а он развлекается, как ребенок. Месье Жан, пойдем, нас ждут.

Журналист молча пошел за ними. Чувствовалось, что он тоже устал. Фархад спросил у Истам-ага:

– Зачем мы Эхсан-баба? Или по французу соскучился?

Истам-ага засмеялся:

– Баба некогда скучать. У него гости.

Фархад с интересом:

– И кто же?

– Сыновья и с ними французский ученый с дочерью.

Выслушав Фархада, журналист заторопился.

Спокойная улочка Эхсан-баба кипела, как пчелиный улей. Приезд сыновей взбодрил стариков. Эхсан-баба было не узнать. Стал совсем, как парень молодой. Спина распрямилась, голос звенел.

Две соседские женщины во дворе готовили угощение. Выполняли распоряжения Гиля-нене. Видя, что гостей прибавилось, Эхсан-баба заказал Гарди-ами двух баранов. Вскоре животных привели, но резать не стали, пустили попасться среди деревьев.

За домом гудел привезенный Аби генератор, но на веранде шума его почти не было слышно. Когда в воротах появился Джамо, дали свет. Дополнительно зажженные во дворе лампочки заставили двор сверкать. А машина, на которой приехал Джамо, подняла на ноги все село. Все высыпали посмотреть на нее.

На веранде, сидя на расстеленных коврах, люди говорили об открытии моста, о благом деле Аби. Гарди-ами сидел возле Эхсан-баба, облокотившись на подушку-мутакке. Шутки аксакалов веселили народ. Эхсан-баба не унимался. Говорил сидевшему перед ним Джамо:

– Сынок, где нашел ты этого мужика с козлиной бородкой?

Джамо, не глядя на профессора, у которого никак не получалось поджать под себя ноги, улыбнулся:

– Это друг мой, большой ученый, из Франции приехал.

Баба огляделся:

– А где же наш француз? Где пропал Истам-ага?

– Еще не пришел, баба...

Это сказала Гюльзар снизу. Она стояла во дворе. Потом она передала Джамо:

– Дядя, тебя здесь спрашивают.

Джамо не спеша спустился вниз. Собравшиеся на другом конце веранды сельские женщины поедали глазами горожанок. Гюляр, взяв под руку Жанет, пошла навстречу Джамо. Француженка закричала:

– Месье Джам, женщины вашего села всю меня осмотрели, как будто вообще людей не видели.

Джамо улыбнулся:

– Вы позвали меня сюда, чтобы поделиться этими ценными мыслями? Или какое-то дело ко мне?

Гюляр игриво:

– Устали сидеть. Хотим отдохнуть. Разреши выйти, немного погулять.

Джамо подозвал Гюльзар:

– Отведи их прогуляться, племянница.

– А домой к нам тоже можно, дядя?

– Было бы хорошо, но возьми фонарь. На дорогах темно. Развлеки их разговором...

– Ну, о чем я могу говорить с этим чучелом, дядя? Ни она меня не понимает, ни я ее, – любопытствовала Гюльзар.

– Говори, что хочешь, а Гюляр переведет.

– А тетя Гюляр знает французский так же, как и я!

Гюляр рассмеялась без обид. Джамо же пригрозил племяннице пальцем:

– Глупышка ты, на пальцах объясняйся.

Гюльзар, смеясь, взяла под руки Гюляр с Жанет. Они пошли к воротам. Стоял лунный вечер. Фонарь был ни к чему. Гиля-нене подошла к Джамо. Женщина стала шустрой, как ястреб:

– Наклонись, сынок, поцелую тебя. Соскучилась сильно.

Джамо выполнил ее просьбу.

– Ох-ох, ожила я, сынок. Когда вас вижу, мне словно дарят целый мир.

Джамо улыбнулся и обнял мать. Из-за тендира, вытирая грязные руки о тряпку, вышел Аби.

– Кажется, мама, ты нашла любимого сыночка? Когда меня так обнимешь? Я ведь тоже твой сын.

Гиля-нене обняла и Аби. Какое-то время постояла, положив голову ему на грудь. Джамо насмешливо:

– Вот не можешь ты придержать язык свой, да? Мало тебя в детстве били? Еще не стал человеком?

Аби ответил ему в тон:

– А разве от битья человеком становятся? – и сменил разговор. – Наполнил бак водой, привез электрический насос. С ручным насосом дело не идет. Баню привел в порядок. Печь затопил, может, гостям твоим горячая вода понадобится. Пусть не говорят, что в Африку попали. Если все это значит быть человеком, так я им и стал.

Джамо благодарно посмотрел на него. Ему стало неловко за свои слова:

– Прости, я пошутил. Спасибо, не стыдно перед французами. Уже тем, что свет провел, ты смыл все свои грехи, а то я всю дорогу переживал.

Аби указал на сидящих на веранде людей. Сказал Гиля-нене:

– Да здесь, нене, народу на целую свадьбу. Еды у тебя на всех хватит?

Гиля-нене уверенно:

– Не беспокойся, сынок, только хлеба не хватит, и тот сейчас принесут дочки Гарди. Они сегодня пекли хлеб в тендире. Завтра сама спеку и верну им.

Аби с Гиля-нене, разговаривая, пошли к печам. Джамо не смог подняться на веранду. Увидел у во-

рот незнакомых людей и остановился. Они не похожи были на сельчан. Пошел к ним навстречу. Сразу узнал французского журналиста. Он так удивился его появлению здесь, что закричал:

– Месье, что ты делаешь в этих горах?

Месье Жан получил огромное удовольствие, услышав чистую французскую речь:

– Здравствуйте, месье Джам, рад видеть. Эти горы – скопище тайн. А я – продавец тайн. Знакомьтесь, месье Фархад – мой переводчик, из ваших студентов.

Эхсан-баба, приметив с веранды Истам-ага, громко сказал:

– Ага, веди-ка сюда и горожанина, и француза.

Истам-ага с Фархадом поднялись на веранду, а месье Жана Джамо задержал:

– Какова цель твоего приезда, месье Жан?

Месье Жан не мог высвободить руку из сильных пальцев Джамо. Пришлось сказать правду:

– Месье, я приехал по поводу ослят.

От удивления Джамо разжал пальцы:

– Что? Откуда ты это знаешь?

Месье Жан стал юлить:

– Наши газеты писали.

– Месье, да у тебя с головой совсем плохо. Откуда могут знать об этом ваши газеты?

– Я написал, – сознался месье Жан.

– Но кто тебе сказал об этом?

– Мадемуазель Жанет.

Эхсан-баба с веранды снова позвал француза. Злой от услышанного, Джамо пошел следом за журналистом, но перед всеми собравшимися расправлять его не стал. Не к месту было.

Месье Жан сел на предложенное Эхсан-баба место, поджав под себя ноги. Он с ходу принимал местные обычаи. Говорят, кто много видел, много знает.

– Месье Жан, и вы здесь? – спросил профессор, радуясь, что нашел человека, с которым можно говорить без переводчика. – Месье Джамо и вас пригласил? Странно, я и не знал.

Журналист же, получив выговор от Джамо, и не рад был встрече с профессором, грустно сказал:

– Бонжур, месье Морель, о приезде моем сюда поговорим после.

Джамо сел рядом с профессором. Эхсан-баба, не отрывая взгляда от сердитого лица сына, проговорил:

– Сынок, перед всем этим людом говорю тебе, что у этого французского журналиста легкая нога. Не успел он приехать, как починили мост, вы приехали, приехала невестка моя, которую я видел всего лишь раз, и свет горит у нас. Что с того, что он француз, даже если и неверный он, но нога у него легкая.

Гарди-ами нетерпеливо:

– Ты, баба, вознес этого француза прямо до небес. Эхсан-баба посмотрел на него с укором:

– Не будь, сынок, занудой, слушай...

Джамо, переводивший профессору слова отца,

запнулся. Месье Морель зашелся от смеха. Джамо, который был все еще зол, грубо спросил:

– Месье, что здесь смешного?

Профессор извинился:

– Пардон, месье Джам, меня развеселило то, что один аксакал называет другого аксакала «сынком»...

Эхсан-баба, не смущаясь разговором и смехом гостей, продолжал:

– Джамо, скажи этим неверным, чтобы не перебивали меня. Речь о французском журналисте. Кажется, он немного слаб умом. Из самой Франции приехал только для того, чтобы посмотреть на моих ослят. Я был поражен! Не знал, плакать мне или смеяться! Мы всегда считали их умнее нас, французы, мол! Оказывается, это просто разговоры! В глупости своей они не отстают от наших глупцов! Может, говорю, это от земли да от воды нашей, от воздуха здешнего? Чья бы нога сюда ни ступила, дуреет тотчас. Или, может, из Франции сюда прибыл самый глупый из них? Ведь никто же не отправится в такую даль только для того, чтобы посмотреть на осла!

Верзила Исми подкинул словечко:

– Баба, ты ведь не знаешь французского! Может, просто не понял ты, о чем он говорит? Может, он по другому поводу приехал?

Эхсан-баба рассердился на Исми-киши:

– Замолчи, мальчишка, я не так наивен! Французский журналист приехал с переводчиком. Этот чело-

век перед вами. К тому же он из наших. Может, он хорошо не знает французского языка и переводит, как попало? Джамо, сынок, а ну-ка проэкзаменуй его.

Джамо с улыбкой взглянул на Фархада:

– А что такого натворил этот молодой человек, баба?

Эхсан-баба достал из-под тюфячка газету и протянул ему:

– Говорит, что эта газета во Франции вышла, и написано в ней о моем осле. Прочти-ка! Скажи, так ли это? – он протянул сыну газету.

Джамо поднялся. Взял газету, прочел, покраснел и со злостью посмотрел на опустившего голову месье Жана. Спросил у отца:

– Чего хотел журналист, баба?

Эхсан-баба нетерпеливо:

– Ты газету читай. И скажи мне, правду ли говорит этот городской мальчик? Может, врет? Ты ведь ученый, читай!

Джамо стал читать и переводить:

– Азербайджан – восточная страна, известная своей нефтью... и так далее... В этой стране живет мужчина ста тридцати лет по имени Эхсан-баба. Недавно ослица его родила осят-близнецов. Самое интересное то, что один осленок – золотой, а другой – серебряный...

Эхсан-баба перебил его:

– Так и написано? Значит, городской мальчик все верно перевел?

Фархад обиженно, как ребенок:

– Баба, здесь моей вины нет! Что говорил француз, то я и переводил.

Хезер сидел рядом с Джуда Баги. Оба молча слушали. С интересом ждали, чем дело кончится.

Съежившийся в сторонке Асвар больше не мог сдерживаться:

– Баба, и ты повел этого неверного в сарай?

Эхсан-баба не обратил внимания на зятя, удивленно огляделся:

– Значит, это правда? Мое имя попало во французские газеты. Надо же! Кому нужна такая ложь? Чья это работа? Кто так настроен против меня? Теперь и НКВД нет, чтобы сказать, что это их работа...

Асвар в бешенстве:

– Показал ты, баба, французам сарай или нет? Сил никаких уже нет! Отвечай же!

Эхсан-баба покосился на зятя, вздохнул:

– Нет, сынок, Гиля-нене не позволила. Я хотел...

Джамо предложил:

– Пойдем, баба, покажешь народу и сарай, и ослят. Решим уже этот вопрос. – Он покачал головой. – И зачем тебе все это было выдумывать? Разве бывают ослы золотые или серебряные? Всполошили весь народ...

Эхсан-баба гневно затряс седой бородой:

– Не говори глупостей! Не посмотри, что большой

ученый! Задам тебе трепки! Что и кому я сказал? – И вдруг пригрозил Асвару. – Это работа Ниниоглу! Он первым пришел к нам! Как и отец, любит воду мутить. Опозорить меня хочет на все село...

Асвар испугался грозящего ему пальцем старика:

– Нет, баба. Это не моя работа! Гиля-нене продиктовала Гюльзар письмо. В Баку послала. Твоя внучка лгать не станет...

Чтобы прояснить дело, Джамо тихо спросил:

– Баба, ты ничего не знаешь о письмах, отправленных нам?

Эхсан-баба в растерянности:

– Нет, сынок! О письмах я знаю, но о чем они, понятия не имею. Это все дела Гиля негодной. Что она написала?

– Написано, что один осленок родился золотым, другой серебряным.

Эхсан-баба был поражен:

– Вот так и написано?

Джамо кивнул. Кивнул и Аби. Эхсан-баба посмотрел на них, потом поднялся. Позвал старуху Гиля, которая на другом конце веранды занята была обедом:

– Гиля, пожалуй-ка сюда...

Во внешности Гиля-нене, вышедшей из окружения женщин, было что-то такое, что заставило Эхсан-баба проглотить вертевшиеся на языке слова. После болезни старик и впрямь побаивался старухи.

– Что такое, баба? – спокойно спросила она.

– Дай ключ от сарая, – он протянул руку.

– Сейчас буду обед подавать! – застыв, сказала старуха. – Зачем тебе сарай?

Эхсан-баба больше не мог сдерживаться:

– Это что за дела ты устраиваешь на мою голову? Что за письма понаписала ты детям? Где это видано, чтобы ослица золото да серебро родила? Умом тронулась? Совсем голова не в порядке?

Гиля-нене стерпела эти оскорбления. Она так решила. Пусть даже живую змею повесят ей на шею, она никому не скажет, где золотой осленок. Она не стала спорить с хозяином дома при всем честном народе.

– Знаешь, баба, от тоски по детям человек и умом тронуться, и даже на тот свет отправиться может. Подумала, пока жива, увижу их всех, – пробормотала она. – Имея трех сыновей, быть такими одинокими, разум и помутится...

Женщина не договорила. У ворот слышался шум машины. Вышедший из нее Джуму громко сказал:

– Здравствуйте, баба, нене! Что это у вас народу собралось, как на свадьбу?

Эхсан-баба, забыв обо всем, поспешил его встретить. Оживился и народ. Гамар-ханум раньше мужа поспела к Эхсан-баба, радостно спросила:

– Баба, как наша доля? Другим не отдали?

Эхсан-баба обнял невестку, потом обнялся с Джуму. Спросил у Гамар-ханум:

– О какой доле речь, дочка? Есть у нас баран, сейчас зарежем у ваших ног.

Гамар-ханум высвободилась из объятий Гиля-нене:

– Что за баран? Ты о золоте скажи! Мы бы сразу приехали, как только получили письмо Гиля-нене, но сказали, что дорога перекрыта. И теперь, забрав свой пай, должны тотчас вернуться обратно. Джуму предложили должность высокую. Завтра мы должны быть в Баку...

Баба улыбнулся, насмешливо стукнул ладонью Джуму по спине:

– Значит, и ты приехал из-за золотых ослят? – он покачал головой. – Как ты мог поверить этим слухам?

Джуму стало стыдно. Он потер лицо.

– Откуда, баба, знаешь, что поверил? – сказал он.
– Я подумал о другом. Решил, что...

Эхсан-баба сделал страшные глаза виновато хлопавшей глазами Гиля-нене, перебил сына и сердито сказал:

– Эх, никчемная твоя голова, иди сама открывай сарай. Вот уже и Джуму приехал, больше нет причин тянуть. Посмотри, что ты устроила! От Франции до наших краев устроила переполох...

Гиля-нене достала висевший на шее ключ и пошла к сараю. Все двинулись следом. Интерес собравшихся посмотреть на чудо еще не пропал. Гиля-нене

отперла двери и отошла в сторонку.

В центре темного сарая на слабых ногах с трудом стоял поблескивавший осленок. На шум он дернулся и ткнулся под мать. Ослица подняла голову, посмотрела на столпившихся у порога людей и закричала. Потом вдруг бросилась вскачь, обежав маленький сарай. Пару раз лягнула бросавшегося ей под ноги осленка. Осленок мячом отлетел к дверям и больше не шевельнулся. Все застыли, не проронив ни слова. Только журналист Жан щелкал фотоаппаратом. Эхсан-баба сказал: «Помилуй, Аллах...» Интересующийся всем на свете журналист Жан, обойдя пораженных людей, прошел вперед. Провел рукой по блестящей коже осленка, усмехнулся и что-то сказал по-французски. Помахал блестящей рукой. Баба спросил у Джамо:

– Что он говорит, сынок?

– Журналист говорит, что это фосфор.

Аби с интересом:

– Откуда здесь фосфор?

Джамо показал в угол сарая:

– Баба, что это там блестит в углу?

Эхсан-баба махнул рукой:

– Ничего, сынок, в прошлом году принес я с гор немного земли. В темноте она блестела. Я заметил, что, размешивая ее с водой, она крепчает, как камень. А при обжиге становится похожей на стекло. Вот и привез немного, решил, что пригодится. Но заболел, так она и осталась лежать. А эта ненормальная

ослица прирастилась к земле той. Так и ела. В углу то, что осталось, кажется, все и съела...

Джамо перевел все гостям, потом заспорил с Жаном. Только теперь они разговаривали спокойно. Последними словами журналиста были:

– Блеск осленка от воздействия фосфора. Осленок питался им, еще будучи в чреве матери, вот и блестит. Но мне кажется, что это временное явление. Это прошло бы, жаль, что осленок умер, – заключил он и пожаловался переводчику. – Месье Фархад, мы приехали напрасно. Меня уволят с работы.

Гарди-ами вмешался:

– Джамо, сынок, эта французская каналья думает, что весь мир понимает французский. А с тобой что? Говори на нашем языке! Дай и нам понять! – сказал он и, выслушав объяснения Джамо, добавил. – Ладно, с судьбой серебряного осленка все понятно, а где же золотой? Где припрятала его старостина дочь?

Гиля-нене покосилась на него. Ворча, отошла подалее, и в это время в воротах появился молла Бала. Гарди-ами пошутил:

– Что ты за человек, молла Бала! Моллинское племя – оно такое, как где объявится покойник, они тут как тут.

– Говоришь, и он вернулся из-за золотого осленка? – предположил Эхсан-баба.

Гарди-ами подтвердил:

– А как же! Иначе, что он мог потерять в этих горах?

Молла Бала прихрамывал больше прежнего.

Пока он неуверенно подходил, у забора остановилась машина. Выпрыгнул молодой человек из нее, почти бегом вошел во двор. По черному костюму и галстуку было понятно, что он из районных чиновников. Увидев в ярко освещенном дворе столько народу, он растерялся.

Джуда Баги, узнал его, пошел навстречу:

– Что ты здесь делаешь, муаллим?– поздоровался он с ним.

Молодой человек, сняв шляпу, всех поприветствовал и сказал:

– К Эхсан-баба пришел я.

Этот человек был новым директором районного музея. Была у него и ученая степень. Поначалу он спокойно учительствовал. Но, заняв этот пост, уже покоя не знал. В короткие сроки отремонтировал здание музея, увеличил количество экспонатов. С Джуда Баги они обычно перешучивались. Обращаясь к Эхсан-баба:

– Баба, это опасный человек! Все, что попадает ему в руки, тащит в музей! Он как жук, камни, железки, все волочет в район, все нумерует. Говорит, исторический экспонат. Достает главу района с тем, что музею нужно новое здание....

Директор музея осадил Джуда Баги:

– Говорили, что Джуда Баги знает все, и то, что над землей, и что под ней! Оказывается, все ложь!

Меткое замечание нового гостя пришлось по

душе Эхсан-баба. Он подошел к нему:

– Добро пожаловать, сынок! Людей из района сюда и трактором не затащишь! Какими судьбами ты здесь?

– Говорят, гробницу на Гызюрду нашел ты. Хорошо знаешь, где та пещера. Вот приехал попросить, чтобы завтра отвел ты меня туда.

Эхсан-баба с удивлением:

– Как скоро ты спохватился. До сего времени никто и не интересовался.

Директор торопливо проговорил:

– Я человек новый, баба, за дела прежнего директора не отвечаю. Я заново должен обследовать пещеру.

Эхсан-баба покачал головой:

– Опоздал ты, сынок, после землетрясения место пещеры потеряно. Теперь ее не найти.

Директор музея ударил рукой по колену:

– Жаль! Все пропало!

Эхсан-баба заинтересованно:

– Объясни-ка, что пропало?

Директор музея вздохнул:

– Баба, те глиняные статуэтки, мечи, кинжалы, что передал ты в музей, – все это из золота. Их просто сверху покрыли глиной. Я слышал, там были глиняные щиты, посуда... – он умолк.

Молодой ученый не стал объяснять, что это дела древних жрецов. Хозяин гробницы был, вероятно, важным человеком. Они не удовлетворялись тем,

что похоронили его в тайном месте, в недоступной горной пещере. Веря в то, что покойный однажды очнется от мертвого сна, они предприняли особые меры. Жрецы позаботились обо всем. Сложили в пещере и оружие его, и доспехи, и утварь. Не забыты были и статуи близких людей, жены, детей, слуг. Из мира тьмы в мир света его должны были вынести отлитые в статуях бараны. Его конь тоже был под рукой. Это знают все: герой без коня, как птица без крыльев. А то, что жрецы заварили все предметы глиной, говорит об их предусмотрительности. Они учли, что курганы могут разорить, гробницы открыть. И если такое случится, не имеющие ценности глиняные предметы так и останутся лежать никому не нужные. Проснувшегося героя бараны вывезут на свет божий, он сядет на коня и увидит рядом с собой спрятанные под слоем глины оружие, утварь, жену, детей и близких.

Молодой человек не собирался рассказывать то, что знал.

Эхсан-баба с сожалением:

– Вай-вай! Ты смотри! Честно говоря, я думал потихоньку перевезти все, что там есть. Но, видя, как отнеслись к этому в районе, разозлился. Оставил это дело. А потом, когда я передумал, было уже поздно. Во время землетрясения горы столкнулись, и пещера пропала. В последний раз я привез фаянсовую лошадь... Она в сарае, в яслях... Говоришь...?

Директор музея радостно:

– Да! Да! Пошли, посмотрим...

Эхсан-баба поднял голову и сказал одиноко стоявшей на веранде Гиля-нене:

– Старостина дочь, что-то я не вижу в яслях статуи, куда ты ее положила?

Гиля-нене безразлично:

– Ослица разбила вдребезги, осколки я собрала и выбросила.

Директор музея с надеждой:

– Внутри ничего не было?

Гиля-нене нервно:

– Она же не живая была, чтобы ожеребиться... Пустая была, – сказала она и пошла в сторону кухни.

На этом дело и кончилось бы. Но во дворе появились еще двое. Джуда Баги, узнав и их, прошептал на ухо Эхсан-баба:

– Плохи твои дела, баба... Это государственные люди.

Эхсан-баба громко:

– Кто бы ни был, он гость от Аллаха, сынок! Не говори так.

Джуда Баги рассмеялся:

– Баба, это налоговые инспекторы. Наверное, прослышали, что ты без разрешения выращиваешь золотых ослят, пришли взыскать с тебя налог...ха, ха, ха!

Все во дворе расслабились, оживились, и разговор пошел дальше своим чередом.

РАССКАЗЫ

Пусть живут

Работа у парикмахера Алиша, можно сказать, физическая: к концу смены так намотаешься – ноги не держат! Мудрено ли, что едва домой доберешься – так и тянет на диван! Но и дома не очень-то отдохнешь: лето на дворе, жара. И хоть все окна и двери настежь – дышать нечем. Да еще и комары...

– Разве это жизнь? – сквозь охватывающую его дрему услышал Алиш скрипучий голос вечно недовольной жены. – Это проклятое комарье жалит без устали. Житья нет совсем. Говоришь, говоришь ему – все без толку. Лежит себе на диване и в ус не дует!..

Алиш не открывал глаза, делая вид, что спит. Но жена не унималась.

Алиш открыл глаза и сел, почесывая потную грудь. Он знал, что если жену вовремя не остановить, она может далеко зайти.

– Хватит людей смешить. Что тебе будет с пары комариных укусов? – Алиш зевнул. – Комары тоже

живые существа и тоже жить хотят. Если тебя, меня, родственников и соседей кусать не будут, так они же с голоду помрут! Не жалко?..

– Что? Издеваешься? Себя подставь – пусть на здоровье кусают. Нашел кого дурачить!

– Эх, жена, жена! Где твой разум? Ведь природа предопределила, чтобы комары кого-то кусали... Пусть живут...

– Ей богу, Алиш, за словом в карман тебе лазить не приходится. Что же, по-твоему, и продавцу Са-драддину положено вместо килограмма взвешивать восемьсот граммов? Пусть живет? Пусть все под прилавок прячет, а то на что ему, бедолаге, дачу с машиной купить! На сто рублей зарплаты, что ли? Так? А «гаишник» Джафар! По пятерке собирает и у правого, и у виноватого. Вот так вот! Пятерку – одному, червонец – другому, четвертак – акушерке, полста – главврачу...

– Хватит, хватит! Ты все на счета кладешь. Нельзя так. Не каждый же день в родильный дом идешь.

– Вот такие, как ты, и портят окружающих. Позавчера сантехник из ЖЭКа кран отремонтировал. Трояк ему за это дал? А почему? Это же его работа!

Алишу совсем расхотелось спать.

– Слушай, ты мне надоела, – сказал он. – Я, что ли, по-твоему, установил эти правила? Так как же я могу их отменить? А? Вот возьми, к примеру, меня самого: за счет кого я живу и тебя кормлю? За счет

этих самых людей: одна голова, две щеки – три рубля. Ни копейкой меньше! Пусть попробуют не дать – в следующий раз вместо бритвы тупым топором побрею! Что же ты прикажешь рубить сук, на котором сижу? Шутишь, жена, не стану я этого делать! Пусть живут! Пусть живут комары, мухи, гады ползучие, клиенты мои разнообразные. Пусть живут! И другим пусть жить дают! Поняла?..

Я – рационализатор

Был погожий солнечный день. Папа собирался на субботник.

– Пап, – пристал к нему я, – когда кончишь кормить меня обещаниями показать завод? Можно мне пойти с тобой?

– Ну, хорошо, – без особой охоты согласился папа. – Только не мучай меня вопросами. Идет?

Не успели мы подойти к заводу, как я уже рассердил отца. Он ушел далеко вперед, а я застрял на Аллее Почета у фотографий передовиков.

– Эльчин! – окликнул меня папа. – В чем дело?

– Папа, кто это?

– Начинается... – недовольно пробормотал отец, возвращаясь ко мне. – Вот этот, что ли? Свердловщик Джалал Джалалов. Доволен?

– А чем он занимается?

– Работает на сверлильном станке, сверлит в разных деталях дырки. Если собрать воедино все дырки, которые просверлил Джалал, ими можно опоясать земной шар. Понял? К тому же он – лучший рационализатор завода.

– А что такое рационализатор?

Отец почесал в затылке.

– Как бы тебе попроще объяснить... Вот, к примеру, делают люди какую-то работу, и на это уходит у них целый рабочий день. И тут приходит рационализатор и предлагает такой способ работы, при котором дело идет быстрее. Например, за полдня или за три четверти. Понял, кто такой рационализатор?..

Мы включились в субботник, убирали и чистили от мусора территорию завода, собирали отходы производства, пропалывали газоны.

Я не отставал от папы, у него улучшилось настроение. И я решил задать ему еще один вопрос.

– Пап, а кто тот дядя, который рядом с Джалалом, справа от него? Он еще немного на быка смахивает!

Отец рассмеялся.

– Ну и любитель ты клички людям давать! Разве так можно?

Он – очень уважаемый человек, у него более ста рационализаторских предложений. Вот одно, для

примера. У нас на станках стоят лампы с резьбой. Эти лампы часто перегорают, и их не оказывается на складе.

И вот этот человек предложил вместо ламп с резьбой, которых нет в наличии, использовать лампы без резьбы, которые уже несколько лет валяются на нашем складе.

– А зачем завод купил никому не нужные лампы? – удивился я.

Вопрос застал отца врасплох.

– Видимо, кто-то что-то напутал, – неуверенно пробормотал он. – Это иногда случается, но завод от этого не беднеет.

– А трудно было приспособливать эти лампы?

– Не очень. В станке кое-то переделали.

– А что будет потом? Опять будете переделывать в другую сторону?

– Что-то ты больно умный стал, как я погляжу. Занялся бы лучше своими проблемами.

И тут меня осенило.

– А сколько этому «быку» заплатили за его идею?

– Кажется, сто рублей.

– Тогда у меня тоже есть идея. Только не пугайся, она касается наших семейных проблем. Ты заметил, как скоро у меня на коленках протираются до дыр брюки? Пусть мама, не дожидаясь этого, пришьет мне на колени три-четыре заплатки. Одна протрется, – следующая наготове. А если в гости

вдруг надо пойти, заплатки отпорем, – и брюки – новые! Ну и как? А на вознаграждение можете мне купить настольный футбол, – давно обещали!..

Перевел Б. Севимли

Первая любовь

Рубеж «35» он переступил холостяком. Внешне казалось, что это его вполне устраивает. Тихий, спокойный, работага. Лицо как лицо – слегка смугловатое. Может, кто-нибудь ему препятствовал? Наоборот, мать с отцом, да и остальные родственники были бы рады. Даже соседи с нетерпением ждали этого счастливого дня: уж больно парень хороший. Телевизоры, холодильники, электроплитки желали, казалось, чтобы их ремонтировал только он. К тому же, делал он это с охотой и всегда бесплатно.

Да и вообще: кому может принести вред чужая женитьба, чтобы ей препятствовать? Можно даже определенно сказать, что каждый женатый хочет видеть холостяка в этом же качестве – пусть все в равной мере мучаются!

И, когда уже все думали, что дело это безнадежное, одна добрая старушка из тех, кто свой святой долг видит именно в том, чтобы кого-то женить,

нашла-таки ему девушку. Причем оказалось, что девушка эта работает экономистом на том же заводе, что и Исмаил (а нашего героя звали именно так). Тридцать лет, тоже тихоня, и всегда почему-то грустная.

Столкнули их для знакомства «чисто случайно» на одном праздничном сборище. А потом они вдруг сами по себе встретились, выйдя после работы одновременно из проходной. Слово за слово, через пару дней они вместе отправились погулять.

Первое свидание! Кровь кипит, как вода в горной реке. Кто может забыть такое в своей жизни? Но эта встреча ничего такого не напоминала. Для них обоих все было в прошлом. В глазах Исмаила возник образ его первой девушки. Те, что были за ней, приносили сплошные разочарования. Какими похожими они все были! Вначале он их живо интересовал, все шло, как по маслу, и порой заходило довольно далеко. А потом, стоило ему рассказывать о той, первой, все сводилось к смеху, или слезам. От тех, кто над ним потешался, Исмаил сам уходил, плачущие – покидали его сами.

«Не нравится женщинам правда!» – решил Исмаил и зарекся кому-либо рассказывать про свою первую любовь. Вот и теперь, беседуя с девушкой, он старался говорить о всякой всячине, не касаясь серьезных проблем.

– А почему вы не вышли замуж? – решился он, наконец, когда они начали друг к другу привыкать.
– Ведь вы красивая, стройная девушка...

– Мне никто не нравился, – просто ответила она. И подумала о том, что если бы не слезы матери, сокрушавшейся по поводу ее одиночества, она бы не за что не вышла бы из дому с кем бы то ни было. А перед глазами тем временем возник образ того, кто навеки унес с собой ее сердце и девичьи мечты...

– И мне, – «признался» Исмаил, вздохнувший еще горестнее своей спутницы. Почему так устроен мир, что даже хорошему знакомому приходится врать.

Каспий дробил на тысячи частей купающееся в волнах солнце. Они прислонились к резной ограде бульвара.

– Вы не слышали о новом дополнительном обязательстве нашего трудового коллектива? – спросил Исмаил. А про себя подумал «Ну и идиот же я!»

– Слышала, – вежливо ответила девушка.

– Давайте поддержим эту инициативу!

– ?!

– Примем обязательство до конца года все окончательно решить.

Девушка покраснела. Исмаил взял ее за руку.

– Отказы во внимание не принимаются!

– А разве молчание было когда-нибудь отказом?
– едва слышно прозвучал ответ. В душе Исмаила все перевернулось. С моря дул ветерок, навевая вновь неумирающий образ «той» девушки. Что же делать? Исмаил не выдержал:

– Мы с вами не дети. Начиная новую жизнь, надо говорить друг другу правду. Когда-то давно я любил. Признаюсь Вам, я до сих пор не могу ее забыть...

– С кем не бывает, – грустно ответила девушка.

– Это было очень давно, – продолжал Исмаил.
– Кто-то из моих родственников похитил невесту, и женщины нашего рода, в том числе моя мать, пошли к ней. Взяли с собой и меня. Невеста сидела посередине комнаты, убранная в свадебный наряд, очень красивая, но печальная и вся в слезах. Видимо, стеснялась, что выходит замуж без согласия родителей. Женщины пели, танцевали вокруг нее, утешали, как могли. Но ей было не по себе. И тут к ней подошел я.

Она посмотрела на меня своими прекрасными блестящими глазами, схватила меня, обняла и посадила к себе на колени. И я тут же в нее влюбился на всю жизнь. Никак не могу ее забыть!..

Ограда затряслась. Исмаил взглянул на девушку и увидел, что она хохочет. А прохожие улыбаются, глядя на них. Исмаил нахмурился.

– Сколько же Вам тогда было? – спросила девушка. – Года два?

– Четыре.

Девушка снова засмеялась.

– Ей богу, я не встречала такого даже в классической литературе Востока. Почему вы такой серьезный?

– Я вас что-то не понимаю. Кое-кто плакал, услышав мой рассказ.

Девушка ласково взяла его под руку.

– А если мы оба посмеемся, что будет? Мир перевернется?..

Исмаил не ответил. Он смотрел на прекрасные глаза девушки, добрые и блестящие, совсем как у «той», далекой и сказочно-недоступной.

И вдруг понял, что не любовь тогда была, а детская греза, мечта, оторванная от реальной почвы. Потому что первая любовь пришла к нему только теперь. Она была рядом, здесь, близко. И она смеялась. От счастья.

Эбонитовые четки

Совсем покоя нет от отца: заладил старик Содно и то же! Сидит – говорит, стоит – говорит, за обедом, за чаем – говорит, говорит, говорит.

Одной рукой усы поглаживает, другой – четки свои любимые перебирает. И изрекает, так сказать. А что, спросите, изрекает?

– Пора тебе сынок жениться, – говорит.

А я так привык к этой фразе, что не реагирую на нее никак. Зато и без нее мне было бы непривычно. Может быть, и аппетит бы пропал. Но отвечаю, как автомат, одно и то же:

– На что мне жениться? Холостяцкая жизнь никуда не годится, это верно. Но ведь женатому человеку семь голов требуется, а у меня только одна.

– Ба! – удивляется как всегда отец. – Зачем тебе семь голов, сынок?

– Чтобы шесть работали на жену и детей, а одна – на меня самого.

Отец сердится. Это заметно по четкам: щелк, щелк, щелк.

– Брось дурить, – начинает он свои уговоры. – Неужели ты не понимаешь сам? Мы уже постарели. Сегодня мы есть, а завтра нас нет. Нужно приводить в порядок свои дела. Ты ведь у нас не единственный. Кроме тебя еще трое, и всех нужно женить и выдать замуж. А начинать нужно с тебя, потому что ты – старший.

После этих слов даже руки опускаются. Жалко становится и их, и самого себя. Что же делать?

– Отец, – говорю я вкрадчиво, будто задумываясь. – Ну, хорошо, я согласен, но при одном условии.

О, Аллах! – закатывает глаза отец, – говори скорее это условие.

Четки выжидательно замирают.

– Купи мне машину, завтра же женюсь, – выпаливаю я.

Отец теряет дар речи и начинает с надрывом кашлять. Мать приносит ему чаю, и он, отхлебнув из стаканчика-армуду, с трудом приходит в себя.

– Ты что, издеваешься надо мной, сукин ты сын? По-твоему, я тоже не должен был жениться, раз отец не дал мне телегу, которую обещал?

– Папа, мне двадцать восемь лет, а ты продолжаешь считать меня ребенком. Я ведь прекрасно помню, как потом дед отдал тебе телегу.

– Да, это так, – признался, как настоящий мужчина, отец.

– Ну, так в чем же дело? Разве машина в наше время не то же самое, чем была когда-то телега?

Отец глубоко вздыхает и вновь ожесточенно щелкает четками.

– Ты давно окончил институт, сын мой?

– Скоро шесть лет, – как настоящий мужчина, отвечаю теперь уже я.

«Щелк!» – щелкают четки.

– А теперь скажи, сколько ты даешь денег в семейный бюджет?

– Сколько есть, – все даю, – обижаюсь я. – Я не считаю.

– Ты думаешь, я считаю? Мне просто интересно, заработал ли ты хотя бы на колеса машины?

– Ханум, – поворачивается он к матери, – ты наш казначей. Ну-ка ответь на этот вопрос.

– Можно подумать, что его заработок можно заработком назвать! Начал со 110, дошел до 170. Давать-то он всегда давал, да только одной рукой давал, другой – назад забирал. То на дорогу, то на завтрак, то на одежду, то на путевку... что там говорить, – больше уносил, чем приносил.

«Щелк!» – опять щелкают четки.

– Понял? На что же тебе машину прикажешь покупать? Ты ведь даже себя прокормить не в состоянии, а у меня таких, как ты, еще трое. Хочешь велосипед?..

Четки летят на стол. Я протягиваю руки и беру их. Отец косится, но молчит. Он не любит, когда кто-нибудь трогает его вещи.

«Щелк!» – как ни в чем ни бывало, щелкаю я.

– Я инженер, и не стоит смеяться над моим горем. Но ты сам – известный машинист, в месяц зарабатываешь 400-500 рублей. Кому как не тебе делать такие покупки? Обрати внимание на соседей. Завмаг получает 80-100 рублей, имеет «ГАЗ-24». Охранник Джафар киши купил «Жигули». Прораб Ага и чайханщик Аллахверди приобрели по «Москвичу». Об ювелире Бабе я вообще молчу. Сколько это получается?..

Я смотрю на четки с пятью отщелкнутыми горошинами.

Отец вскакивает и вырывает их у меня из рук.

– Сколько раз говорил, чтобы ты не трогал моих четок!!!

И уходит в другую комнату, закрыв за собой дверь.

Я перевожу дух. Неужели на каждый разговор о женитьбе теперь придется тратить столько сил? Не проще взять да жениться...

Клад

Начальник отдела кадров у нас молодой, но весьма энергичный. А за трудовую дисциплину воюет так, что аж за него страшно делается: вдруг стресс какой-нибудь случится? В проходной и он, и его общественники каждого опоздавшего на работу или с обеденного перерыва тут же фиксируют: хлоп, и в «черную» тетрадь! А потом Гюля, директор заводской радиогазеты, нежным таким голоском напевает:

– Трудовую дисциплину сегодня нарушили нижеследующие товарищи: Филанкесов опоздал к началу работы на десять минут, Гаджиев ушел на пять минут раньше на обеденный перерыв, Набиев вернулся с обеда на пятнадцать минут позже срока и так далее.

Так что некоторые, чтоб не попадаться на глаза контролерам, предпочитают лаз в заборе заводской проходной, и у многих это неплохо получается. Лучше всего, конечно, вообще не опаздывать. Но все случаи жизни не предусмотреть. Вот сегодня, к примеру, в зале комплексных обедов вышел из строя конвейер. Что делать, – не обедать, что ли? Уста Салим утром плохо позавтракал и решил не рисковать здоровьем.

Когда он проходил к проходной, электронные часы показывали на десять минут более позднее время, чем было положено по распорядку. Уста Салим был уже далеко не мальчик. Сейчас он искренне жалел, что это не так. Более молодые воспользовались «лазой», а ему пришлось отдать себя в «руки правосудия».

– Ну и что? – грозно спросил начальник ОК. – Думаешь, не запишу?

– Конвейер...

– Дисциплина для всех одна! Десять минут в масштабе завода – это стихийное бедствие. Это хуже землетрясения, если хочешь знать, Салим-киши! Помножь-ка эти десять минут на шесть тысяч работников. Плюс то, минус это, разделить, возвести в степень, извлечь корень... Итого – 1000 часов. Тысяча! – Начальник отдела кадров поднял вверх указательный палец. – Сто двадцать пять рабочих дней. Видишь? Настоящий клад рабочего времени!

– И все-таки ты не там ищешь, Алигейдар, – уста Салим почесал в затылке.

– Что ты сказал?

– Не там, говорю, клад ищешь. Лучше пойдем со мной, я тебе настоящий клад открою.

– Куда с тобой?

– Тут рядом, до нашего цеха рукой подать!

Когда начальник отдела кадров вместе с сопровождающей его свитой вошел в цех, минуло тридцать минут с окончания обеда. Однако в цехе висела непривычная для производственного помещения тишина. Станки молчали. Зато то в одном, то в другом углу цеха слышалось легкое перестукивание нард и костяшек домино. Некоторые рабочие откровенно дремали.

– Что это за безобразие?! – изумился Алигейдар.
– Да как вы смеее в рабочее время?..

Он двинулся было на «доминошников», но уста Салим спокойно остановил его:

– Не спеши. Эмоции тебе еще пригодятся. Лучше послушай, что я тебе скажу. Ты какой «клад» обнаружил: тысячу часов? Считаешь ты хорошо, в этом я убедился. Теперь давай еще несколько цифр перемножим. Ты думаешь, что уста Салим на старости лет совесть потерял, у государства время драгоценное ворует? А я, к твоему сведению, потому и опоздал, что торопиться мне некуда и не к чему. Видишь, что творится? И так минимум десять дней

в каждый рабочий месяц. Цех стоит, потому что заготовки и материал выдают только с пятнадцатого числа. Зато потом – «аврал», по две смены порой приходится «пахать». Вот и помножь сто наших рабочих на день простоя. Сколько получится? Одна тысяча рабочих дней. У кого больше «клад»: у тебя или у меня?..

– Куда же смотрит ваш начальник цеха?

– На часы. Все у нас на часы в это время смотрят. Не дождётся, когда смена кончится!

– А директор?

– Директор давно привык. У него голосовые связки за это время отдыхают, а то после пятнадцатого у них перегрузка. Понял, Алигейдар? Так что фамилию мою вычеркни, пожалуй, из своей «черной» тетради. А то старый мастер может ведь и устать все молча сносить. Может ведь и у него лопнуть терпение! КАК ТЫ ДУМАЕШЬ?...

Долг платежом красен

— Эй, ты! Ключ подай! – Это он мне. – Да не тот, дурья башка! Не соображаешь? Я двадцать четыре на двадцать семь хотел. А изолента где? Как так «нету»? Иди найди! Да посмотри заодно, где там главный энергетик – без него не возвращайся!

И так целый день. А то еще хуже того придумает. В ветер такой, что на земле-то едва на ногах удастся удержаться, да еще вдобавок дождь льет, как из ведра, он вдруг командует:

– Ну-ка живо на вышку! Что глаза вылупил? Марш! Кто вместо тебя электросеть проверять будет?

Ни жив – ни мертв, спускаюсь с вышки. А этот тиран опять:

– За водой сбегай! Молод еще уставать. Поработай с мое, тогда и начнешь утомляться!

Что верно, то верно – двадцать долгих лет он шел к своему шестому разряду. Не то, что я: протер двое штанов, да пять пар башмаков о каменные ступени института стоптал. И вот, извольте радоваться – электрик пятого разряда. Где же тут справедливость?

– погоди, голубчик! Пока из своего пятого разряда выберешься, ты мне цистерну воды перетаскаешь. Эй! За водой сбегай!..

Так и работали. Месяц, другой, третий. Иду к начальнику.

– Вы же говорили, что на месяц рабочим назначите. Заработок неплохой, это верно. Но ведь не для того я столько учился, чтобы провода тянуть да изоленту тянуть.

Разговор так разговором и остался. Видимо, звонка ждали. Руководящего звонка. На исходе

восьмого месяца мое терпение лопнуло. Пошел к заместителю министра. Так мол, и так, – объясняю ему. А он возьми и напиши на моем заявлении: «Назначить старшим инженером». Начальник мой аж позеленел, когда прочитал. До сих пор все никак не отойдет, зеленцой какой-то отдает. И не ладим с ним до сих пор. Ну, что же, – сам виноват! А мне это как-то... до лампочки. Я ведь тресту теперь подчиняюсь – начальник отдела техники безопасности. Вот они и ходят передо мной на задних лапках.

А с бывшим моим бригадиром конфуз приключился. После одной из аварий, в котором были виноваты электрики, я поставил в тресте вопрос о необходимости аттестовать их, то есть проверить уровень и объем знаний. Вот тут-то и выяснилось, что мой бывший бригадир даже на четвертый разряд не «тянет». Чуть не расплакался он:

– Дети, – говорит, – малые у меня.

– А если скважина взорвется, – спрашиваю. – И детям, опять же, нехорошо будет. Да и государству урон.

– Пожалей, – говорит, – начальник!

Ну я и пожалел – на месяц наказание уменьшил. Но, видимо, зря. Во-первых, как говорят, долг платежом красен. Во-вторых, если он по четвертому разряду на месяц дольше бы поработал, ему бы только польза была от физического труда. Об этом

в последнее время столько пишут, да и по телевидению говорят. А вот и он, кстати, собственной персоной:

– Эй, бригадир! Куда топаешь с проводами, весь обмотался? Я здесь, здесь – в ка-би-не-те! Глухой? На четыреста сорок пятую, говоришь? А что там? Не слышу! Вот что: брось-ка проводочки да слетай-ка нам с товарищами за чайком. А? Вот тебе термос. Да по пути стукни моим домашним в дверь: мол, инженер передал, что задержится, гость у него. Понял? Да не перепутай ничего, а то знаю я твои способности-то! Вот так, мой дорогой!..

Исчезнувший импульс

Инженер Джавад Джавадов потерял голову, последнюю ценность, которая у него еще оставалась. Как он ни бился над новой электронной схемой, на выходе получалось импульсом меньше, чем на входе. Джавад дергал провода, заменял контрольно-измерительные приборы более точными, перепайвал концы, – все было тщетно. Импульс не находился. Создавалось впечатление, что он проваливается сквозь землю.

Джавадов дневал и ночевал в лаборатории, не уходя из нее по 18 часов кряду. Оставалось только

перенести туда свою постель и вообще не покидать ее пределов.

– А может быть нам следует присвоить Джавадову инвентарный номер? – острили сотрудники.
– Уж очень он вписывается в интерьер служебного помещения...

Это было всего лишь шутка. К Джавадову, к самому старшему и опытному, все относились с уважением, хоть и отпускали порой остроты по поводу пробившей в волосах со временем крупную брешь лысины и мясистого, как ножка кресла, носа. Но ни один отчет не обходился без его корректировки.

Сегодня лаборатория гудела, как растревоженный улей. Еще бы. В гости пришел лучший друг завлаба, мясник из расположенного рядом с НИИ магазина, шутник и балагур. Кроме того, что он знал множество анекдотов, все давно убедились в его практической полезности как человека слова и дела. Вот и сейчас он по традиции принимал заказы от сотрудников.

– Тебе, Тамилла, два килограмма для кябаба, заметано. А тебе, Ханум, пять для долмы? Почему так много? Ясно. День рождения, гости... Записал.

Шум водопадом обрушился на Джавада, захлестывая его заваленный книгами и бумагами стол, внося еще больший беспорядок в чувства и мысли. Наконец, терпение Джавада лопнуло, и он вскочил со стула, бросив паяльник на подставку.

– Да тише вы, – закричал он, выходя из себя. – В таком шуме не только импульс, – верблюд может потеряться.

Тамила не растерялась:

– Пиши, брат, Джаваду верблюжье мясо.

Все рассмеялись. Только мясник ничего не понял и, растеряно хлопая глазами, спросил:

– Что за импульс, Джавад-муалим? Что это у вас потерялось?

За свои 35 лет мясник едва ли прочитал 35 страниц какой-нибудь книги, хоть и имел за плечами восьмилетку. Сотрудники лаборатории об этом знали, поэтому тут же принялись над ним подшучивать.

– Это мясо такое «импульс».

– Мясо из Африки, импорт, дефицит.

Джавад повысил голос.

– Как вам не стыдно. Прекратите. Человек не знает. Ну и что? Не обижайся, брат, на них.

Мясник смущенно спрятал записную книжку и натянуто улыбнулся.

– Я не обижаюсь. А все же, что такое импульс?

– Не знаю, как бы тебе лучше объяснить... Импульс – это электрический сигнал. Вот уже больше недели бьюсь, не могу отыскать...

– Дорогая вещь?

Джавад не мог сдержать улыбки.

– А это кому как. Для меня он бесценен, а ты, к примеру, и копейки за него не дашь.

Мясник махнул рукой.

– Тоже мне, потери. Если бы вы знали, какие у меня потери случаются, вы бы поняли, что такое настоящая утрата. Вчера на базе товар получал: десять туш баранины и четыре говядины. А машину пришлось ловить на улице, так как на базе свободной не оказалось. Приехал в магазин, разгрузился, расплатился с шофером, и он тут же уехал. Часа два спустя я решил подсчитать товар и вдруг обнаружил, что одной туши говядины и двух баранины не хватает. Представляете? Чуть сердце не остановилось. Это же больше пятисот рублей убытку. Вскочил на свою лошадку ГАЗ-24 и – на базу. Поздно. Все, говорят, верно тебе дали. Шофер? Ищи ветра в поле, – даже номера не записал. Видали, какие бывают потери? А вы какой-то копеечный импульс ищете. Кому он нужен, ваш импульс?..

Божьи твари

До семи часов вечера в магазине хозяйничают продавцы. А после семи – тетя Сума, уборщица. Аккуратная она женщина и на редкость добросовестная – все блестит после ее уборки. Молодой завмаг при всем желании не сумел бы ни в

чем ее упрекнуть. И все-таки сегодня он какой-то странный, бурчит что-то себе под нос.

– Будьте вы прокляты... – с этими словами завмаг нагнулся, ухватил под прилавком пачку «липучек»-мухоловок и бросил их перед тетей Сумой:

– На-ка, тетя, расстели их по всем прилавкам. По парочке стели, поняла?

– Зачем ты так, сынок? – Тетя Сума отерла пот со лба и выпрямилась. – Мухи – божьи твари. Бог сотворил, Бог и о пропитании позаботился. Тебе-то что за вред от них?

Завмаг остолбенел:

– Что с тобой, женщина? Ты только посмотри на них, как они все жрут. Если бы еще одна-две, а тут их целые стаи?

– Ну и что с того? Обеднеешь что ли от того, что они съели? Посмотри, какой магазин: чего только нет. Тебе хватает, продавцам твоим, даже и мне порой кое-что перепадает.

Завмаг даже дар речи потерял:

– Ну это уж слишком, – возмутился он, когда к нему вернулась способность говорить. – Мало у нас завистников, так и ты туда же. Неужели тот, кто делает мед, не имеет права облизать пальцы?

– Вот и я говорю. Сколько у нас в поселке магазинов? Кроме нашего больше нет. Весь поселок к нам ходит. С каждого по пять грамм, – вот на всех и хватит. Сколько мухи из этих пяти грамм съедят?

Пусть один. Разве это много? Бог, сотворив тебя, дал тебе твой хлеб с маслом. А ведь они тоже живые, тоже есть хотят. Так что, пока люди про весы молчат, мух трогать – грех, Бог накажет.

Завмаг покачал головой:

– Эх, тетя Сума, тетя Сума. Чужое добро всяк норовит считать. Да только суть-то не всегда на поверхности находится. Ведь пять грамм – у всех на виду. А знаешь ли ты, сколько на них охотников?

И складчик базы, и начальник, и ревизор, и еще немало захожих – заезжих. Если каждому по полграмма дать, то мне и моим продавщицам всего грамм остается. Поняла? Так вот этот грамм и съедают мухи...

Тетя Сума вздохнула:

– Откуда же мне знать про эту хитрую арифметику? Оказывается, все заранее распределено...

И взяв пачку «липучек», принялась за работу.

О лгунах

На лгунов я еще в детстве насмотрелся. Все, бывало, удивляюсь: как же это такие взрослые, усаые, солидные дяди и вдруг лгут? Но понять причину вранья я чаще всего не мог. Видимо, мал был. Вот, к примеру, был у нас один дальний родственник. Веселый такой, разговорчивый и ма-

стер на обещания. Как услышит, что у нас дома в чем-нибудь нужда, так и вскакивает с обещанием: – Я вам это достану.

И я тут же ему верил, тщетно ожидая выполнение обещанного. А мой отец только улыбался молча. Видимо, были к у него к тому основания. Но я еще в тонкостях не разбирался. Пообещает мне родственник подарить оловянных солдатиков, и я жду. Год жду, другой, третий, сам дошел до возраста солдата, а обещание так и остается обещанием. «Дядя лгун» называл я про себя этого человека, а сам себе давал торжественную клятву никогда не врать, ставши взрослым.

И вот прошли годы, я давно не ребенок, и живу по уши во вранье. Как говорится, завтрак, обед, ужин ли – все запиваю враньем, жить без этого не могу.

– Где ты всю ночь был, сынок? – спрашивает меня мать, когда я утром усаживаюсь за стол трапезничать.

– С соседом в нарды играл, – невозмутимо отвечаю я. Не объяснять же ей, что прокутил все это время с друзьями. Стыдно как-то, сами понимаете.

– Станки все на ходу? – спрашивает меня на работе начальник. Я механиком работаю после окончания института. В производстве для меня пока еще много «белых пятен». Но основное я уже освоил. А потому сразу же отвечаю.

– Да, все.

А сам точно знаю, что два станка в ремонте. Только кому эта правда сейчас на пользу? Начальник расстроится, что-нибудь нелестное отпустит по моему адресу, я ему отвечу, разгорится скандал. И это за мои-то кровные 120 рэ в месяц. А так начальник доволен.

– Молодец, – говорит. – Всегда так работай.

И я спускаюсь в цех к своим ремонтникам. – Как дела, ребята? Заканчиваете поскорее, пока начальство не нагрянуло.

– А премия будет? – спрашивают.

– А как же. Как только закончите, так сразу и распределим, кому сколько идет.

А самому доподлинно известно, что никакой премии не предвидится. Только к чему сбивать трудовой накал? Хочу тут же незаметно исчезнуть. Только Джебраил, мой лучший слесарь, держит меня за рукав.

– Слушай, – говорит, – у тебя в нашей поликлинике есть знакомые?

– А как же, – отвечаю. – Говори, что нужно.

– Справка нужна для брата. В милицейскую школу собирается поступать. А у него в горле лишнее мясо есть. На операцию времени нет. Можешь помочь? А то у парня целый год пропадает.

– Запросто, – отвечаю. – Завтра все будет «о'кей».

На завтра я могу что угодно пообещать, потому что утром улетаю в командировку на месяц.

Вот так и живу. Мне врут, и я вру беззастенчиво. А если и слышу по этому поводу что-нибудь в свой адрес, пропускаю мимо ушей. Какой смысл слышать упреки от таких же лгунов, как я сам? И только маленьким мальчикам и девочкам не могу прямо смотреть в глаза. Так и кажется, что они укажут пальчиками на меня и произнесут страшные для моей совести слова: «Дядя лгун».

Долг

Уже солнце почти взошло. Собравшийся возле чайханы народ мило беседовал. Вдруг внимание всех привлекла дорога, ведущая к базару. Один человек тащил за руку другого. Тот, кто вел, был портным Гуламгусейном, с большим животом, огромными глазами, усатый и с красным лицом, бреющимся ежедневно. Видавшие его, весящего семь пудов, за работой с крошечной иглой еле сдерживали смех. Однако он был замечательным портным. Если жених заказывал костюм в ночь перед свадьбой, к утру он уже был готов. Он был человеком слова.

Сапожник Алладин, которого за руку вел портной, был прямым, как доска, ни живота, ни зада.

Его худые и острые плечи от ежедневной, склоненной работы над рванными башмаками доходил ли чуть не до ушей. Чтобы прочистить его пропитавшиеся от краски, крема и масла руки, не хватило бы воды реки Куры. Даже банщик Сулейман не мог очистить от всего этого сапожника Алладина, в неделю раз посещавшего сельскую баню. Его вечная насмешка надоела всем – и клиентам, и соседям.

Оба они были известны в селе. Поэтому собравшиеся в чайхане оживились.

Да, портной, скрипя от злости зубами, вел ворчавшего сапожника. Не доходя до чайханы, Алладин, собрав все силы, уперся, стал просить:

– У меня к тебе слово, – сказал он. – Погоди минутку.

Гуламгусейн остановился и проворчал:

– Что?

Алладин вздохнул:

– Браток, имей совесть, – сказал, – от сапожной мастерской ты тащишь меня, хоть причину скажи.

– Там скажу, при людях. Двигайся, – не посмотрев на него, ответил Гуламгусейн.

– Ради бога, скажи здесь. Или отпусти, пойду по делам. Ради твоего единственного сына, дай мне уйти, не позорь меня.

– Не клянись сыном. Его бог послал мне после семи дочек. А ну-ка двигайся.

Сказав эти слова, Гуламгусейн не стал дальше слушать Алладина, схватил за руку и потащил

дальше. Вдруг сапожник вырвался из рук своего «тирана» и побежал, но убежать далеко не смог. Гуламгусейн нагнал его. Он ухватился двумя руками за телефонный столб и прокричал:

– Даже если убьешь, дальше не пойду.

– Еще как пойдешь, – Гуламгусейн сжал его тонкую шею в своих руках, – если не пойдешь сам, силой поведу.

– Пусти, сумасшедший.

– Ах, так. Ты еще обзываешься? – разгневавшийся Гуламгусейн оторвал его от телефонного столба, взял под мышку и двинулся к чайхане. Втолкнув его в дверь, опустил на землю.

– Дядя Анвер, поставь на этот стол кясу пити, зелень и водку, – сказав это, Гуламгусейн уселся и повернулся к своему «пленнику», – сядь.

– Сию минуту, – слышался вначале голос чайханщика Анвера, затем появился он сам в дверях кухни. – О, кого я вижу? Алладин, это ты? Думал все, как мягкосердечный Анвер, простят тебе?

Через несколько минут его подручные принесли все заказанное. Гуламгусейн усадил силой стоявшего, как вкопанный, Алладина и приказал:

– Ешь!

Алладин глупо посмотрел по сторонам. Собравшиеся в чайхане засмеялись. Все были рады тому, в каком состоянии оказался он.

– Не буду.

– Будешь, – сурово посмотрел на него Гуламгусейн.

– Через силу что ли? – запротестовал Алладин. – Скажи, что хочешь, и я пойду.

– Потом, потом, ты ешь.

Алладин волей-неволей придвинул к себе блюдо, накрошив немного хлеба, взял ложку, начал есть. Гуламгусейн открыл водку, налил в стакан и придвинул к нему.

– Пей! – сказал он.

Алладин больше не сопротивлялся, выпив, не дождавшись второго приглашения, стал есть. Находившиеся в чайхане окружили их и стали ждать исхода этой истории. Изредка вставляли словечко.

– Вот дьявол, водку пьет, как воду.

– Как будто его покойный отец Алы был пьяницей, а не муллой.

– В конце концов, скажешь причину застолья? – спросил Алладин, проглотив последний кусочек хлеба.

Гуламгусейн схватил его за руку, повернулся к собравшимся:

– Люди, вы все знаете и этого человека, и меня. Он не вернул мне долг. Я ходил на две свадьбы его сыновей, поел кусочек шашлыка, выпил 100-150 грамм водки, отдал деньги. А он не пришел на свадьбу моего единственного сына. Долг не отдал, – затем повернулся к Алладину и закричал:

– Отдай мои двадцать рублей, негодяй, а не то я тебе глаза выколю.

У портного лицо стало красным-красным. Вертел продырявленным от иглы пальцем перед носом Алладина и твердил одно:

« Не отпущу, пока не отдашь долг».

Бег

(Юмореска)

Напротив нашего цеха густо разрослись деревья. В жаркий полдень после сытного обеда посидеть в тени – истинное удовольствие!

Сижу. Отдыхаю. Вдруг вижу: слесарь Агасафа несетя мимо меня, словно трусливый заяц. На каждом шагу оглядывается назад, голову в плечи вобрал, аж уши поджигает от страха.

– Эй, – кричу ему, – Опять нашкодил? – Агасафа у нас шутник. – Остановись на минутку, расскажи!

– Некогда! И ты «смывайся»! Вон с той стороны идет. Быстрее!

Недоумеваю. Тем более, что Агасафа не одинок. Рабочие явно встревожены, и по одному, а то и целыми группами куда-то бегут.

– Не хочу! – упирается один, отбиваясь от тянущего его за рукав товарища. – Обеденный перерыв еще не закончился, какое он имеет право?..

– Идем, тебе говорят! – не унимается другой. – Знаешь, что бывает с козлом, если он о посох чабана бороду почешет? Посохом – по рогам! А в чем виновато бедное животное? Так что не кличь на нас беду. Понял?

– А что мне терять? Гаечный ключ с молотком что ли? Я ведь слесарь. У меня кресла начальнического нет!

– А премия у тебя есть? Так не будет. Хочешь?

Видимо, аргумент оказался веским, потому что я вдруг оказался один. Пришлось встать, а то на душе кошки когтями скребут. Откуда не возьмись, крановщица Салима в своей красной, как кумач, юбке. Так бедная спешит, что юбка, как флаг, вьет-ся по ветру.

– Салима! Куда вы все так несетесь? Нормы ГТО цех сдает что ли?

– Эх ты, новенький! У нас всегда ГТО в конце месяца. Смотри, не попадись отдыхающим на глаза директору – в «черный» список угодишь. Беги, вон он!

И мы с Салимой задали стрекача.

Лазейка

Он вовсе не собирался хлопать дверью. Со всем наоборот, ему хотелось проскочить к своему рабочему месту как можно тише. Проскользнуть и сесть. Как будто там и сидел. Как будто не опоздал на полчаса из-за своего проклятого автобуса.

Негоже все-таки молодому двадцатидвухлетнему специалисту начинать свою инженерную карьеру с опозданий! Тем более, что работает он лишь вторую неделю...

Но Дадаев так спешил, что не справился с дверной ручкой, и дверь, вырвавшись из его рук, оглушительно хлопнула. На фоне утренней тишины, висевшей в просторном помещении технологического отдела, этот звук произвел эффект пушечного залпа. Такое, во всяком случае, создалось впечатление.

Зал, на первый взгляд, был пуст, но в углу, за двумя большими досками-кульманами, звякнув чайной ложкой, упал на пол и покатился стакан. Вслед за этим последовал женский визг и мужское чертыханье. Зам. начальника отдела, нагнувшись, стал подбирать упавший, как всегда, маслом вниз бутерброд.

– Этот щенок доведет меня до инфаркта, – сказала, наконец, Зарифа, слизывая кровь с проткнутого спицей пальца.

– Не говори, Зарочка, – отозвалась Халида, стирая носовым платочком капли чая с нарядного платья. – Хорошо хоть, что не весь чайник опрокинула!

– Дадаев! – опомнившись, грозно произнес начальник отдела.

– Что с тобой происходит, сын мой? – Это звучало издевкой, так как сам начальник был едва ли больше, чем на 5-6 лет старше. – Объяснить тебе, который сейчас час?

– Так получилось... – пробормотал Дадаев.

Начальник поправил очки и сделал глубокий вдох.

– Тебе здесь что: папин дом или государственное учреждение? – Начальник умел говорить с чувством. – Ты понимаешь, что ты опоздал к исполнению государственных обязанностей на целых полчаса?

– Автобус...

– Все вы так! У кого автобус, у кого троллейбус. Хоть бы что пооригинальнее придумывали. Вчерашнему цыпленку петуха не учить! Понял?

Дадаев потупился.

– Простите меня, – пробормотал он нерешительно. – Я постараюсь. Буду пораньше выходить из дому...

Начальнику, ходившему крупными шагами из угла в угол отдела, похоже, последняя фраза при-

шлась по душе. Он на секунду остановился и сказал:

– Ну что ж, посмотрим, что будет дальше. А как мы поступим сегодня? Ты совершил проступок и должен быть наказан!

Услышав о наказании, Дадаев покраснел, как рак. Веснушки, казалось, запрыгали по его лицу маленькими светлячками.

Зарифа потерла больной палец. Но сердце у нее было доброе, и она сказала, обращаясь к начальнику:

– Он же сказал, что это больше не повторится. Зачем же наказывать?

– Будь у нас старые порядки, и я бы так же думал, как ты, Зарифа. А сейчас... Разве ты не знаешь, что на проходной общественный пост народного контроля? А куда кладут списки опоздавших? Прямо на стол директору! Помните «Молнию» на прошлой неделе? В отделе комплектации всего лишь двое опоздали на пятнадцать минут, а всему отделу пришлось распроститься с месячной премией. Профсоюз одобрил! Условия соревнования жесткие, сами голосовали, знаете! Я слышал, что в этом месяце ожидается ни много, ни мало – 30 процентов. Ну так как же: заплатим за дадаевское опоздании своей премией?

Отдел зашумел, как растревоженный улей.

– Ну и ну! Из-за одного опоздавшего!..

– Причем здесь все мы?..

– Давай составим протокол, чтобы его одного депремировали!..

Ошеломленный Дадаев вертелся в водовороте разгневанных голосов и никак не мог вставить ни одного слова. Наконец, когда шум поутих, он сказал:

– Меня не заметили.

– Как не заметили? – возмутился старший инженер Нагиев. – Ты что – фокусник что ли? Погоди, молокосос! Вот лишат премии, – будешь кормить моих троих детей.

– Я же говорю вам: не заметили меня! Я не через проходную пришел. Ясно?

– А как же? По воздуху что ли?

– Да, по воздуху. – Дадаев замялся. – Я через забор перепрыгнул...

В наступившей вдруг тишине все вдруг услышали, как громко, с облегчением рассмеялся начальник и сказал:

– Seriously? Что же ты сразу-то нам не сказал? Неплохое начало: коллектив не подвел и сам не пострадал. Молодец!

Добряк зам улыбнулся:

– Помню, я только через шесть месяцев решил-ся через забор сигануть. А этот – через неделю. Вот дает! Далеко пойдешь, Дадаев!

Начальник, уже сидевший за столом со стаканом чая в руке, откусил кусок торта и сказал:

– Товарищи! Что за безобразие: час проработали и даже по стаканчику чая не выпили. Совсем себя не жалеете!

И когда все принялись за чаепитие, спросил:

– Так что же делать с виновником?

– Я же сказала, простить, – ответила за всех успокоенная вязаньем Зарифа. – Мальчик никому не причинил вреда. Пойди, выпей стакан чаю!

– Верно, – поддержал ее начальник. – Иди, сядь. Пирожное возьми! Кстати, в следующий раз через забор не прыгай. Хорошо?

– Хорошо! – обрадовался Дадаев. – Я же сказал: я буду пораньше...

– Не в этом смысле, дурачок! С забора прыгнешь, – ушибешься. Ногу подвернешь. Зачем рисковать? Между деревьев в заборе есть большая лазейка. Понял? Не думай, что ты один умный!

Благое дело

Рашиду-даи пятьдесят лет, и уже более двадцати из них он является начальником цеха. На заводе его все называют просто – «даи», то есть, дядя. В то утро, обойдя весь цех, он, собиравшись уже, было, пойти к себе в кабинет, как вдруг увидел заводского физкультурника, прародителя, так сказать, заводского физкультурного движения Шахбаза. «Ну, попался! – успел подумать Рашид-даи, – надо бы спрятаться». Но не тут-то было, физкультурник успел его заметить, так что вцепится сейчас, как клещ, – не отделаться и не убежать.

– Даи, – сиял издали радостно физкультурник, – пламенный вам физкульт-привет!

Загасить бы вовремя этот пламенный привет, пока не воспламенилось все кругом. Однако Шахбаз шел прямо на него. Рашид-даи, оглаживая свои пышные усы, пробормотал себе под нос: «Чтобы тебе пусто было без Рашида-даи, надо было тебе вовремя шею свернуть, пока ты работал в цеху, сейчас бы не трясся перед тобой. Липучка какая, вцепится – не отстанет».

До окончания института Шахбаз работал у них в цеху. Не обращая внимания на ворчание своего бывшего начальника, он взял его под руку и повел из цеха. Рашид-даи заметно ниже ростом и, глядя Шахбазу в глаза, задирает голову так, что приходится придерживать шапку, чтобы она не упала.

– Опять прибежал, что на этот раз? – спросил он у своего бывшего работника, не обращая внимания на его задорный порыв.

– Даи-джан, у заводского спорта дело к тебе, – начал, как обычно, Шахбаз свою просьбу.

Рашид-даи этого будто только и ждал, вспыхнул, как порох.

– Да пропади он пропадом, этот твой заводской спорт! – заорал он и тут же пригасил голос. – Советь-то имей, что ты от меня никак не отстанешь? Каждый день приходишь! Правильно в народе говорят: «Слепой, вскочив на коня, по огороду своему скачет! Ты ведь уже больше в этом цеху не работаешь... Ну, и что прискакал?.. Хватит, уже четверо спортсменов и один кларнетист в штате цеха числятся! Что ты еще хочешь?

Но Шахбаза криками не испугать было. Он привык к тому, как ругаются начальники цехов. Здоровенный он парень, высоченный, как говорится, на минарет без лестницы может забраться. Заулыбался, стал успокаивать Рашида-даи:

– Да не волнуйся ты так, даи-джан, хорошее это дело, ей Богу, благое.

После этих слов Рашид-даи вроде немного успокоился, но бдительности не терял. Каждый раз, когда к нему приходит Шахбаз, он чувствует покалывание в губах. Вот и сейчас колынуло.

– Хорошее дело? – переспросил он. – От тебя? Ну, нет уж, не проведешь. Не надо.

– Нет, без шуток, действительно, стоящее дело... Ты знаешь, я очень сильно недоволен Арыговым... Не знаю, что делать.

Рашид-даи, чтобы как-то оттянуть время, притворился, что не совсем понимает его:

– В цеху два Арыгова, о каком из них ты говоришь? – спросил он. – Один хороший токарь, другой же...

– Я как раз о нем и говорю, он боксер-перворазрядник, – нетерпеливо перебил его Шахбаз. – Будто не знаешь. С токарем у меня нет никаких дел.

– Чего это вдруг, – Рашид-даи подозрительно окинул его с ног до головы. – В прошлом году ты умолял взять его. Говорил, у него такие удары, он так бьет. Кучу боксеров подготовит. Взял его на работу. А теперь что случилось?

– Знаешь, даи, обнаглел Арыгов, зарвался, приходит ко мне, говорит, зарплату, мол, увеличь. Вот злыдень, а? Ну, попрыгает с ребятами пару часов, и все туда же, зарплату прибавь...

У начальника цеха вены на лбу вздулись, лицо испариной покрылось.

– Что, этого бездельника не устраивает зарплата слесаря четвертого разряда? Кошмар!

Похоже, Шахбаз нащупал нужную струну:

– И не говори, каждый раз перед соревнованиями начинаются капризы. Наглый очень человек. Через

месяц начинаются районные соревнования, он мне условия выдвигает. Тренировки забросил.

– Ты смотри-ка! Не можешь его приструнить? – посочувствовал Рашид-даи.

– Если бы можно было! – заныл Шахбаз. – Прямо голову потерял! Директор вызывал меня, честь нашего района будут отстаивать футболисты и боксеры нашего завода, надо хорошо подготовиться. А Арыгов так поступает с нами. Действовать надо, пока не поздно, не то опозоримся на весь район. Директор с меня три шкуры спустит.

– Тебе вообще что надо! – Рашид-даи занервничал, – дел у меня не впрокорот, а ты свое все заладил. Мне что теперь, пойти твою команду боксеров тренировать, издеваешься?

Шахбаз, представив себе на минуту Рашида-даи на ринге, заулыбался:

– Вообще-то было бы здорово, – сказал он в шутку и тут же посерьезнел. Прошу тебя, Рашид-даи, вызови Арыгова, пусть напишет заявление и уходит...

– Нет, ну при чем тут я. Он ваш работник, ты его привел, сам его и гони. Меня в это дело не впутывай.

– Почему? – широкие брови Шахбаза поднялись и опустились. – Может, боишься?

– Не то, чтобы боюсь. – Начальник цеха облизнул пересохшие губы. – Опасаюсь я...

Голос, который обычно гремел по всему цеху, теперь прозвучал так тонко, что Шахбаз невольно заулыбался.

– Смеешься, да? Тебе-то что, все шишки полетят в меня. Я взрослый человек. Ну, вызову Арыгова, попрошу написать заявление. А он ведь спортсмен необузданный, возьмет и двинет разок. Челюсть напроочь снесет. Больше года он в цеху числится. Однажды вызвал его, говорю, ты хоть приди, покажись, табель закрываем. Он от злости чуть стул на голову не надел... Нет, это ваш кадр, сами с ним и разбирайтесь.

– Но ведь он числится в вашем цеху, вы и должны это сделать! – уговаривал Шахбаз. – Избавь нас от Арыгова, на его место мы другого найдем...

– Я сказал, отстань! – начальник цеха попытался освободиться от Шахбаза. – Ради тебя я могу ногой пнуть футболиста и выпроводить вон, волейболиста подбросить вверх и выбить из цеха, кларнетиста – уволить, пусть дует в свою дуду, где хочет. Но Арыгова трогать не стану. Боксер-перворазрядник, у него кулак с тыкву... Нет, душа моя. Мне еще жить хочется.

– Я придумал, – радостно засиял Шахбазов. – Знаю, что надо делать! Мы пригласим на работу мастера спорта. Честное слово, как телохранитель, будет за тобой ходить. Не даст к тебе и пальцем приотронуться...

Рашид-даи задумался, потом отрицательно покачал головою:

– Нет, не согласен, – сказал он.

– Почему?

– А если завтра и мастер спорта заупрямится, я снова стану мишенью. Тогда что делать? Поедешь чемпиона мира Мухаммеда Али звать? Не хочу. Жизнь моя и без того в залоге у твоих спортсменов. Конец один, кто-нибудь покалечит. Но думается, кулаки перворазрядника полегче будут, чем у мастера спорта. С этой точки зрения Арыгов для нас предпочтительнее. Поговорите с ним. Ни его не мучайте, ни меня... Благое дело такого рода не по мне.

– Опять будем зависеть от Арыгова, – горько сказал Шахбаз.

Рашид-даи засмеялся, руки в боки:

– Вот оно твое благое дело! Не удалось оно, – сказал он и пошел в цех.

Письмо

«Дорогой сынок, мы все живы-здоровы, чего и тебе желаем в этом чужом городе. Мама очень беспокоится о тебе, боится, что простудиться можешь. Просит передать тебе, чтобы тепло одевался, следил за собой, в ветреную погоду в город не выходил. Во сне ты открываешься, поэтому надевай теплое нижнее белье. Это поручение твоей матери. Сестры твои тоже соскучились, просят, чтобы на каникулах я отвез их к тебе повидаться. Ну, как Бог

даст, проживем – увидим, как получится... В селе все по-прежнему, ничего не изменилось, все так, как и было при тебе, ничего не прибавилось и не убавилось. Сын бригадира Алхаса сбил человека на своих красных «Жигулях», теперь за решеткой сидит. Отец его места себе не находит, проклинает красные «Жигули», что стоят сейчас во дворе. Теперь перейдем к своим делам. Новость я услышал от тех, кто в город ездит, душу она мне обжигает, сердце прямо разрывается. Дел невоворот, не то бы приехал в ваши края, задал бы тебе трепку. Ты думаешь, что раз тебе двадцать лет, шляпу надел, на шею галстук повязал, так и все, да, я до тебя не дотянусь? Ты плохо меня знаешь! Это что такое: до меня, твоего родного отца, доходят о тебе очень странные слухи. Я тебя посылал учиться на прокурора, а ты, значит, в артисты подался. Два года дуришь нас, за нос водишь. Больше мне сказать нечего! Адэ, ай безобразник, когда посылал я тебя учиться, сказал, иди, учись, стань опорой нам, если кто-то притеснять нас станет, чтобы и мы могли за себя постоять.

Представь себе, сын терщика в бане, которого ты и за человека не считал, подошел ко мне на базаре и обозвал последними словами. А все почему, да потому, что стал нашим участковым милиционером. Ты посмотри, что он мне сказал: «Гражданин Мири, у тебя земли с гулькин нос, десять шагов в ширину, двадцать в длину, ты мне скажи, как на таком участке

ухищряешься столько картофеля выращивать, что на базар ежегодно десятки тонн отправляешь? Может, поделишься секретом? Мы ведь свои, соседи, односельчане. Я добро помню, помогу со своей стороны, чтобы торговля у тебя шла лучше». Ничего не поделаешь, приходится выслушивать этого ублюдка. Ну и что такому скажешь. Одно остается, сынок, голову ему размозжить! Но нельзя. За такое дело можно лишиться всего, что годами всю жизнь копил. Что из того, что он – сын терщика в бане, раз на должности, он уже сила, у него власть.

В общем, сынок, меня все, кому не лень, обижают. Вынужден терпеть. Сколько уже времени гоняют меня то туда, то сюда. Сейчас время, когда картофель по рублю за килограмм можно продавать, а у меня товар на базаре бесхозный стоит. Не дают мне делами заниматься. Таскают по следователям, да по прокурорам. Спрашивают: «У кого купил?» Отвечаю, что со своего огорода, вот и справка есть. «Почему так дорого продаешь?» Говорю, за сколько же продавать, если я столько труда вложил, вырастил, собрал урожай, на горбу своем на базар привез. Покупатель хочет, покупает, не хочет, пусть подешевле ищет. Разве я кого-то заставляю покупать свой товар?

Издвательно спрашивают: «Как разместить на твоём крохотном участке столько картофеля, во сколько пластов надо уложить его?» Я лишь смерил

его взглядом, не стал отвечать, как следовало бы, полагая, меня не поймут. Смеюсь. И они смеются.

Но я тоже не лыком шит, сынок. Все на своем стою, мол, на моем участке можно вырастить десять тонн картофеля. Постараешься, можно и больше. Сын терщика в бане, кажется, потихоньку начинает понимать. Ну, а как еще. Терщик ведь ему клада не оставил! А ему надо машину купить, дом построить...

Дай тебе Бог здоровья, сынок, кажется, устроилось все, но я разорен. Прибыль за весь год вынужден был оставить, все, что копил по манатiku, ушло.

А теперь, сынок, брось эту затею быть артистом, хватит тебе паясничать, кому нужны твои сказки, притворные слезы, лживые клятвы. Поступай в школу прокуроров. А закончишь, все у тебя из золота будет. Опорой мне станешь. У чужих брать не будешь, это опасно, такого юнца, как ты, могут враз привлечь. Достаточно того, что я тебе буду давать, да не оскудеет рука моя. Поверь, сынок, если собрать все, что я отдал, хватило бы на семь долгих лет.

Если слушаешься меня, то триста манат, которые высылаю тебе ежемесячно, пойдут тебе во благо.

Твой отец Мири»

Всему свое название

Однажды утром (не дай Бог повториться такому еще раз) проснувшись, я встал с левой ноги. И встав, решил для себя, что отныне все буду называть своими именами. «Довольно уже, должен же быть предел человеческому двуличию или нет!»

На утреннее совещание я еле поспел. Спор разгорелся. Начальник поднялся и одним словом все расставил по местам. И слово заключалось в том, что, допустим, простокваша черного цвета, с чем все дружно согласились. Только я один возразил. Начальник подозрительно посмотрел на меня, и целый день со мною не разговаривал. Потом до меня донесли, что он считает меня наглецом, что так и сказал: «Наглец! Дело вовсе не в цвете простокваши, она может быть и белой, дело в уважительном отношении. Сколько я ему хорошего сделал, мог бы и промолчать, ничего бы с ним не случилось. Вот она, черная неблагодарность!»

Но это меня не остановило.

Подойдя к секретарше начальника Фае, я сказал:

– Ай, Фатьма, что ты с собой сделала, разукрасилась, не приведи Бог ночью тебе встретить!

Фая сморщила свое личико под трехслойным кремом и, глядя мне прямо в глаза, сказала:

– Фу! Грубиян. С женщиной не может разговаривать, а еще себя современным чуваком считает!

Записи зарубежной эстрады, что давеча она обещала принести мне, тут же убрала, спрятала. Вытащила из папки с грифом «Срочно» мой отчет и бросила его на стол. Ясно: не скоро я теперь увижу подпись начальника на своем отчете.

Но и это меня не остановило.

После того, как я назвал нашу лаборантку Зулю ее настоящим именем «Зулейха», да отсох бы язык мой в тот миг, моя чашка, стоявшая на столе, чая больше не видела.

Я вызвал старшего лаборанта. Он уже больше года работал над одним проектом. При подключении аппаратуры в сеть он вместе с обычными голосами выдавал голоса собак, кошек, птиц.

– Виляют, как двигаются дела? – спросил я.

Стал рассказывать. Вздохнув, я назвал его «бездарем». Он в долгу не остался.

– С кем поведешься, от того и наберешься!

Но и это никак не повлияло на мое утреннее решение.

Буфетчицу я обозвал грабительницей из-за того, что она мне не додала сдачи. Она же меня обозвала «копеечным демагогом» и не сразу меня обслужила. Долго пришлось ждать, и когда я получил, наконец, вождеденную миску супа, то вместо мяса в ней были лишь кости.

Вечером я отменил свое решение, хватит, натерпелся!

Утром, что бы ни говорил начальник, я согласно кивал головой: «Это гениально, шеф!». Он мне улыбался. Спросил, хочу ли я поехать на конференцию. От радости я готов бы летать. «Наш начальник ангел», – думал я.

– Ооо! – воскликнул я, увидев секретаршу шефа Фаю, – сегодня ты великолепна! Ты напоминаешь Брижит Бардо и других изумительных женщин.

Фая стала влюбленно рассматривать в зеркальце свое разукрашенное личико, накладные реснички и осталась довольна собой. Дала мне записи современной эстрады. Потом мой отчет переключался в папку «Срочно». Через десять минут она мне вернула его с подписью начальника.

Зулейху я назвал, конечно, Зулей. Тут же получил чай, к тому же еще и с пирожным.

– Браток, как дела? – спросил я у Вилята.

Он рассказал. Оказывается, все идет к лучшему, нет уже медвежьего рева. Я похвалил его.

– Так и продолжай, – сказал я, – в конце концов, должно получиться.

Вилят пообещал мне некий дефицит. В буфете я не стал требовать сдачу, продавщица шепнула, чтобы я далеко не уходил, принесет мне нечто исключительно вкусненькое. Настроение у меня поднялось, даже зашкаливало.

Нет, жизнь все-таки прекрасна. Да здравствует жизнь! А себе я строго наказал, не называть все сво-

ими именами. Так устроен мир, не мне же его переделывать!

Ножницы

Все пятнадцать стульев в кабинете начальника были заняты. Сидели, терпеливо ждали, пока начальник закончит свою речь. Молодой человек у входа стоял, сложив на груди руки и опустив голову. Время от времени он исподлобья смотрел то на одного, то на другого, при этом начинал то краснеть, то бледнеть, а то и вовсе становился желтым. Словом, менялся человек в лице. Начальник, откинувшись на кресло, продолжал свое выступление:

– А теперь рассмотрим акт, – сказал он и стал читать разложенные перед ним документы, особо выделяя знаки препинания: «Мы, нижеподписавшиеся, утверждаем, что тринадцатого сентября этого года в семнадцать ноль-ноль слесарь цеха потребительских товаров Махмудов Шакир Мами оглу был задержан при попытке вынести с территории завода ножницы, изготавливаемые на нашем заводе. На вопрос: «Куда ты несешь государственное имущество?» – вышеуказанный злоумышленник с присущей ему наглостью заявил: ну, куда еще можно нести ножницы? Ввиду того, что этот ответ нас не удовлетворил, ножницы были у него отобраны и составлен настоящий акт».

Далее следуют подписи: начальник охраны, охранник, общественный надзиратель...

Потом начальник, не делая паузы, придвинул к себе второй лист и стал неспешно, занудливо на одном дыхании читать его. «Начальнику цеха потребителей товаров. Для вынесения постановления направляется вам настоящий акт. Просим вас принять в отношении вашего работника действенные меры и о результате сообщить нам в письменной форме. Примечание: К акту, как вещественное доказательство, прилагаются ножницы». Подпись: начальник охраны.

Глубоко вздохнув и отшвырнув бумагу, начальник снял очки, протерев глаза, взял со стола ножницы и, сотрясая ими в воздухе, обратился к парню, что стоял у двери:

– Стыдно тебе должно быть, сынок, позорно, – сказал он. – Видишь, что ты натворил? Думаешь, мы собрались здесь из-за ножниц? Ошибаешься, дело в том, что сегодня ты позарился на ножницы, завтра – станок понесешь, а затем грузовик умыкнешь. Воровство начинается с мелочей. – Начальник снова стал трясти ножницами. – Не стыдно, такую маленькую вещицу не сумел пронести через такую огромную проходную? Опозорил цех наш на весь завод.

Начальник еще что-то собирался сказать, но кашель не позволил. Верный заместитель вовремя подоспел ему на помощь:

– Начальник прав. Во-первых, что такое ножницы, что ты на них позарился. Во-вторых, коль уж взял... так неси так, чтобы не нашли. Ну, как это назвать?!

Взявший слово старший мастер тоже успел выговориться. Председатель цехового местного комитета, обычно защищающий в таких ситуациях работников, также стал бранить провинившегося. Закончил он следующими словами:

– Мы включили тебя в список передовиков, а ты вон что вытворяешь, из-за каких-то несчастных, копеечных ножниц имя твое склоняется по всему заводу....

Остальные, находившиеся в комнате, стали задавать молодому человеку множество вопросов. Кто-нибудь видел, что ты брал ножницы? Когда у тебя зародилась мысль украсть ножницы? Это в первый раз, или ты уже до этого воровал ножницы? Цеховой экономист затронул очень интересную тему: а знает ли товарищ Махмудов, что если каждый работник возьмет по ножницам, какой ущерб будет нанесен заводу?

Вопросы эти градом сыпались на голову молодого человека, он же в ответ просто молчал. Но на последний вопрос должен был ответить. У него спросили:

– Для чего тебе нужны были ножницы?

– А вы не знаете, для чего ножницы? – переспросил молодой человек, – не знаете? Мне они нужны для того, чтобы подправлять усы, а вам не знаю.

После этих слов все обратили внимание на то, что усы у молодого человека непомерно выросли, в рот лезут. Старший мастер разозлился.

– Послушай, ты в месяц получаешь сто пятьдесят рублей. У тебя нет пятидесяти копеек купить ножницы, привести усы в порядок? Разве мужчина для этого должен воровать?

– Есть у меня пятьдесят копеек...

– Почему тогда не покупаешь?

Молодой человек и этот вопрос оставил без ответа. В голове у него все смешалось, он даже не мог вспомнить, что заходил на прошлой неделе несколько раз в магазин за ножницами, но их в продаже не было. Ножницы, выпускаемые родным заводом в его родном городе, словно сквозь землю проваливались, или испарялись.

Обсуждение в кабинете продолжалось. Ведь вор был пойман на месте преступления, и должен быть наказан. В конце концов, решили вынести ему выговор и вычеркнуть из списка передовиков. Все поднялись, собрались уходить, но начальник остановил их, попросил сесть.

– Что нам делать с ножницами? – спросил он.

Все стали переглядываться, смотреть друг на друга, потом на ножницы. Кто-то предложил отдать их Махмудову, пусть забирает себе, поправит усы, но если и на этот раз попадется в проходной, его уволят.

Смеясь, все стали расходиться.

Глазная боль

Едва повар Агами успел открыть крышку огромной кастрюли, как пар кипящего бозбаша опалил его лицо. Все вокруг оказалось словно в осеннем тумане. Перехватило дыхание, заволокло глаза, ему стало нехорошо, он пошатнулся и чуть было не упал. Агами спрыгнул со ступенек, ведущих к плите. Невысоко было, полметра всего, но его замутило. Он присел, вскочил, прошелся туда-сюда, и все равно глаза словно сеткой затянуло. Ужас охватил его. Поручив кастрюли помощнику, Агами вышел из столовой. Так и пошел в своем когда-то белом, а теперь непонятного цвета, халате и поварском колпаке. Была весна. Утреннее солнце едва показалось из-за деревьев.

Заводская столовая находилась рядом с медпунктом. Агами шел заплетающимися ногами. Поискал затуманенными глазами стеклянную дверь медпункта, как только нашел, ринулся в нее. Он так толкнул дверь, что она распахнулась и с грохотом закрылась. Девушка из регистратуры тут же вскочила на ноги. По опыту она знала, что так дверь открывает только начальник медпункта или какой-нибудь очень срочный больной. Ей одинаково страшно было и то, и другое. Посмотрела в регистрационное окошечко. Увидев Агами из заводской столовой, она немного успокоилась, и как ей полагалось, крикнула:

– Да потише ты, дядя, – рассердилась она и, вспомнив профессию Агами, спросила. – Что-то на плите оставил?!

Агами некогда было вникать в окрики девушки. Закрыв лицо руками, пробормотал:

– Умираю, доченька. Глазной врач где? – он просунул голову в регистрационное окошко.

Девушка отпрянула назад, опасливо спросила:

– Что случилось, дядя?

– Скорее, доченька, отведи меня к главному врачу, – умолял повар Агами, – Обед поручил пацанам всяким. Боюсь, испортят все... Ой, глаза!

– Сейчас, – засуетилась девушка, – глазной врач у нас – главврач медпункта. Первый этаж, двенадцатая комната. Идите, а я пока поищу вашу карточку. Фамилию скажите.

Едва она произнесла эти слова, Агами закипел от гнева, прямо как его кастрюля с бозбашем.

– Успокойтесь, дядя, я ведь не сказала вам ничего плохого.

– Замолчи! Я пришел к главному врачу, а ты отправляешь меня к главврачу, что, издеваешься надо мной? Бессовестная, чьи слова повторяешь, кто тебя этому научил?

– Не ругайся, дядя, – девушка пыталась его успокоить, но не получалось. Теряя терпение, сказала. – Раз так, это я-то бессовестная, уходите отсюда, или я звоню в сумасшедший дом.

Шедший по коридору пожилой, со спадающими на лицо седыми волосами врач, услышав шум, подошел ближе.

– Что случилось, Зарифа? – обратился он к девушке, – что за шум-гам?

– Вот полюбуйтесь, этот мужчина меня оскорбляет, – Зарифа расплакалась. – Не знаю, что ему от меня надо? Глаза у него болят, посылаю в кабинет главврача, начинает меня ругать... – Пожилой врач, откинув назад волосы, посмотрел на все еще находящегося вне себя от злости Агами.

– Послушай-ка, браток, что ты здесь устраиваешь, не стыдно в твоём-то возрасте?

– Так ей и надо, пусть знает, что говорит! У меня глаза болят, а она посылает к головному.

Пожилой врач ничего не понял. Агами он знал с тех пор, как открылся медпункт. Агами был мастером своего дела, обедать к нему в столовую приходили даже из соседних предприятий в округе.

– Послушай, дружище, – врач старался ему объяснить. – Зарифа – девушка, хорошо знающая свое дело. Она знает, куда направляет больного. Студентка медицинского института. Через пару лет станет врачом. Он не может сделать ничего плохого... Может, ты чего-то не понимаешь?

Агами, отведя руки от глаз, стал кричать:

– Нет, вы не знаете. Она повторяет чужие слова. Из ее слов выходит, что у меня не глаза болят, а с го-

ловой того... – Агами покрутил пальцем у виска. – В смысле, у меня не все с головой в порядке. Ты не перебивай меня, доктор, это все говорят. Считают меня тронутым немного, и она направляет меня к врачу, лечащему головы.

Врача вдруг охватил смех, он откинулся назад, посмотрел лукаво на повара, на его вздувшиеся от злости ноздри, на трясущуюся челюсть.

– Почему так все говорят, есть повод? Если не секрет, я готов выслушать.

– Какой еще секрет, – Агами был тронут вниманием пожилого врача, с явной охотой излил душу. – С кого начать, пожалуй, с нашего нового заведующего столовой. Вызывает меня как-то и говорит: «Агами, так дальше работать нельзя. Ты ежедневно готовишь обед на сотни человек. Если с каждой порции ты урежешь немного маслица и мяса немного, ты и себя прокормишь, и нас тоже. В день по пять-шесть килограммов мяса и масла будем иметь, этого нам хватит. Проживем». Злость стукнула мне в голову. «Здорово придумал, – сказал я ему, – что мне теперь вором становиться? Не стыдно?» Заведующий столовой нахмурился: «Ладно, ладно, – сказал он, – не шуми. Кажется, у тебя не все дома, растерял пару «шариков», будет время, покажись врачу насчет головы». Подручные мои тоже так и стараются что-то унести. Не даю! Они обижаются. «Ты на старости лет вообще голову потерял, – говорят, – как будто не от

мира сего». Даже и жена моя говорит то же, что и они...

Врач нахмурил брови, с удивлением посмотрел на повара. Как будто впервые видел его.

– А она что говорит, дружище?

– Если глубже копнуть, то многое! Пришли, говорит, мяса, у двоюродной сестры день рождения, им отправим, все дешевле им застолье станет. Спрашиваю, откуда взять? Говорит, ты же шеф-повар в столовой. У меня глаза на лоб вылезли, я ей сказал: «Замолчи! Дома есть деньги, нужно тебе мясо, масло, пойдди купи! Обкрадывать людей я не стану! Жена посмотрела на меня презрительно и знаешь, что сказала? Говорит, ветер у тебя в голове блуждает. Люди из чего угодно деньги делают, а ты? Иди, покажи свою голову врачам. Теперь понял, чьи слова повторяет эта девчонка? А?

Врач, увидев, что Зарифа снова собирается поднять шум, взял Агали под руку, повел в сторону.

– Агами, дружище, ты не прав, – стал объяснять он, – это небольшое медицинское учреждение. У нас один глазной врач и его назначили главным врачом, так что девушка совершенно права. Понял?

– Как такому человеку, как ты, не поверить? – ответил после долгого раздумья Агами. – А если голова разболится, тоже идти к главному врачу.

Врач очень удивился наивности этого взрослого человека.

– Нет,– сказал он, – для этого у нас есть другой врач. А теперь иди, покажись главному врачу.

Агами покачал головой.

– Не стоит, глаз уже и не болит, просто опалил паром от бозбаша, что готовил на обед. Но боюсь, побуду здесь еще немного – голова разболится. Пойду, а то я там кастрюлю оставил на попечение подручного. Очень уж шустрый малый, интересно, откуда заведующий находит таких молодцов. Только оставь без присмотра, так они и из кипящей кастрюли норовят мясо стащить.

Врач стоял и долго смотрел вслед удаляющемуся Агами.

В ожидании девятого

Утро еще не проклюнулось, едва рассвет забрезжил, а эти шалуны опять взялись за свое, резвятся, кричат, дерутся, на весь дом переполох подняли. Ислам-киши, разбуженный их голосами, вскакивает с постели, на ходу спотыкаясь, надевает поверх кальсон спутанные брюки, бежит в детскую, задать им трепки. Доставалось и старшим, и младшим, больше, конечно, достается старшим. Это было справедливо. Он знал, что искать сейчас, в этом шуме, виноватых – дело зряшное. Коли есть вина, то все виноваты, а если нет – то никто. Одной рукой ведь

хлопать в ладоши невозможно. Обе должны участвовать, одну поднимают, чтобы ударить, другую подставляют, получается хлопок.

Потом Ислам-киши возвращался, ложился в постель, натягивал на голову одеяло, чтобы не слышать их хныканья. А толку никакого, все равно слышно, как «виновники» плачут, и сердце кровью обливается.

«Валида всхлипывает, – определил Ислам-киши. – Она плачет тихо, хоть на куски режь, в голос реветь не будет. А это Халида причитает, вытянулась ростом под потолок, а ума на чуточку. По существу, зачинщица – она. А пальцем тронь, вой поднимет на весь дом... Ноет – это Джамиля! Ей больше всего тумачков достается. Собирался Джамилю наказать, Кямаля защищать бросилась. Характер у нее, как у Халиды, очень уж мягкосердечная. Да, самая маленькая Джамаля... Ну скажи, ты-то чего реवेशь?! Я же к тебе и пальцем не прикоснулся!..»

Поняв, что уже больше не уснуть, Ислам-киши поднялся с постели. Девочки тотчас же замолкли. Курчавые головки ушли под одеяла. Мужчина стал одеваться, выходя во двор, взгляд его упал на дверь комнаты, где спали старшие дочери. Прошел мимо: «Пусть спят пока, – подумал он, – позже разбужу, рано еще, только шесть часов. Выходной день. Эх! Даст, что ли, это стадо кобылок отдохнуть хотя бы раз в неделю. За неделю набегаешься, еле ноги во-

лочишь... А иначе как быть, семью кормить ведь надо... Восемь девочек, зарплату мою, на здоровье им, за раз уминают... Пока малыши были, одевать, обувать их было несложно. Выросли, однако, требования возросли. Раньше ситцем обходились, а теперь хотят этого, ну, в общем того самого, не знаю чего-то такого... Раньше ходили полубосые, а теперь обувь подавай, да не простую, импортную! А как же! Дочери Ислама хуже других, что ли?!»

Задумался, споткнулся, чуть не упал. Ворча, вышел во двор. Кругом беспорядок, совсем муторно стало. Снова стал ворчать. «Дочь злыдня, скажи, ну чего ты пошла, разлеглась там в «бальнисе». Целую неделю разрешиться не может. Ну, когда уже придет она, приведет здесь все в порядок! Терпения нет никакого. В прошлые разы было легче, разрешалась, едва до роддома довозил. А сейчас что, что ты целую неделю рожает? Хоть убейся, сына-то ведь не родишь!» За его ворчанием отступали заботы. Была у него одна мечта, но говорить о ней кому-то опасался. «На Аллаха одного надежда!» – он тяжело вздохнул. – Сын – наследник, продолжатель рода. С дочерей какой толк, разлетятся». Поднялось весеннее солнце, и двор заполнился гамом. Девочки, кто занимался делом, кто играл. Все копошилось, жужжало, как в пчелином рое... Смотрел на них Ислам и смеялся от обиды.

Позже, взяв толь, гвозди, полез на крышу. В прошлый раз, в дождь, протекала она в некоторых местах. Сделать надо сегодня, оставлять на потом нельзя. Там подлатал, здесь починил, день уже к полудню тек. Когда спускался вниз, нога соскользнула с лестницы, боком ударился. Лежа на земле, Ислам-киши подумал, как хорошо, что на мягкую землю упал, иначе бы покалечился. Особых ушибов не было, только вот бедро, кажется, ушиб. Тихо, шаг за шагом, дошел до дома.

По радио шел концерт мугама. Девочки были дома. Как всегда шумели. Ислам-киши так был зол, что ума чуть не лишился. Хотел уж кинуться на них, да боль в бедре дала о себе знать. Прилег на кровать, застонал.... Подошла старшая дочь.

– Отец, что случилось? Где у тебя болит?

– Упал я, доченька, с крыши, бедро, кажется, ушиб. – Вновь застонал от боли.

Девочки, что хныкали, сразу замолкли. Одна стала массировать ему ногу, другая принесла чаю, третья стала вытирать пот, четвертая поправила подушку. Если бы это продлилось еще чуточку, Ислам-киши не сдержался бы, пустил слезу. Девочки, увидев, каков на самом деле их отец, добрый и мягкосердечный, никогда бы его больше не боялись. Если бы и сердился он, то брань его и тумаки казались бы слаще меда...

В это время открылась дверь, вошла соседская девочка лет двенадцати и прямо с порога закричала:

– Ислам-даи, Ислам-даи, магарыч с вас...

Сердце Ислама-киши в девятый раз после того, как он женился, ушло в пятки. Про себя он шептал: «Мальчик или девочка? Мальчик или девочка! Бог милостив!»

– Что, доченька? – спросил он, но даже пошевелиться сил не было.

– Магарыч давай, – смеялась девочка, потом, не сдержавшись...– Сын у вас родился, сын! Мама моя только что звонила, просила вам передать.

Мать ее была медсестрой в роддоме. Ислам-киши аж подскочил в постели. «Сын, опора, надежда очага», – думал он с гордостью.

– Девочки, быстро к братцу в роддом слетайте, принесите мне все подробности.

Все, от мала до велика, бросились к двери. Ислам-киши, подняв руку, остановил их:

– Ну, не все сразу, остальные завтра, даст Аллах, пойдут.

Ислам-киши вновь лег в постель, одна из дочерей спросила:

– Ну как, отец, бедро болит?

– Да, немного...– Ислам-киши говорил неправду, боль в бедре и в пояснице давно прошла.

Великолепная четверка

Отдел наш занимает весь второй этаж пятиэтажного здания, и еще несколько лабораторий находятся в подвалах. Наша группа занимает комнату в конце коридора, в самом укромном месте этажа. Рядом свален списанный инвентарь, рухлядь всякая – столы, поломанные стулья, чертежные доски. Так что нашу дверь издали не очень-то и заметишь. А мы привыкли. Сидим у себя, по другим комнатам не ходим. После того, как сняли вывеску с двери – к нам неделями никто не заходит.

Нас четверо: Мамед, Алхан, я и еще Сурая-баджи. В отделе нас называли «великолепной четверкой». В комнате у нас нет ничего лишнего. Сразу за дверью – вешалка и холодильник. У окна на столике чайный сервиз, дальше стоящие парами друг против друга четыре стола и четыре мягких стула – вот, пожалуй, и вся обстановка. А вот еще, чуть не забыл! Чертежная доска. Мы давно ею не пользовались, задвинули в угол, чтобы не мешалась под ногами. Она давно бы пылью заросла, если бы Сурая иногда не брала бы в руки тряпку и не счищала ее.

На работу шли с удовольствием, день проходил плодотворно. Жили дружно, как одна семья. Не точили ласы целыми днями, как иные в коридорах, по другим комнатам не шастали, да и к начальству сплетничать не ходили. А с теми, кто заходил к нам,

были довольно суровы, так что зайти к нам во второй раз уже не решались.

Сурая-баджи была очень хорошей женщиной, вязала весь день, не покладая рук. Толстые шерстяные свитера на нас – дело ее рук. И чаем нас не забывала напоить. Чайник всегда на плите электрической, шипит тихонько, как песню насвистывает. Она разрешила мне курить в комнате. Я отказался. Сурая стала мне доходчиво объяснить:

– Вели, не надо быть таким недогадливым, – сказала она, – послушай меня! Ты раз выйдешь покурить в коридор, второй раз выйдешь, скажут, Вели бездельничает. Да и о комнате нашей молва разная пойдет. Кури здесь, к тому же я привыкшая. Муж дома курит одну за другой. Так что кури, сколько хочешь, но будет лучше, если ты бросишь курить.

Скорее уверяя себя, чем ее, я отвечал:

– Рано или поздно обязательно брошу...

Я не был таким уж заядлым курильщиком. Курил в день пять-шесть сигарет. Так что пачки «Мальборо» почти на неделю мне хватало. Это врач посоветовал мне курить, животик, говорит, у тебя растет, ты же еще молодой человек. Пока я добрался до твоего аппендикса, замучился. Ты уже сейчас такой толстый, а что будет потом, когда повзрослеешь, и вовсе жиром заплывешь. Так что кури по паре сигарет в день, чтобы не поправляться. Совет его возымел действие. Да и сигареты «Мальборо» мне подходили, не кашлял

я. Раньше было проще «Мальборо» достать, если не за свою цену, то переплатив немного, не больше рубля. А после того, как исчезли с прилавков, приходится на край света ездить, покупать у спекулянтов по шесть-семь рублей за пачку. А что делать? Я так и поступал.

Мамед защитил-таки диссертацию. Сейчас у него много свободного времени. Чтением романов занялся. Оборачивал обложки книг, чтобы не было видно, и садится читать. Мы каждый раз пытаемся его поддеть, мол, очнись, ушел весь в свой приключенческий роман, столько читаешь, ослепнуть можешь. Он же все за свое. Глядя на него со стороны, можно решить: «Этот угрюмый человек средних лет недоволен жизнью». Но это было ошибочным мнением. Видели бы вы, как он преображался, когда на столе появлялось домино. Мамед забывал обо всем на свете, в том числе и о своих героях приключенческих романов, откладывал книги в сторону, садился играть. Мы смеялись. «Ну что ты так рвешься, в домино ведь все равно играют вчетвером, твое место никто не займет!» Кому говоришь! Мамед становится таким азартным, так спорит, что становится непонятно, как этот серьезный человек мог превратиться в такого юнца. В такие дни из-за шума в комнате, бывало, кто-нибудь открывал нашу дверь. В прошлом году, кто-то из начальников (не помню уже, кто именно) неожиданно вдруг вошел к нам. За окнами стояла весна на излете.

Мы были так увлечены игрой, что не заметили, как минуло время обеденного перерыва. Начальник посмотрел, посмотрел на нас, потом, ничего не говоря, вышел. Ну, подумали мы, – все, пропали премиальные. Однако пронесло. Утром пришла весть, что его повысили. Он был настолько занят приемом-сдачей, что наказать нас совершенно вылетело у него из головы.

Однако мы сами себя наказали. Домино навсегда исчезло с нашего стола. Сейчас не играем даже в обеденный перерыв. Правда, иногда Мамед пытается нас уговорить, но мы непреклонны. Тишина и покой для нас важнее.

Мой стол стоит рядом со столом Алхана. После того, как мы пролетели с домино, между нашими столами появился табурет. На нем мы установили шахматную доску. Целыми днями «сражаемся». Бывает, по четыре-пять партий удастся сыграть. А когда Сурая-баджи и Мамед болеть за нас начинают – игра и вовсе становится азартной. Присутствие зрителей нас вдохновляет. Вообще-то мы оба любители сыграть в шахматы, но надо сказать раньше Алхан играл гораздо лучше меня.

Все мы – инженеры-конструкторы. Зарплата высокая. Нигде нет такой высокой инженерной зарплаты, как у нас. И каждый месяц получаем премиальные – тридцать процентов от зарплаты. Живем припева-

ючи. Обедаем мы вчетвером. Едим все, что с собой приносим.

Бывает, часика в три, Мамед, зевнув, отрывается от книги, спрашивает:

– Сурая, чай есть?

Сурая тут же отвечает:

– Что за вопрос, братец Мамед, обижаешь, конечно, есть!

– Ну, раз так, если тебе не трудно, налей-ка чашечку.

– Сию секунду... – Сурая, отложив вязание, поднимается налить чаю. – С кизилowym вареньем пить будешь?

Мамед принимается размышлять. Будто мировую проблему решает. Потом, наконец, отвечает:

– Нет, варенья не хочу, вот вчерашней пахлавy было бы неплохо.

Сурая виновато смотрит на него:

– Нет ее, кончилась, братец Мамед, давеча братец Алхан съесть всю соизволил. Но у нас есть хороший торт с кишмишом. Сама испекла. Остался еще кусочек куриного мяса. Есть еще и кутабы, что принес Алхан. Чего желаешь?

В его заторможенной от чтения голове как бы проясняется.

– Кусочка торта будет достаточно, Сурая-баджи – говорит он. – Ну и еще кусочек колбаски...

– Хорошо, а вы?

Последние слова Сураи обращены к нам. Алхан сразу же отвечает:

– Было бы неплохо...

– Раз так, то оставьте ваши шахматы, идите сюда. Шахматы ведь не убегут!

Мы все собираем вокруг маленького чайного столика. Ведем беседы, шутим, так завершается день.

Мы с Алханом сверстники. Я высокий, широк в костях, он низкорослый, худощавый. В прошлом месяце мы отпраздновали тридцатипятилетие Сурай-баджи. Но выглядит она очень молодо. У нее прекрасное зрение, а очки надевает просто так, моды ради. А теперь уже привыкла. Представить ее без очков невозможно. Муж у нее – просто золотой парень. Работает слесарем на заводе. Хотя нельзя было назвать их очень уж красивыми, но дети у них просто загляденье.

Из всех нас лишь я еще не определен. Холост, хотя мне уже тридцать лет. Бедная Сурая уже лет пять все подбирает мне невесту, извелась, можно сказать. В каждой из предлагаемых ею кандидатур я находил какие-то изъяны. Ей это уже надоело, и при мне она больше не заводит разговоров о невестах. Я вздохнул свободно.

Однажды произошло событие.

Бывшего начальника повысили, на его место пришел новый. Сказать по правде, такие перемены происходили так часто, что руководители отделов не

находили времени познакомиться с работниками отделов. Наш отдел – самый крупный в нашем научно-исследовательском институте. Место начальника отдела, как трамплин для дальнейшего продвижения. Все, кто занимает эту должность, через три-пять месяцев идут на повышение.

Прошел месяц, три месяца прошло, пять месяцев прошло... А наш начальник все еще с нами, куда прыгать не собирается. Кажется, он здесь обосноваться собирается.

Пожилой человек. Не торопясь, постепенно устанавливает свои порядки. До нас доходили слухи, что он то в одной группе проверил работу, то в другой, интересуется работой лабораторий. Наша группа не обращала особого внимания. «И этот уйдет!» – думали мы.

В шахматах я довольно-таки преуспел. Каждый день выигрывал одну, а то и две партии. Алхан нетерпелив, проиграв, начинает нервничать, курить. Я потихоньку начинал матереть. Алхан теперь все чаще и чаще хватался за голову, каждый раз, проиграв, тянулся за «Мальборо». Когда он закуривал, я получал истинное наслаждение. Не каждый может выиграть у перворазрядника.

Но недолго длились наши счастливые дни, наступили и черные. Новый начальник дошел и до нас. Стал в день по несколько раз заходить к нам, проверять задания, контролировать работу, спуску нам не

давал. Я с Алханом вынужден был оставить шахматы, Мамед – приключенческие романы, Сурая – вязание. Выговор, объявленный начальником, окончательно пробудил нас. Никто не хотел терять месячной премии.

Особенно начальник не ладил с Алханом. Все потому, что как-то на собрании Алхан встал и сказал: «Некоторые товарищи думают, что здесь ферма. Не понимают, что мы работаем в научно-исследовательском институте. Творческий человек – это не дойная корова, чтобы, привязав его в стойле, поставить перед ним ведро, «молоко давай», и он даст удой... Идея должна созреть...»

С того дня начальник и Алхан стали врагами. По каждому поводу спорить начинали. Начальник давал Алхану задание за заданием. Работал, не поднимая головы, совсем голову потерял. Гнал, закусив удила. Очень нервничал, в день выкуривал по пять-шесть сигарет. Закуривал, ворчал, потом немного успокаивался.

Теперь уже моей пачки «Мальборо» не то, что на неделю – на пару дней не хватало. Алхан приканчивал ее. Я молчал, хотя мне это и не нравилось, и сам тоже много курить начинал.

И Сурая-баджи тоже не была, как прежде, весела. Работала, склонив голову. На наши чаепития смотрела сквозь пальцы. Ни чайник вовремя не поставит, не заварит лишний раз. Да и чай пить было

уже не в удовольствие. Едва поднимешь чашку с чаем, ждешь, сейчас ворвется начальник с упреками. Правда, против чая он пока не возражал, но чувствовалось, что в нем копится раздражение, вот-вот прорвется.

Вскоре Мамед оставил работу, взял расчет. Он не сумел сладить со своей страстью к приключенческим романам. Получив третий выговор от начальника, решил, что лучше будет, если он уйдет по собственному желанию. Устроился в каком-то институте, преподает.

Нас осталось трое.

Однажды начальник вызывал к себе Алхана девять раз. Каждый раз у нас екало сердце. Думали – это конец. После Мамеда мы были напуганы. Сурая сказал вслед Алхану из-под очков:

– Если уж начальство так начало с Алханом, и наш черед близок.

Вздохнув, я поднялся, стал крепить линейку на чертежной доске. Потом поточил карандаш. По заданию начальства надо было выполнить чертеж. Укрепил на доске ватман...

Вернулся Алхан. Кажется, обошлось. Но в тот день пострадал лишь я. Алхан, трясаясь от злости, курил мои сигареты – одну за другой. Пачка с сигаретами прямо на глазах опустошалась.

Сурая участливо спросила:

– Что он говорит, Алхан гардаш?

Голос Алхана заполнил всю комнату.

– Этого я так не оставлю! Жаловаться буду. Я ему не Мамед! Я ему покажу, что значит придирааться к работникам, оставившим здесь лучшие годы!

Сурая пыталась его успокоить.

– Не нервничай, не обращай внимания, – говорила она, поставив перед ним чай. – Чаю попей, успокойся.

Алхан затушил в пепельнице до половины выкуренную сигарету. От злости у меня из головы чуть ли не дым шел. Взяв со стола пачку Мальборо с последней в ней сигаретой, вышел в коридор.

– Ну, что говорит начальник? – переспросила Сурая.

– Много чего! – Алхан чуть ли не швырнул чашку на блюдце. – Говорит, что я должен закончить тему и сдать ее в течение месяца. Говорит, я не могу держать в отделе дармоедов. Я ему говорю, что работы много, за два месяца не справиться. Он ничего слышать не хочет, говорит, ничего не знаю – это из тематического плана прошлого года. Уже пятый месяц нового пошел, а ты с прошлыми долгами рассчитаться не можешь.

– Да, – подтверждает Сурая, – это так, прошлогоднюю тему ты не сдал.

Алхан смолчал, потом, гневно посмотрев на нас, сказал:

– Точно так же, как и вы.

Сурая переменялась в лице. Очки на переносице затряслись. Я тут же вмешался, чтобы прекратить назревающий скандал.

– Прекратите, – закричал я, – и так на душе неспокойно, а тут еще вы.

– Здесь ты прав, – сказал Алхан хриплым голосом. – Сигарету дай. Взбесил меня этот злодей.

Я тогда впервые возразил ему.

– Не даю, – сказал я.

– Как? – удивился Алхан. – Тебе жалко для меня этой отравы? Друг еще называется.

Понизив голос, я сказал на половину в шутку, на половину всерьез.

– Ты что теперь, братец, так и будешь каждый день нервничать, из себя выходить? Новый начальник очень круто начал, спокойствия нам теперь, видимо, уже не видать. Каждый день ты две трети моих сигарет выкуриваешь. Денег они, кстати, стоят, не с неба падают. Я уже разорился, покупая ежедневно «Мальборо». С одной стороны премии лишают, с другой ты со своим курением. Раз ты уж, браток, курить начал, кури свои. Я же тебя на иждивение не брал.

Алхан был растерян.

– Тоже мне, советчик нашелся. Я же не как ты, холостой, ватага детей у меня, покупать сигареты по шесть-семь рублей за пачку мне не по карману.

Я развел руками.

– А я тут при чем, не хватает на «Мальборо» – кури болгарские, они стоят дешевле, всего пятьдесят копеек.

Щеки Алхана стали красными.

– Если бы продавались за пятьдесят, я бы покупал, во всем городе их продают на двадцать-тридцать копеек дороже. Все у перекупщиков, спекулянтов. Никого не боятся.

Я уже больше не мог терпеть, взорвался, можно сказать, как каштан на углях.

– Тогда кури «Приму». «Прима» – она дешевая! – Сказав это, я вынул из пачки последнюю сигарету. Пустую пачку выбросил в мусорное ведро, потом, след за пачкой бросил в ведро и последнюю сигарету. – Все, больше курить не буду. Бросаю!

Сурая-баджи и Алхан смотрели на меня с недоверием. Я это давно говорил, но бросить не решался. Но теперешнее мое решение было твердым.

Взяв в руки карандаш, прошел за чертежную доску. Стал чертить. После шахмат, чая, общения на работе нужно было еще и работать. Я стал работать. Бросив курить, я не поправляюсь. А наша «великолепная» четверка распалась.

Толкач

План? Я тебя понимаю! На твоём месте? Могу!

— А ты можешь себя представить на моем? Не завидую. Понятно. И все-таки я тебя, как брата, про-

шу: потерпи несколько дней. До завтра? Хотя бы до завтра... Черт бы побрал это совещание! Договорились? Ай, джан! Ну, спасибо, дорогой. Век не забуду!

Мамедрза бросил трубку и вытер пот со лба: «Вот до чего дошел! В иные дни я с этим тупариком даже свежим воздухом подышать не вышел бы. А сейчас, поди ж ты, унижаюсь, молю. А еще начальник сборочного, в голове мозга мозге кукиш кажет»! Хорошо, что согласился, придумаю до завтра, что сказать директору.

Перевернув страничку настольного календаря, он размашисто написал: «Муфты». Кресло под ним пошатнулось, и он вдруг со страхом подумал, что непрочное место его, неустойчиво. Оно не казалось таким шатким, когда добивался его бесчисленными просьбами, телефонными звонками влиятельных людей...

«Не может быть, чтобы Ариф перед тем, как уйти на больничный, не предупредил меня об этих несчастных муфтах», – подумал Мамедрза, нажав на кнопку селектора:

– Валида, проверьте, что у нас там с номенклатурой Арифа?

– Я проверила только что. Контейнер с муфтами отгружен месяц назад, нами пока не получен. Для сборки до двадцать пятого числа необходимо пятьдесят штук, на складе ни одной.

Мамедрза отключил связь. Он вспомнил, что разговор с Арифом о муфтах у него был. Почему же он все-таки забыл. Видимо, не ожидал, что Ариф забо-

леет, понадеялся на него, не ощутил настоящей тревоги... Ему даже показалось, что нет особых оснований для паники, товар отгружен, есть квитанции, номер контейнера. Муфты вот-вот поступят. А если нет?.. Он встал, прошелся по кабинету. Вспомнился разговор с генеральным директором.

– Имей в виду, дорогой, твой предшественник Гейдар был неплохим парнем, в принципе. Только мужского слова не имел. В этом его главный недостаток. Обещаниями кормить нас не надо. Понял? Хочешь – всех сотрудников своих по поставщикам разгони, хочешь – сам на сто частей разорвись, но только слово «дефицит» из лексикона убери. Чем сможем, поможем!..

Мамедрза всю жизнь был активистом. Вначале профсоюзным. Потом возглавил спортивный сектор. Карт не густо, зато козырные: молодость плюс организаторские способности. И дело пошло. Уже через четыре месяца жалобы на службу снабжения прекратились, цеха получали со складов все, что требовалось для выполнения планов. В кабинете генерального директора, пожалуй, чаще, чем при Гейдаре, зажигалась лампочка с надписью ОМТС – отдел материально-технического снабжения.

– Эльхан-муаллим, Мамедов приехал...

– Привез?

– Да, все в порядке.

– Заходи!

На полированный стол ложился каллиграфическим почерком выписанный реестр: «Электромото-

ры – одна тысяча штук, резисторы – сорок пять тысяч, провода различных марок – полмиллиона погонных метров. На другом листе – гранаты – пять килограммов, айва – три килограмма, коньяк «Гек-Гель» – две бутылки, цветы (гвоздики) – десять рублей. Итого шестьдесят рублей. Директор знал, какие кнопки нажать, он был человеком дела. Но и крут бывал с теми, кто подводил. Потому и нервничал сегодня Мамедрза.

Окинув взглядом кабинет, вернулся к столу. Гейдар знал толк в эстетике: пол, потолок, обивка стен были подобраны в тон. Оргтехника – тоже на высоте: компьютер, телефон кнопочный с памятью, селектор на двадцать номеров. Устраивался, видимо, надолго, да не вышло.

Мамедрза передернул плечами. Кроме него самого, двух женщин с грудными детьми и Валиды с ревнивым женихом, в отделе никого не было. Не считая новенького – молодого специалиста, работающего всего вторую неделю. Остальные в разъездах. «А что если...»

– Валида, – он нажал на кнопку связи, – Рустам на работе?

– На работе, Мамедрза. Куда ему деться?

– Пусть зайдет ко мне.

Мысленно представив себе длинную шею, узкие плечи и маленький рост Рустама, Мамедрза поморщился. Внешность для «толкача» не обнадеживала. Немало потрудиться придется, чтобы сваять из этого «камня» нечто, похожее на снабженца. Сейчас заниматься этим, естественно, не время.

– Малыш, – начал Мамедрза, не дав перевести дух Рустаму, – ты слышал, что из домашнего теляти бык не вырастет? Ну вот, так и в нашей работе: сидя за столом, снабженцем не станешь. Понимаешь, что я хочу сказать? Опыта, перекладывая бумажки, не приобретешь. Правда, говорят, Бисмарк учился на чужих ошибках. Но то Бисмарк! А нам, простым смертным, нужно учиться на собственных...

Рустам, ничего не понимая, молча таращил на него глаза. «Вот баран!» – подумал Мамедрза.

– Я доверяю далеко не каждому. Но ты мне понравился, я решил поручить тебе важное дело...

В отдел Рустам вернулся озадаченным.

– Что с тобою, Рустамчик? – оторвался от вязания Валида.

– Ты командировку оформлять умеешь?

– Умею. Едешь, что ли? Куда это? Не по делам ли Арифа? – Валида назвала город в Восточной Сибири.

– Ну да! Напечатай, пожалуйста, поскорее, а то мне еще к дяде за теплым бельем и шапкой заехать надо.

– Прямо сегодня летишь? А билет как же?

– Мамедрза говорит, что в аэропорту в третьей кассе Гюля какая-то есть. «Червонец» в паспорт, говорит, и билет в кармане. А то следующий рейс через двое суток.

– Бедненький Рустамчик! Сейчас быстренько отстучу. А что брать с собою, ты хоть знаешь? Ариф пустой никогда не ездит.

– Мамедрза рассказал. Только как все это тащить? Груз немалый! Килограммов пять гранатов, три килограмма – айвы, столько же хурмы. Пару коньяков, бутылку золотистого «Шампанского». Гвоздик штук двадцать пять...

– Кошмар какой-то! А я-то думала, что Ариф каждый раз, как на прогулку едет!.. Денег хоть дал? На что ты все это купишь?

Рустам покраснел.

– Займи, говорит, где-нибудь. Когда приедешь, директор все вернет. Премию, говорит, еще получишь. Только, говорит, не забудь наш снабженческий девиз: «Пришел, увидел... привез!» Они, говорит, все алкаши, за бутылку «Агдама» все отдадут.

Через полчаса, когда Рустам с подписанной «командировкой» спустился в общий отдел, он наткнулся на Арифа. Тот из поликлиники зашел в бухгалтерию сдать больничный.

Услышав про муфты, Ариф помрачнел.

– Нехорошо получилось. Я был уверен, что контейнер придет вовремя. Видимо, какие-то железнодорожные неувязки. Что же теперь делать?

– Мамедрза посоветовал, чтобы я с вами проконсультировался насчет поездки.

– Правда? А ты согласен? Отлично, старик! Толкач – почетная роль, особенно, если это ценят, как у нас. Кстати, в счет фонда второго полугодия получить пятьдесят муфт будет тебе проще пареной репы.

– А что нужно взять с собою?

– Письмо-запрос!

– А еще? Ну, гранаты, золотое «Шампанское»?

Ариф в замешательстве уставился на Рустама. Потом, хлопнув себя по лбу, рассмеялся.

– Два коньяка, «Агдам», розы?.. Ресторан с заместителем начальника отдела сбыта?

Рустам так оторопело посмотрел на Арифа, что тот чуть было не прикусил язык «А правильно ли я делаю, что знакомя этого молокососа со «святая святых» снабженческой техники? Впрочем, иного выхода нет. Рано или поздно, Рустам все равно войдет в курс дела...»

– Не бойся, малыш, ничего этого не потребуется. Возьми с собою штук пятнадцать гвоздик – по пять каждой из исполнительниц! У нас ведь что главное? Пришел, увидел... – вот именно! Делаешь успехи! А по возвращении напишешь для Мамедрзы список, все, что он тебе говорил, включай в него. Он поверит, он ведь в наших делах новичок, дилетант. Вот и положишь в карман рублей пятьдесят-шестьдесят. Плохо, что ли? В командировке деньги знаешь, как идут? Как вода! Особенно, если обедаешь в ресторане...

СОДЕРЖАНИЕ

Путь от рассказов к роману

(Мамед Орудж, Сиявуш Мамедзаде)3

Роман «Золотой осленок»

(Перевод: Надира Агасиева, Мадины Агасиевой).....7

Рассказы. (Перевод Бориса Кутукова)285

Пусть живут284

Первая любовь289

Эбонитовые четки293

Клад297

Долг платежом красен300

Исчезнувший импульс.....303

Божьи твари.....306

О лгунах308

Долг.....311

Бег315

Лазейка.....317

Благое дело.....322

Письмо327

Всему свое название331

Ножницы.....334

Глазная боль340

В ожидании девятого.....345

Великолепная четверка.....350

Толкач.....361